

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ[®] УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

19
2017
Часть V

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 19 (153) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Шуклина Зинаида Николаевна, *доктор экономических наук (Россия)*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 31.05.2017. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображен *Сергей Сергеевич Четвериков* (1880–1959 гг.), выдающийся советский биолог, основоположник эволюционной и популяционной генетики, связавший учение о наследственности с теорией эволюции Дарвина.

Четвериков родился в семье фабриканта-промышленника в Москве. Отец видел сына своим преемником в деле управления семейным предприятием — сукновальной фабрикой. Поэтому когда осенью 1897 года сын написал ему из Германии, куда батюшка направил его обучаться техническим наукам, что твердо решил стать профессором зоологии, фабрикант немало огорчился и отозвал сына обратно в Москву, однако разрешил поступать в Московский государственный университет, который Четвериков окончил в 1906 году.

Свое решение стать зоологом он реализовал. За годы обучения в университете Четвериков участвовал во многих экспедициях от Кольского полуострова до Средней Азии, открыл и описал несколько видов бабочек, изрядно пополнив свою выдающуюся коллекцию, которую начал собирать еще в детстве.

После окончания учебы он читал курсы и лекции по генетике, энтомологии, биометрии. Четвериков основал первую в России лабораторию генетики в Институте экспериментальной биологии.

В 1929 году Сергей Сергеевич был арестован по доносу и сослан в Свердловск. После нескольких лет ссылки

он перебрался во Владимир, а потом в Горький, где благодаря усилиям своих учеников занял пост заведующего кафедрой генетики и селекции. Долгие годы он трудился над адаптацией дубового шелкопряда к суровым северным условиям и вывел устойчивую породу, которая использовалась при производстве чесучи и парашютного шелка. В 1948 году после разгромной сессии ВАСХНИЛ он вместе с тремя сотнями других генетиков был уволен.

Уже много позже, после крушения «лысенковщины», за эту работу Четвериков был награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Основополагающая статья его фундаментального труда «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики» легла в основу новой дисциплины — генетики популяций. В этой статье Четвериков показал совместимость принципов генетики с теорией естественного отбора, заложил основы эволюционной генетики.

В 1959 году, перед самой кончиной, за вклад в развитие и укрепление эволюционного учения и генетики Сергей Сергеевич Четвериков был награжден почетной медалью «Планкетта Дарвина» (награждение проводила академия естественных наук «Леопольдина» в Германии). Эта медаль — гордость советской биологии.

*Екатерина Осянина,
ответственный редактор*

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

- Jumanazarova Z. J.**
Analysis of retirement age in different countries of the world 349
- Куршина О. С.**
Понятие и особенности перформансной коммуникации 352

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

- Исаева Л. Н., Никитина С. М., Шакина Е. Е.**
Начальное обучение синхронному плаванию 354

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Зайдуллина С. А.**
День Победы: от парада до современных форм..... 358
- Зенкова Е. С.**
Творчество Андрея Белого и его воздействие на развитие русского символизма..... 362
- Кузнецова А. А.**
«Праздничное пространство» и «пространство праздника»: характеристики и особенности взаимодействия 364

ФИЛОЛОГИЯ

- Авазова А. К.**
Дидактические принципы Абу Али Ибн Сино..... 369
- Акалын Р.**
Сходства соматизмов в кыргызском и турецком языках..... 371
- Акалын Р.**
Способы образования словообразовательных ячеек соматизмов.....374

- Аллабергенов Б. К., Джуманиязова Н.**
О значении книги «История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.)» Сороколетова Ф. П. при изучении военной терминологии русского языка 377
- Артыкова Г. Ш., Жуманиязова Р.**
Смысловые отношения между однородными определениями 378
- Артыкова Г. Ш., Тураева Г.**
Тематическая группа «наименования предметов верхней одежды» в произведениях И. С. Тургенева..... 380
- Рузметова З. Н., Ахмедова У.**
К вопросу о значениях инфинитивных предложений русского языка в сопоставлении с узбекским языком..... 382
- Васильева Е. Н., Карпова С. Е., Кондратьев А. Я., Королев В. О.**
Современность и речевая культура будущего юриста 383
- Гремин А. Е.**
Политический текст в период выборной кампании: функциональные возможности и реальность 385
- Деревянко А. А., Иванова В. Н., Цыганова А. А.**
Реализация эмотивных значений сослагательного наклонения и модальных глаголов обязанности и необходимости (на материале романа С. Мозма «Луна и грош») 387
- Егорова Е. С.**
Реклама и журналистика: общее и различное. 393
- Jumaniyazova D. A.**
Semantische Analyse der sanskritischen Entlehnung “bandh” im Usbekischen 396
- Zaripova M. E.**
Culture and history in John Updike’s short stories..... 398
- Zaripova M. E.**
John Cheever’s depictions of life in suburbia and the use of satire in his short stories..... 400

Каландаров У. С., Эгамов Р. А. Применение «метода моделей» при обучении неродному языку (на примере русского языка)401	Палванова О. И., Ваисова А. Х. Адаптация заимствований в русском языке.... 419
Kalandarov A. R. Stylistic factors in the expression comparativeness 403	Ражабов А. К. О первоначальном процессе сбора рукописей произведений Навои в Западной Европе (XVII–XVIII вв.) 420
Qosimova M. Z. English syllable and its structural properties ... 404	Рузметова З. Н., Садуллаева С. Безличные предложения и их типы в поэтическом тексте 422
Кулантаева Л. И. Особенности ведения переговоров с китайскими предпринимателями 406	Сатимова Д. Н. Different approaches to the problem of order of adjectives in the sentence..... 424
Лутфуллина А. А. Категории интенсивности и деинтенсивности 409	Urantayeva N. B., Nurmatova M. R., Polvanova N. M. The comparative analyze of English-Uzbek idioms with the component of “ear” 425
Москаленко П. И. К вопросу о понятии «язык для специальных целей» и термине, его обозначающем 410	Хамраев Б. Д., Матризаева Ш. Семантическое поле зоонимов в русском языке (на материале словаря русского языка под редакцией С. И. Ожегова) 427
Некоз А. В. Особенности обращения в английском и русском речевом этикете414	
Olloyorov Q., Ruzmatov R., Madiyorova V. Repeated proper nouns in folklore and written literature 416	
Палванова О. И., Атаджанова Б. Роль и значение антропонимов в русских пословицах и поговорках 418	
	ФИЛОСОФИЯ
	Лысенко Ю. С. Философско-теоретические основы концепта «мягкая сила»: структурный анализ 429
	Соловьев В. А., Михайлов А. Л. Смысл жизни как проблема философии.....431

СОЦИОЛОГИЯ

Analysis of retirement age in different countries of the world

Jumanazarova Zarina Jumanazarovna, student
Tashkent financial Institute (Uzbekistan)

Wide range of social protection forms including various pension schemes hold particular importance in execution of state social policy and offer various age to retire. This article highlights the structure, makes comparisons where relevant.

Key words: savings, pension, pension benefit, retirement and disability pensions, accumulative pension scheme, mandatory pension

Анализ пенсионного возраста в различных странах мира

Жуманазарова Зарина Жуманазаровна, студент
Ташкентский финансовый институт (Узбекистан)

Большое разнообразие форм социальной защиты, включая различные пенсионные схемы, имеют особое значение при проведении государственной социальной политики в разных странах и предполагают различный возраст для получения пенсионного обеспечения. В данной статье освещается структура, проводится сравнение аспектов этой области.

Ключевые слова: сбережения, пенсия, пенсионные пособия, пенсии по возрасту и нетрудоспособности, накопительная пенсионная система, обязательная пенсия

As the world changes very fast the retirement age is becoming various in the world. Also, each state has its own rules for offering well-deserved rest.

Do not forget that the money paid to a person is accumulated on different principles. Each country has its own rules on this matter. What distinguishes the pension systems in the world from nations' accrual of money in old age? What features should we pay attention to? At what age do you descend to a well-deserved rest in one or another locality? It's rather difficult to answer, because every year in the world various changes take place with respect to pensioners. Here it's arranged to give further information about this current topic.

Three systems.

At the moment, there are only a few systems in the world that allow you to determine the size of your retirement benefits without special problems. In total, such items are three. Each system has its own peculiarities and nuances. They will have to be taken into account without fail.

The age of retirement in different countries and its size is everywhere different. But in general, cash can be accrued by the following methods:

- for an individual-funded plan;

- distribution system based on taxes (pension);
- distribution on the basis of general tax revenues.

But the age at which you are allowed to go on a well-deserved rest, as a rule, varies. Much depends on the situation in this or that country, as well as on the average life expectancy of people.

Men and women.

However, the retirement age varies from country to country in men and women. As practice shows, countries, where both the “weak” half of the population, and the “strong” reach the possibility of reaching a well-deserved rest at the same time are very few.

All this is connected with the fact that women are a prior considered weaker and less enduring. And this despite the fact that the beautiful half of society lives on average longer than men. Plus, in the length of service, many include the period of care for newborns.

Men almost always get the right to deserved rest later. They are considered the main earners of money, they are stronger and more enduring. But at the same time, as statistics shows, it is often the male half of the society that has a shorter life expectancy.

Table 1. Average life expectancy in different countries, in years

A country	Retirement age, years		Average life expectancy, years
	Men	Women	
Japan	70	70	82,1
Denmark	67	67	78,3
Norway	67	67	79,9
USA	65	65	78,1
Germany	67	67	79,3
Canada	65	65	81,2
Spain	65	65	80,1
Sweden	65	65	80,9
Switzerland	65	64	80,9
Armenia	65	63	72,7
Belgium	65	62	79,2
United Kingdom	68	60	79
Italy	67	65	80,2
Poland	67	60	75,6
Georgia	65	62	76,7
France	67	60	81
Kazakhstan	63	58	67,9
Lithuania	62,5	58,5	74,9
Hungary	62	62	73,4
Czech Republic	62	62	76,7
Azerbaijan	62	57	66,7
Moldova	62	57	70,8
Russia	60	55	66
Ukraine	60	55	68,6
Belarus	60	55	70,6
Uzbekistan	60	55	72

Modern tendencies.

Each state tries to leave the pension system in a stable state. But in today's conditions it is very difficult to do this. In 2015–2016, retirement age in different countries of the world began to increase. Or in the states began to actively discuss these changes. The global crisis makes itself felt — to work, if you exclude pensioners, there is practically nobody. The available funds in the treasury of each country are not enough for all expenses. Therefore, for the sake of replenishment, it is necessary to force the population to work longer.

Hence, the retirement in different countries of the world (the table will be presented) is a variable one. It is recommended to learn about these features constantly. Maybe in this or that state there have been pension reforms!

Also in some countries, they say not only about the increase in the retirement age, but also about the equalization of this indicator among men and women. In any case, now there will be no drastic changes — such a step will lead to a general riot. The population is not ready to sharply delay their legal rest. Therefore, almost all countries have begun to slowly, but confidently raise the retirement age.

Peculiarities of pension systems.

At the same time, do not forget about the formation of pension savings. It has already been said that countries use different principles of calculating money “for old age”. The most popular method is combining several types. What features and principles of pension formation conceals in itself each of three existing pension systems?

Individual-funded — this is when a citizen works, part of his earnings are transferred to the Pension Fund. Either it does for the subordinate employer. Further from these savings will be formed a pension in old age.

Distributive with a basis on pension taxes — current employees do not save their money. They transfer part of the earnings to pay the pension to current pensioners. Accordingly, their “savings for old age” such employees will receive at the expense of working citizens after retirement.

Distributive on the basis of general taxes — cash is paid out of funds that are received by the tax fund.

The longest work.

What kind of retirement is possible in different countries of the world? Who works the most? Or rather, the longest of all the

others? The thing is that if you do not take into account the plans of the countries to raise the retirement age, then at the moment after all the well-deserved rest awaits the inhabitants of Albania.

Here, men retire at 69.5 years, and women — at 64.5. Also work longer than all the others should citizens in Denmark. Here, for everyone, there is a restriction on getting out to a well-deserved rest. Both men and women living in Denmark go out to “rest” at the age of 67.

This list should include Germany. The age of retirement in different countries of the world is usually different for the male and female half of society. But the rules apply to the Germans, as well as in Denmark — all are equal in the issue of getting to a well-deserved rest. In addition, it is allowed to do this only after 67.

And who in the world works less than all? It has already been said that the pension system constantly suffers changes in each state. But at the same time somewhere the age of getting on a deserved rest is the lowest.

Among such countries at the moment is Belarus. In it, men receive a pension with 60, and women — with 55 years. Here are Russia and Ukraine. In Turkey, men go on a well-deserved vacation just like in the previously listed countries, but women must work up to 56 years. In France, all receive a pension with 60.

These countries are unbeatable leaders in entering a well-deserved rest. Only this does not mean that the standard of

living of pensioners among those who may not work earlier is better or worse. It all depends on the rules that apply to the formation of pension savings.

Leaders on pensions.

Now the age of retirement in different countries is understandable. But does it somehow affect the money received? In fact, not really. Basically, everything depends on the welfare of the country. Everywhere the level of pensions is different. Many in general try to save money for old age, so as not to depend on the state.

Now quite high pension payments in France are received by citizens. If you transfer a pension to a pension, then in this state, a person is entitled to 42–43 thousand rubles. Then you can include in the list of the most “rich” pensioners Germany — 32–33 thousand. In Japan, pensioners on average earn 27,500, in the United States a little less — 24–25 thousand.

The lowest pensions.

The retirement age in different countries (the table is presented), as already can be seen, does not have a significant effect on payments. Which countries least support people who have gone on a well-deserved rest?

Below there is comparison of countries by their deduction of money to support pensioners.

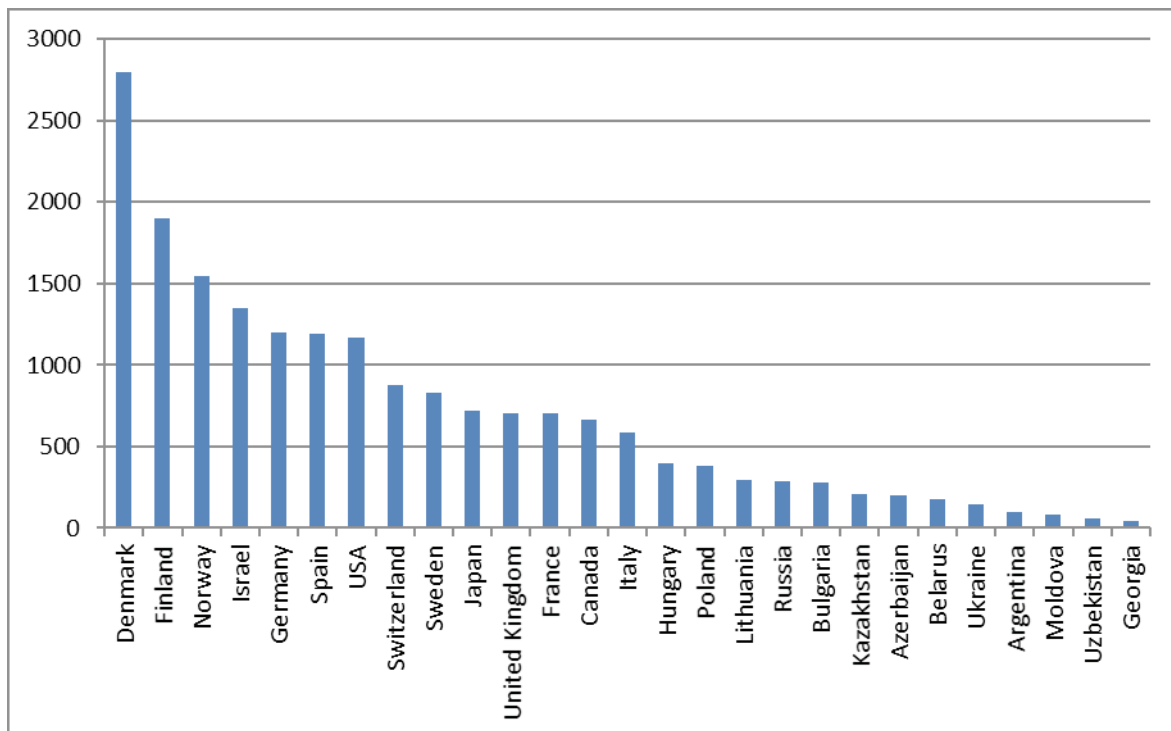

Fig. 1. The size of the average pension abroad (dollar per month)

As can be seen from the table the largest number of deducting money is in Denmark and vice versa in Georgia. From the position of state budget the government allocate money as they could afford.

Taking everything into consideration it can be said, different countries have their own approach and authority to manage their pension system. It is always been taken into account in order to support their social strategy and increase enthusiasm of labours.

References:

1. Alier M. And Vittas D. (2001): "Personal Pension Plans and Stock-Market Volatility", Holzmann-Stiglitz, eds. 391—423.
2. Islamov Bakhtiyor, Shadiyev Rustam (Uzbekistan). "New demographic trends, employment and labour market in Uzbekistan". 2015.
3. The statistics from web sites.

Понятие и особенности перформансной коммуникации

Куршина Ольга Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

Современная эпоха характеризуется качественными переменами социальной жизни общества, к которым относятся динамизм и глобализация. Не в последнюю очередь эти процессы влияют и на систему связей с общественностью, порождая новые формы взаимодействия, одной из которых есть перформансная коммуникация.

Актуальность темы исследования обуславливается следующими факторами:

- недостаточная разработанность данной темы в литературе, освещающей вопросы технологий и инструментов связей с общественностью;
- высокая распространенность перформансной коммуникации как специфической формы коммуникации и как инструмента public relations;

Предмет исследования — перформансная коммуникация как отдельная форма коммуникации в контексте связей с общественностью.

Объект исследования — сами перформансы, т. е., коллективные или индивидуальные творческие акты, для которых характерна театральность и активное вовлечение зрителей.

Цель исследования состоит в том, чтобы опираясь на научные разработки и эмпирически наблюдаемые особенности перформанса, изучить данный вид коммуникации как специфический тип инструмента public relations.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующую задачу: определить понятие и особенность перформансной коммуникации.

В переводе с английского «перформанс» означает представление, спектакль, работу на публику. Исторически областью зарождения перформанса были священные ритуалы и дворцовые церемонии [4]. Впервые слово было использовано музыкантом Дж. Кейджем в 1952 году по отношению к одному из своих концертов. Свои истоки перформанс также берет из авангардной живописи, где на первое место ставилось преодоление физического пространства картины, а выход за рамки становился основной тенденцией.

Чаще всего перформансная коммуникация основывается на определенных ритуалах, и в обязательном порядке имеет символистическое выражение коммуникативного со-

общения. Ритуалы являются важной составляющей жизни любого общества. В рамках связей с общественностью ритуалы проявляют себя в форме, к примеру, презентаций.

Ричард Шехнер дает определение перформансу как деятельности, которую проводит индивидуум или группа индивидуумов в присутствии и для другого индивидуума или группы. Однако, данная дефиниция не совсем корректна, поскольку под нее попадают и театральные представления, и официальные церемонии, например, бракосочетания.

С точки зрения связей с общественностью было бы рационально добавить к данному определению целевую направленность действия — произвести определенное впечатление на целевую аудиторию, донести информацию до реципиента.

Перформанс, по словам Г. Почепцова, «располагает свое сообщение в пространстве» [2].

Ключевыми элементами перформансной коммуникации являются:

- вербальная составляющая (текст);
- визуальная часть (цвета, формы, одежда и внешний вид участников и пр.);
- эмблемы;
- слоганы;
- ритуальные действия;
- художественная часть.

Привлечение всех этих элементов является важным для осуществления данного вида коммуникации [3]. Под ее влиянием происходят не только культурные, но и политические мероприятия.

Еще одной спецификой данного вида коммуникаций является театральность, т. е. все ее составляющие элементы являются спланированными и не имеют случайного характера.

В системе PR-деятельности перформансная коммуникация чаще всего используется в event-проектах. Важным является то, что перформансная коммуникация проявляется именно в специальных ивент-мероприятиях, то есть таких, которые требуют тщательной подготовки и привлечения специалистов.

Мероприятия с элементами перформансной коммуникации ориентированы на эмоциональное восприятие целевой аудиторией, они помогают глубже раскрыть сущность бренда, подвигнуть совершить покупку или заказать услугу, а также стать информационным поводом, создать лояльность аудитории, сформировать благоприятный имидж компании, способствовать продвижению как организации, так и ее продукции.

По мнению Г. Почепцова, максимальной эффективности коммуникации можно достичь путем использования всех ее видов, отдавая доминирующую роль тому, сущность которого определяет коммуникационное сообщение. Перформансная коммуникация является доминирующей в таком мероприятии как, к примеру, презентация, поскольку при этом вполне уместно усилить эффект воздействия на целевую аудиторию художественными средствами и аудио-визуальными компонентами.

Кандидат социологический наук Коркия Э.Д. противопоставляет перформативность репрезентативности. Символы в перформансе — это то, что демонстрируют зрителю (тела, краски, движения, звуковое сопровождение), в репрезентативном же использовании символам соот-

ветствуют определенные предметы, отношения и пр. в реальном мире. При реалистичном использовании символов связь с реалиями, которые они репрезентируют, весьма очевидна. В перформативном использовании символов искать то, что они обозначают, не имеет смысла, так как они обозначают сами себя, являются автономными.

О символах, используемых в перформансе, нельзя сказать, что они вовсе не имеют денотата. Они являются представителями самих себя и, следовательно, сами являются своими денотатами [1].

В перформансной коммуникации формируется темпоральная идентичность человека, в то время как при формальной коммуникации она остается неизменной (по сути, оставаясь ригидной структурой, продолжительной и устойчивой). В событиях же перформансной коммуникации человек сначала деиндивидуализируется.

Обязательным элементом перформанса также является аудитория. Ричарт Шехнер предлагает классификацию аудитории, где главным критерием классификации выступает степень вовлеченности зрителей в ситуацию и ее случайный характер: интегрированная/случайная аудитория. Типы аудиторий приведены в таблице 1.

Таблица 1. Классификация аудитории по Р. Шехнеру

Интегрально-эстетическая	Приглашенная на церемонию аудитория из тех, «кто знает»
Интегрально-ритуальна	Аудитория на свадьбах, похоронах, инаугурации, подписании договоров
Случайно-эстетическая	Аудитория из тех, кто заинтересован в публично рекламируемой коммерческой продукции
Случайно-ритуальная	Туристы, наблюдающие церемонию, зрители представления в театре и пр.

Случайная аудитория состоит из людей, которые, индивидуально или коллективно идут, к примеру, в театр — представления публично рекламируются и открыты для всех. На открытиях коммерческого характера посещение критиков и приглашенных гостей представляет скорее интегрированную, чем случайную аудиторию. Интегрированной аудиторией можно назвать ту, которая приходит или в силу необходимости, или эти события являются значимыми для них. Интегрированной аудиторией можно назвать родственников жениха и невесты на свадьбе, высоких должностных лиц при процедуре инаугурации.

От успешного применения отделами связей с общественностью разных видов коммуникаций, в том числе, и перформансной, зависит успех функционирования как го-

сударственных, так и частных структур, таким образом, данный вид коммуникации служит для реализации целей public relations.

Учитывая вышеизложенное, можно сказать, что перформанс — это предварительно отрепетированное действие, которое демонстрирует одна группа людей перед другой в форме театрального действия. Перформансы делают коммуникацию четкой, сигналы понятными, лишают их двусмысленности и сдерживают агрессивные действия (если они не являются их целью). При этом центральным звеном перформанса является третье лицо — зритель.

Перформансы — массовые процессы и массовая стратегия обмена информацией в обществе. Важной составляющей перформанса является реакция аудитории, без которой воспроизведение действия не имеет смысла.

Литература:

1. Коркия Э.Д. Перформансная коммуникация в контексте социальных процессов эпохи постмодерна: диссертация. — Москва, 2005. — 148 с.
2. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. — М.: Рефл-бук, 2006. — 656 с.
3. Савруцкая Е. П., Кузнецова Е. И., Суханов А. И. Коммуникационный менеджмент: учебное пособие. — Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2002. — 207 с.
4. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. — 461 с.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Начальное обучение синхронному плаванию

Исаева Лариса Николаевна, доцент, заслуженный тренер России;

Никитина Светлана Михайловна, доцент;

Шакина Елена Евгеньевна, доцент

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (г. Москва)

Синхронное плавание — активно развивающийся вид спорта. Благодаря своей зрелищности, красочности и спортивности он культивируется во многих странах мира и включен в программу Олимпийских игр. Постоянный приток новичков в секцию синхронного плавания убеждает, что этот вид спорта отвечает стремлению девочек и девушек к физическому совершенствованию и гармоничному развитию. Как водный вид спорта, синхронное плавание прививает ряд жизненно важных навыков. Овладевая техникой синхронного плавания, занимающиеся получают разностороннюю спортивную подготовку, а также обучаются элементам хореографии, художественной гимнастики, акробатики, ритмики. Все это способствует развитию двигательной и общей эстетической культуры.

Многие специалисты в области синхронного плавания считают, что двигательный запас, который приобретается на начальном этапе подготовки, является базой для дальнейшего освоения большего арсенала движений в таком сложно-координационном виде спорта, как синхронное плавание. Как показала практика, чем ниже возраст начала занятий, тем методически грамотней можно построить учебно-тренировочный процесс, опираясь на основные принципы дидактики. По нашему мнению, такая подготовка должна включать следующие моменты:

- 1) умение держаться на воде;
- 2) умение плавать;
- 3) освоение элементов синхронного плавания, доступных для этого возраста;
- 4) развитие двигательно-координационных способностей.

Параллельное обучение спортивным способам плавания и основным гребкам может способствовать, с одной стороны, качественному освоению навыков спортивного плавания, с другой — сокращению времени начального обучения синхронному плаванию с одновременным повышением качества движений.

Плавание помогает развивать координацию и ритмичность движений, необходимых для овладения основными движениями. Многолетний опыт практической работы с детьми

дошкольного возраста свидетельствует о том, что возможности здорового детского организма соответствуют связям между уровнем физического развития, физической подготовленности и двигательной активностью детей.

Начиная с 20-х годов XX столетия и по настоящее время для обучения детей плаванию используются различные методические подходы, предполагающие разную продолжительность курсов обучения и разные способы плавания: облегченные и неспортивные. Однако традиционно для начального обучения широко используется параллельно-последовательное освоение двух сходных по структуре способов плавания: кролем на груди и кролем на спине.

В основе формирования навыка плавания у детей дошкольного возраста лежит выработка прочного условного рефлекса принятия горизонтального положения в скольжении с дальнейшим согласованием движений и дыхания, причем изучать элементы техники плавания необходимо параллельно с использованием упражнений, совмещающих движения с дыханием. Правильное выполнение опорного гребка позволяет научить ребенка чувствовать опору о воду, что в дальнейшем способствует более быстрому освоению гребковых плавательных движений.

Основным условием доступного обучения элементам синхронного плавания является соответствие средств, методов, приемов, организации занятий возрастным особенностям и уровню физической и плавательной подготовленности детей.

К специфическим особенностям в методике обучения элементам синхронного плавания следует отнести требование постепенного перехода от выполнения элемента на суше к выполнению движения, стоя на дне бассейна, затем — к безопорному положению.

В процессе занятий синхронным плаванием ставятся и решаются оздоровительные, воспитательные, образовательные задачи.

Основные задачи начального периода обучения:

- 1) формирование у детей интереса к занятиям спортом;
- 2) воспитание положительного отношения к плаванию в целом;

- 3) укрепление здоровья, гармоническое физическое развитие занимающегося;
- 4) развитие физических качеств, технической и плавательной подготовленности.

При обучении синхронному плаванию, где основной трудностью является адаптация к непривычной среде и горизонтальной рабочей позе, необходимо учитывать уже имеющийся навык по обучению детей плаванию.

Основа прочного обучения элементам синхронного плавания — многократное повторение упражнения. Однако однообразное повторение быстро надоедает и утомляет, поэтому необходимо варьировать занятия и упражнения. Менять упражнения надо довольно рано, особенно на первых порах обучения. Нужно чаще включать игровые моменты, музыку, широко использовать спортивный инвентарь. Наряду с варьированием заданий необходимо постоянное увеличение нагрузок от занятия к занятию — повышение сложности физической нагрузки, длительности ее воздействия. Путем многократных повторений достигается не только совершенствование техники плавания, но и повышение функциональных возможностей физической и психологической стабильности.

Обучение элементам синхронного плавания предусматривает последовательность обучения каждому элементу, подводящему к целостному выполнению упражнения. Сначала изучение отдельных элементов, а затем только комплексов с элементами синхронного плавания.

Разучивание упражнения по частям облегчает освоение в целом, позволяет избежать ошибок, что сокращает время и повышает качество обучения. Освоение многообразных элементов увеличивает двигательный опыт и развивает мелкую моторику у детей. Все упражнения для освоения с водой выполняются на задержке дыхания после вдоха.

Занятия плаванием с элементами синхронного плавания вырабатывают качества, необходимые для успешного обучения в школе: трудолюбие, сосредоточенность, силу воли. Как особый вид спортивной деятельности, синхронное плавание вводит детей в мир новых знаний, овладения новыми навыками в плавании.

Однако поддерживающий гребок (плоский) уже можно изучать и осваивать даже не умея плавать, достаточно научиться только лежать на спине. Обучение при этом должно проводиться в мелком бассейне, где ученик в любой момент может встать на дно. Освоив этот гребок синхронного плавания, можно переходить к изучению продвигающих гребков и с их помощью выполнять проплывания на спине, а потом и на груди. При этом изучение и освоение техники гребков синхронного плавания можно совместить по срокам с обучением спортивным способам плавания.

Известно, что эффективность гребка в спортивном плавании во многом определяется динамическим взаимодействием движителя со встречными потоками воды. Наибольшую силу тяги создают движения ногами и руками. В движениях руками, в свою очередь, две трети величины создаваемой при этом силы тяги приходится на рабочую

поверхность кисти, которая является, по сути, основным движителем. Её положение в потоке должно быть строго ориентировано, при этом возникают совершенно особые ощущения. Не случайно пловцы говорят: «Надо почувствовать воду». Это значит — «почувствовать опору». Ориентировать кисть во время гребка в оптимальное положение по отношению к встречному потоку — сложнейший двигательный навык, которым пловец обязательно должен овладеть. Следовательно, освоение гребков синхронного плавания будет способствовать формированию этого навыка.

По программе обучения синхронному плаванию сначала идёт освоение основных способов спортивного плавания в первом полугодии (23 недели) и только потом изучают технику синхронного плавания, которая включает обучение технике основных гребков (плоского, стандартного, обратного), основным позициям синхронного плавания: на спине, на груди, на боку, группировка, плотная группировка, согнувшись, согнув колено на груди, на спине. Передвижение на спине: стандартный гребок, обратный гребок, пропеллер, обратный пропеллер. Передвижение на груди: обратный гребок, пропеллер, каноэ. Модификации спортивных способов плавания: плавание кролем на ногах (положение глассера), плавание кролем с поднятой головой, плавание на груди и на спине с попеременным чередованием гребков. Обучение простейшим фигурам синхронного плавания, соответствующим требованиям юношеского разряда: группировка, вращение в группировке, «волна», «марлин», «щука», оборот назад в группировке, оборот вперед в группировке, оборот назад согнувшись. Ознакомление с опорным гребком. Обучение опорному гребку в горизонтальных и вертикальных плоскостях (на месте и в движении).

Для сохранения вертикального положения тела в воде (головой вверх) и перемещений в этом положении используются гребковые движения ногами — «экбитэ» (модификация брассовых движений ногами).

В спортивно-оздоровительных группах начального обучения синхронному плаванию доступны следующие элементы синхронного плавания:

- 1) гребки: плоский, стандартный, обратный, «пропеллер», «каноэ», «дельфин», «омар»;
- 2) позиции: «на спине», «на боку», «на груди», «с ногой, согнутой в колене» только с опорой;
- 3) гребковые движения ногами: «экбитэ» в движении вперед и назад;
- 4) простейшие фигуры синхронного плавания: «вращение в группировке», «оборот назад в группировке».

Основная задача начального обучения — научить детей держаться на поверхности воды в различных положениях при помощи опорных гребков синхронного плавания, параллельно обучая спортивным способам плавания. С первого занятия в процесс обучения включаются упражнения на создание опоры как один из компонентов группы упражнений по освоению с водой (на 1—5 занятиях); как вспомогательное упражнение при обучении работе руками в способах кроль на груди и на спине (12—24 занятия); а также

обучить передвижениям в различных положениях при помощи работы руками и ногами, в горизонтальной позиции на спине; работе ногами и руками в спортивных способах плавания с использованием упражнений на месте, с поддерживающими и вспомогательными средствами и в движении. И обучить общему согласованию движений в способах плавания кролем на груди, кролем на спине, гребком синхронного плавания. Детям предлагаются упражнения на месте, в продвижении при работе одними руками, выполняя гребки (стандартный, обратный, пропеллер).

С целью повышения эффективности освоения учебного материала с первых занятий предлагается:

- 1) ознакомить детей с терминологией, применяемой в ходе обучения;
- 2) выполнить упражнения по описанию; с различной ритмической структурой; с различной амплитудой; с чередованием двигательных установок («больше темп», «больше амплитуду гребка» и другие); с использованием различных вспомогательных средств (лопаток, плавательных досок).

В группах, где вышеперечисленные упражнения не используются, девочки обучаются вначале только спортивным способам, без элементов синхронного плавания. Занятия в группах проводятся по методике, рекомендованной для детских юношеских спортивных школ и школ олимпийского резерва.

Применение упражнений на освоение опорных гребков, позиций и передвижений на груди (стандартный гребок, обратный, пропеллер), способствует более успешному освоению техники спортивных способов плавания, особенно способу кроль на спине. При этом процесс обучения синхронному плаванию идет быстрее.

Выводы:

1. Параллельное использование различных элементов синхронного плавания и традиционных средств обучения спортивному плаванию способствует лучшему освоению техники. Наличие достоверных взаимосвязей ($r=0,76-0,86$) между показателями техники спортивного и синхронного плавания свидетельствует о положительном переносе двигательного навыка.

2. Методика начальной технической подготовки на основе параллельного освоения элементов спортивного и синхронного плавания с использованием соответствующих двигательных установок обеспечивает качественное освоение техники синхронного и спортивного плавания,

сокращение на 50% сроков обучения элементам синхронного плавания.

Практические рекомендации:

В процессе обучения технике гребков синхронного плавания необходимо:

1. Начинать обучение гребкам и позициям одновременно с обучением спортивным способам плавания.

2. В группу упражнений по освоению с водой рекомендуется включать упражнения, направленные на обучение опорному гребку:

- а) подводящие и имитационные упражнения для ознакомления с техникой опорного гребка;
- б) поочередное выполнение гребка правой и левой руками;
- в) выполнение опорного гребка в различных положениях (вертикальной и горизонтальной группировке, в горизонтали на груди и на спине);
- г) выполнение передвижений с помощью опорных гребков.

3. В плане совершенствования навыка удержания с помощью опорных гребков рекомендуется:

- а) варьировать технику гребков (по амплитуде, темпу);
- б) выполнять простые переходы при помощи опорного гребка (из позиции группировки в положение «на спине» и другие);
- в) выполнять повороты в группировке на 180 и 360°, кувырки.

4. При обучении спортивным способам плавания наряду с общепринятыми упражнениями целесообразно выполнять:

- а) опорный гребок в средней части гребка в способе кроль на груди;
- б) опорный гребок в сочетании с работой ног в способе кроль на спине;
- в) упражнение «каное» в сочетании с работой ног в способе кроль на груди.

5. Для поддержания эмоционального фона чаще применять игровую форму проведения занятий; после освоения ряда позиций составлять плоскостные связки.

6. При формулировке заданий необходимо выделять основной элемент техники, опорные точки, ритмическую структуру двигательного действия. Для этого можно использовать счет, хлопки, команды, ритмичную музыку и так далее.

Литература:

1. Звягинцева Т. М. Биомеханические основы техники гребковых движений в синхронном плавании. — Краснодар, 1994. — 63 с.
2. Максимова М. Н. Взаимосвязь музыки и движения в произвольных композициях синхронного плавания // Олимпийский бюллетень РГАФК, ЦОА. — М., 1997 — С. 113–118.
3. Максимова М. Н. Методика первоначального обучения синхронному плаванию // Методическая разработка для студентов ГЦОЛИФК. — М., 1989. — 43 с.

4. Осокина Т.И., Тимофеева Т.А., Богина Т.Л. Обучение детей плаванию в детских садах. — М.: Просвещение, 1992. — 159 с.
5. Плавание: Примерная программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва / А. А. Кашкин, О.И. Попов, В. В. Смирнов. — М.: Советский спорт, 2008. — 216 с.
6. Протченко Т.А., Семенов Ю.А. Обучение плаванию дошкольников и младших школьников: Практическое пособие. — М., 2003. — 80 с.
7. Синхронное плавание. Примерная программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва / Максимова М. Н. — М.: Советский спорт, 2007. — 216 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

День Победы: от парада до современных форм

Зайдуллина Светлана Альбертовна, магистрант
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Ключевые слова: праздник, государственный праздник, День Победы, парад, особенности празднования, современные формы, режиссура праздников

В жизни социума праздник играет особую роль, которую нельзя отрицать, несмотря на это значение праздников очень велико и для старшего, и для младшего поколения. С развитием культуры все более актуализируется вопрос о смысле праздника, его сущности, традициях, особенностях и формах проведения.

У каждой страны, каждого народа есть праздник, который отмечается ежегодно, на протяжении долгого времени и образует культурную ось народа, объединяет нацию чувством гордости за доблестные подвиги предков, которые останутся в памяти потомков навечно. Один из таких праздников России является День Победы советских войск над фашисткой Германией, который отмечают с 1945 года, 9го мая и по сей день. Этот праздник формирует отношение к своей стране, к истории страны, к самим себе т. к. в основе лежит историческое событие. День Победы является таким праздником, который заслуживает того, чтобы не быть забытым ни нынешним поколением, ни последующими.

В празднике День Победы есть свой канон, закрепившийся в истории, став впоследствии традиционными. В честь этого всемирно-важного события, в течении суток, с раннего утра и до позднего вечера, во всех городах России проходят различные мероприятия: от смены почетного караула (9:00 утра) до праздничного салюта (22:00). Из года в год в празднике День Победы имеют место праздничные гуляния по лицам украшенным флагами, портретами и политическими лозунгами. Существующий и сложившийся целый ряд типовых мероприятий, а также типовых украшений, формировавших экстерьер и постановочное праздничное действие представляет цикл праздничных мероприятий. Эти мероприятия носили в первую очередь характер политический-демонстрирующий силу страны. Подчас в ключе милитаризованного языка, объединяющего народа, приносящего населению ощущение сопричастности к истории и к общим достижениям страны.

Говоря о формах и особенностях празднования Дня Победы, следует остановиться на конкретных традициях. День Победы — представляет собой комплекс различных

праздничных форм, которые в течение дня сменяют друг друга. В сущности, весь комплекс мероприятий можно разделить на две группы: традиционные, неизменные формы, цементирующие традицию. И вторая группа представлена динамическими формами, адаптирующими праздник различными идейно-политическим реалиям с учетом современных художественных форм. В традиционные можно отнести: торжественный парад, который проходит на главной площади города; зажжение вечного огня; встреча с ветеранами; вознесение цветов к мемориалам; минута молчания; творческие вечера; праздничный салют. К динамическим: акции; выставки; фестивали; театрализованные представления; квесты; инсталляции, которые являются не традиционными, однако с каждым годом они закрепляют себя в празднике и постепенно становятся основной конструкции праздника.

Чтобы проследить появление новых форм и изменение традиционных форм (от 1945 года до 2016 года) данного события, стоит обратиться к истории существования праздника, которую можно условно разделить на три периода:

Первый период начинается с подписания Акта о военной капитуляции Германии 9 мая 1945 до 1947 года;

Второй период с 1965 (возвращение празднику статуса выходного дня) по 1991 г. (Распад Советского Союза);

Третий период охватывает постсоветский период и по сей день (1995—2016 гг.).

После подписания акта о капитуляции немецких войск на территории Советского Союза 9го мая 1945, эта дата приобрела официальный статус праздника Победы в Великой Отечественной Войне. Исходя из приказа властей о проведении парада победителей, который появился в газетах 22 июня 1945 года, было решено провести торжественную часть 24 июня в целях приближения двух дат — начала войны (22 июня), и ее окончания (9 мая). Следует отметить, что первым парадом в России считается военный парад в Москве 11 октября 1702, по случаю взятия крепости Нотебург (г. Орешек) при Петре I. Парад 24 июня 1945 года, считается первым парадом в истории праздника Победы.

Благодаря первому параду, который проходил 24 июня в 1945 году, сегодня закрепились основные положения по проведению торжественных парадов в честь Дня Победы. Так, начало парада традиционно начинается в 10 утра, на трибунах находятся руководители государства Москвы и гости, в том числе ветераны, дипломаты, известные люди. После, следуют Парадные расчёты участников парада — курсантов, военнослужащих Московского военного округа, барабанщиков, сводный оркестр — выстраиваются на площади. Сам Парад начинается ритуалом приёма парада министром обороны, после идет поздравление руководителя государства и гимн России. Затем начинают движения сводные полки. Традиционный торжественный марш проходит в три части: историческая, современная и техническая. В финале парада звучит музыкальная композиция «День Победы» (автор музыки Давид Тухманов, автор слов Владимир Харитонов), в этот момент параллельно над Красной площадью раздаются залпы артиллерийского салюта. Общее руководство по организации парада Победы возлагается на командующего войсками Московского военного округа и начальника гарнизона Москвы. На сегодняшний день торжественные парады проходят во всех крупных городах России.

С 1945 года по 1947 праздник отмечали официально, но в декабре 1947 г. праздник День Победы стал обычным рабочим днем. Одной из причин стало потребность государства в тотальном восстановлении городов, домов, дорог, заводов, учебных учреждений и т.д. Но, не смотря на это, праздник День Победы сохранял статус праздничного дня, в честь которого выпускались праздничные открытки, фронтовики получали поздравления. Но есть и иная версия, представленная журналистом Борисом Романовым. В своей статье «Как Сталин отменил день Победы в 1947 году» (2013г) автор утверждает: «...Сталин отказался принимать парад Победы 24 июня 1945 года, сославшись якобы на то, что «стар» он для парадов (по воспоминаниям Жукова). Многие обратили внимание и на то, что Сталин и еще некоторые его соратники на трибуне мавзолея хотя и надели парадные маршальские фуражки, но были в повседневной военной форме (в серых повседневных маршальских шинелях летнего образца). Таким образом, мы можем не сомневаться, что с самого начала отношение ко дню Победы 9 мая у Сталина было вовсе не «священное» или культовое (как у Брежнева и у нынешних властей), а даже как будто и не слишком уважительное». Эта точка зрения весьма критична и спорна. Страна пережившая Великую Отечественную войну нуждалась в своем восстановлении, поэтому период с 1945 по 1947 года в истории отечества носил название «восстановительный». В эти голодные годы Сталин считал, что советский народ еще ослаблен, необходима реабилитация страны от четырехлетней войны. [15.]

В итоге народным лидером было принято решение отмены Дня Победы в статусе выходного дня. Не смотря на то, что парад был отменен, праздник продолжал отмечаться в советских семьях. По всей стране, в городах и сёлах, про-

должалась организация массовых гуляний уже меньшего масштаба. Так по всей территории Советского союза продолжались встречи с ветеранами, организовывались музейные выставки и спортивные соревнования, проводились специальные передачи центрального радиовещания и т.д. Поскольку страна шла по государственному плану восстановления, в последующие годы количество массовых мероприятий приуроченных у этому событию постепенно уменьшалось.

Стоит отметить, что в период с 1947 по 1965 год зажигается первый вечный огонь в СССР в октябре 1957 года в Ленинграде (ныне — Санкт-Петербург) на Марсовом поле у памятника «Борцам революции». Вечный огонь на Марсовом поле стал источником памяти для большинства воинских мемориалов, созданные в память о погибших героях. Сейчас Вечный огонь является символом, частью оформления, художественным образом в театрализованных представлениях и праздниках.

В год двадцатилетнего юбилея Победы советских войск, Указом Верховного Совета СССР Леонидом Брежневым от 25 апреля 1965 года праздник Победы вновь был объявлен нерабочим днем и всенародным патриотическим праздником страны. Таким образом, новый государственный лидер позволил Героям Великой Отечественной войны организовывать встречи с однополчанами и помянуть павших бойцов. Толчком для восстановления праздника «Дня победы» в статусе выходного дня, стала потребность страны выйти из-под «железного занавеса» на мировую арену, тем самым, вновь утвердив свой авторитет.

Главные традиционные особенности празднования Победы появились именно в этом периоде: *зажжение вечного огня*, который и по сей день горит во всех городах России. *Памятники, мемориалы* к которым возлагают цветы — это все является частью праздника. *Минута молчания* — звуки метронома из всех радиотрансляционных точек. В этом временном отрезке появилась традиция *возложение венков к могилам воинов и мемориальным комплексам* — это торжественная траурная ритуальная церемония почтения и уважения, воздаяния памяти мученическому подвигу солдат и офицеров. В ней принимают участие и взрослые, и дети, и старики, и высокопоставленные лица, и обычные люди разных профессий, военные и гражданские — поскольку война затронула все семьи. Это траурное действие объединяет разные категории людей, давая им возможность почувствовать себя частью целого — великого народа. Стоит, отметить то, что именно с 1965 года, масштабы празднования Дня Победы увеличились, теперь торжественные военные парады проходят не только в Москве, но и в других городах России.

День Победы — торжественно повторяющийся праздник и он требует, конечно, обновления и развития. В современном периоде, кроме основных закреплённых форм празднования (парад, минута молчания, вознесение цветов к мемориалам, зажжение вечного огня, встречи с ветеранами и д. р.) появились новые формы, которые посте-

пенно закрепляют себя в празднике. И формы проведения праздника продиктованы такими особыми монументальными формами, которые бы закрепляли важность события, которому праздник посвящен. Кроме того, формы должны также соответствовать современным тенденциям, взглядам представителей различных поколений и социальных групп.

Например, в современном празднике Победы популярностью пользуется акция — это форма, насыщенная интерактивным общением. Акции, посвященные Дню Победы, создают ситуацию, в которой могут общаться представители абсолютно всех социальных уровней. Например, акции: «Георгиевская ленточка», «Сирень победы», «Спасибо деду за Победу!», «Мотопробеги «Пробеги», песни Победы в мобильных устройствах — «Ура Победе!», «Бессмертный полк». Список можно продолжать и дальше, называя региональные инициативы, которые закрепили себя как особая форма празднования Дня Победы, впоследствии нашедшая национальную поддержку по всей территории России. Также это свидетельствует о том, что с каждым годом возрастает интерес к этому празднику и поэтому мы уверены, что количество предпраздничных акций в последующие годы не подвергнется уменьшению, а лишь будет увеличиваться. Об этой тенденции — появления большого количества различных акций — политолог Г. Г. Бовта утверждает: «...антураж, стилистика самого празднования меняются и еще будут меняться. Потому что он неизменно обращен к современникам, адаптируясь под их менталитет, уровень знаний об истории, их бытовую трактовку». [17.]

Немаловажным является участие в мероприятиях, посвященных Дню Победы, профессионалов в сфере создания праздника. Например, силами режиссеров, сценаристов, постановщиков, артистов создается художественная сторона события, именно на их плечи возложена задача смыслового наполнения праздничных мероприятий, а именно создание театрализованных представлений. Режиссеры, создавая замысел будущего праздника, зная его особенности, которые помогут раскрыть действие на различных площадках, и позволит создать соответствующие темы инсценировки, используют исторические документы, материалы местной и областной печати, стихи, песни, музыку.

Другие участники праздничных действий — это мирные граждане, жители городов и поселков. Именно их силами формируется эмоциональная составляющая праздника, благодаря участию во всевозможных массовых мероприятиях: манифестациях, митингах, встречах, акциях, фотоставках. Каждый год 9го мая мы наблюдаем комплекс мероприятий посвященных событию Великой Отечественной войны, что говорит о том, что не смотря праздник существует более полу века и он по-прежнему является одним из культовых праздников российского государства.

По сколько праздник День Победы это комплекс мероприятий подчинённый единой тематике среди них есть как и положительные примеры (акции, выставки, концерты и т. д.) так и отрицательные. Говоря об отрицательных при-

мерах, мы подразумеваем создание плакатов с изображением зарубежных актеров в военной форме с подписью благодарностью ветеранам; наклейки на машинах где изображена не только символика Советского Союза, но карикатурные изображения с непристойными лозунгами; осквернение биколора (Георгиевская лента) использование его не по назначению (завязывание ленты на сумки, на брелки и т. д.) и др. Такое «девятное творчество» мало того что искажает историческую правду является подтверждением не знания исторических символов, а также несет за собой агрессивный подтекст.

Так как День Победы — это комплекс мероприятий разных праздничных форм необходимо сказать о особенностях и организации и проведению таких мероприятий нацеленных на определённую социальную группу. Условно определим социальные группы по возрастной доминанте и попробуем определить ряд праздничных форм проведения досуга актуальных и понятных для данной группы.

1. Ветераны войны, ее участники, а также те, кто во время войны были подростками, детьми того возраста, в котором события помнятся и осознаются. Этим людям сейчас уже за 80. Для них день Победы — именно «праздник, со слезами на глазах». В таком возрасте люди не меняют свои привычки, поэтому советские традиции празднования им наиболее дороги. Конкретнее — парад интересует данную целевую аудиторию в первую очередь. Им также дороги концерты, на которых исполняются военные песни, песни довоенных лет, читаются стихи поэтов военного времени.

2. Послевоенное поколение (от 1940 до 1960 годов рождения). Данная группа людей разделяет вкусы ветеранов войны. Для них важно и интересно провести праздник вместе с внуками дошкольного и младшего школьного возраста с тем, чтобы поделиться с ними воспоминаниями своих родителей о войне, показать праздничное убранство города, рассказать об истории страны и города, познакомиться с боевой техникой военного времени. Оптимальный путь решения перечисленных задач — проведение экскурсий для пенсионеров с внуками (как вариант — родителей с детьми). Интересным и современным путем решения поставленной задачи является создание временного открытого музея боевой техники, использовавшейся в годы Великой отечественной войны (возможно использовать как реальные сохранившиеся экспонаты, так и модели) с возможностью потрогать пушки руками, забраться в кабину самолета, на капитанскую рубку торпедного катера или в башню танка.

3. Семьи с детьми школьного возраста. Как правило, это родители в возрасте от 30 до 50 лет и их дети разных возрастов. И эта целевая аудитория достаточно широкая. Однако в ней доминирует интерес быть не пассивными, а активными участниками любых массовых мероприятий. Оптимальным мероприятием для этой, весьма многочисленной категории, представляются городские квесты, содержательная сторона которых связана с победой в Великой Отече-

ственной войне. В городах, исторически тесно связанных с войной (Севастополь, Волгоград (Сталинград), Санкт-Петербург (Ленинград), Курск и пр.) построение квеста опирается на имеющиеся в городе памятные места. В тех населенных пунктах, которых война не затронула напрямую, точки для квеста требуют искусственного создания и привязки к названию района, рельефу, известному памятнику и пр.

4. Молодежь (до 30 лет) весьма активно реконструирует исторические события. Организовать такие реконструкции, как, например, Сталинградская битва, штурм Берлина, встреча на Эльбе — способ привлечь целевую аудиторию к изучению важных событий войны, участвовать и в сценическом действии, и в режиссуре мероприятия.

5. Школьники младшего возраста (с 1–4класс) — школьники среднего возраста (с 5–8класс) — школьники младшего возраста (с 9–11класс), подходят такие мероприятия как: посещение выставок, музеев, встречи с ветеранами, участие в театрализованных представлениях (чтение стихотворений, исполнение песен), участие в различных городских конкурсах (сочинений, рисунков и т. д.). Для более старших участия в информационных- игровых программах.

Перечисленные целевые аудитории разделены достаточно условно. И, конечно, не учтены еще многие другие целевые группы. Однако приведенные выше формы иллюстрируют весьма широкий потенциал мероприятий, которые проводятся 9го мая, которые в дальнейшем значимы для нашей страны события. Поэтому новые формы празднования со временем перестанут быть новыми, а станут традиционными и основными. Ведь идет обновление праздника и замена, как например, ветераны, которых уже сейчас заменяют шествием с фотографиями (Бессмертный полк), что в дальнейшем полностью заменит сейчас живущих ге-

роев войны. В итоге, праздник включает в себя ряд различных форм, от традиционного парада до современных форм, которые наравне с другими основными особенностями закрепляют себя в данном празднике.

Современный праздник Победы включает в себя все традиционные особенности празднования. Сегодня это не просто поминальный праздник, а серия мероприятий нацеленных на поддержку патриотического воспитания будущего поколения и так же демонстрация мощи государства. Со всех площадок звучат тексты агитационного характера, призывающего к миру, к общности и идеализации. Третий период характерен увеличением патриотического воспитания людей. Парады, которые подчеркивают мощь государства, проводятся различные акции, выставки, классные часы, фестивали приуроченные к юбилею Великой Отечественной войны, театрализованные концерты в каждом городе, салюты и другие праздничные мероприятия посвященные празднованию Дня Победы.

Произошедшие со временем трансформации в праздновании Дня Победы показывают отношение к празднику не только народа, но и государства в целом. Конечно, ведущими мотивами выступает сохранение исторической памяти, патриотическое воспитание молодого поколения, формирование российской идентичности. И отметив 70-летний юбилей Победы, праздник День Победы показал свою жизнестойкость и динамичность. Праздник, в основе которого лежит конкретное историческое событие, отвечает не только на политические запросы времени, но и трансформируется вместе с появляющимися новыми информационными, общественными и философскими парадигмами. Именно создавая новые мероприятия, акций, новые символы и практики их использования приближают праздник к каждому жителю России вне зависимости от социо-возрастной принадлежности

Литература:

1. Статья из журнала «Огонек»: Головкин А. Вчера была война. [текст]: А. Головкин Журнал «Огонек», № 25 1991.
2. Статья из журнала «Огонек»: Павленко, Н. История войны еще не написана. [текст]: Н. Павленко. Журнал «Огонек», № 25. 1989.
3. Статья из газеты «Звезда»: Горюнов, О. 70 лет спустя: неизвестные подробности первого парада Победы. [текст]: О. Горюнов. Газета «Звезда» № 45. 9 мая 2015 г.
4. Статья из журнала «Эхо планеты»: Бернасconi Е., Валерий Джалагония. Из окопов на парад, на Красную площадь. [История воен. парадов в Москве в 1941 и 1945 гг.] Эхо планеты. (№ 26). 2005. С. 34–37.
5. Статья из журнала «Родина»: Колоскова Е. Это было снято. Это стало свято. [текст]. Родина. № 6 (июнь). 2015 г. С. 50–52.
6. Статья из газеты «Известия»: Топорков Л. Посланцы Войска Польского. Единственные зарубежные участники Парада Победы. Кто они? [текст]. Известия: газета № 4 (от 25 марта.) 1985. С. 5.
7. Парад Победы. Жизни и судьбы. Тверь: 2005.
8. Парад парадов: книга-альбом. — М.: Региональная культурно- просветительская общественная организация «Атлантида-XXI век», 2000. — 344 с.
9. Козлов М. М. Великая Отечественная война 1941–1945. [текст]: Энциклопедия. / М. М. Козлов — М.: Советская энциклопедия, 1985. — 832 с.
10. Огарков Н. В. Партизанское движение в Великой Отечественной войне. [текст]: Советская военная энциклопедия / Н. В. Огарков. — М.: Воениздат, 1978, т. 6. С. 230–234.

11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [текст]: С. И. Ожегов Н. Ю. Шведова. — М.: 1999 г.
12. Шаинский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка [текст]: Н. М. Шаинский. — М.: Дрофа, 2004.
13. Парад Победы // Великая Отечественная война, 1941—1945: Энциклопедия для школьников / сост. И. Дамаскин, П. Кошель; вступ. ст. О. А. Ржешевского. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — С. 384—392.
14. Официальный сайт: 9 мая. (<http://www.9MAYA.RU>)
15. Сборник статей в журнале «Памятник и праздник». 2013 г.: Статья Б. Романова. Как Сталин отменил день Победы в 1947 году. (www.proza.ru/2010/05/11/32)
16. Сборник статей в журнале «Памятник и праздник». 2014 г.: Статья А. Замостьянова. Парад непобедимых. 24 июня 1945 года- как это было?. (<http://www.pravmir.ru/parad-nepobedimuyih-1/>)
17. Ушакин, С. Воспоминания на публике: Об аффективном менеджменте истории [Электронный ресурс] / С. Ушанкин // Гефтер. <http://gefter.ru/archive/13513>
18. Щербина С. Видение или видение Дня Победы [Электронный ресурс] / С. Щербина // Победа-70: реконструкция юбилея; под ред. Г. Бордюкова. — М.: АИРО-XXI, 2015. С. 567—571.

Творчество Андрея Белого и его воздействие на развитие русского символизма

Зенкова Евгения Сергеевна, студент

Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета

Андрей Белый — писательское имя Бориса Николаевича Бугаева.

Доля презентовала молодому Борису Бугаеву своего рода духовного учителя, им был Михаил Соловьев, брат знаменитого философа Владимира Соловьева. Семья Михаила Соловьева жила по соседству, там он раскрепощался, и нес туда свои первые произведения. Впоследствии, как раз Соловьев порекомендовал вымышленное имя «Андрей Белый», коим был подписан литературный первый опыт автора, а в те годы учащегося физико-математического отделения института — его рассказ «Первая симфония». Рукопись была представлена метру русского символизма Валерию Брюсову. Таким образом, молодой автор связал свой путь с главнейшим образным течением границы XIX—XX веков.

«В жизни символиста все — символ. Не символов нет», — писала русская поэтесса Марина Цветаева. Даже вымышленное имя «Андрей Белый» сам по себе символичен, как белый цвет — гармоническое слияние всех цветов, символ полного бытия. Андрей — имя одного из 12 святых апостолов, которого Христос первым призвал в ученики. Пожалуй, Андрей Белый оправдал свой псевдоним, входя в литературу «апостолом» новоиспеченной доктрины. В символизме для него сливаются наука и религия, физика и эстетика, философия и музыка, поэзия и математика. Потому и кажутся архисложными его романы «Котик Лотаев», «Серебряный голубь» и в особенности «Петербург». В этом самом значимом своем романе Андрей Белый описывает атмосферу Петербурга намедни первой русской революции — целую загадок, тревог и страхов. По сути, детективная история, в которой задействованы члены одной семьи, заканчивается балаганной драмой.

Андрей Белый нарек собственное мировосприятие «мячом, бросаемым в руки следующего поколения». К сожалению, его идея перевоплощения действительности и сотворения нового человека, который соединял бы качества различных культур — ученой, живописной, государственной и мировой, так и остались проектом предстоящего.

Главнейшие креативные заслуги данного этапа — изданные в 1909 году подлинники стихов Пепел и Урна. Позже А. Белый едет в Европу для организации издания собственных книг и образовать в Берлине подразделение Вольной философской организации. Он публикует в Европе 16 книг. Величайшая часть наследства А. Белого, его труды по филологии. Поэтический и прозаический опыт А. Белого повлиял на современников той эпохи (Есенина, Цветаеву, Маяковского) и на дальнейшее развитие русской литературы XX века.

Исследователи творчества А. Белого часто акцентировали, что еще в гимназии будущего поэта привлекало «новое искусство» (французские символисты, прерафаэлиты), он увлекался взглядами Канта и Шопенгауэра.

В 1910 году выходит в свет теоретический труд Андрея Белого «Символизм», главная идея какого: созидательная работа недостижима исследованию, но может быть проявлена в символах...

И. Эренбург говорил о А. Белом, что он «пророк, не способный высечь на скрижалях письмена», «Белый выше и значительнее своих книг» и был прав. Андрей Белый был действительно талантливым и противоречивой фигурой, ему были близки взгляды и Гоголя и Маяковского.

Фигура А. Белого была одной из тех фатальных фигур русской интеллигенции, которые мечтавшие о грядущей революции погибли, так и не успев осознать, что переворот,

уже свершился. Находясь в постоянных поисках сложных философских умозаключений, постоянно пытаюсь, стать «человеком века», он не замечал реальной, живой реальности и это стало для него катастрофой.

Так писала об Андрее Белом советский режиссер, педагог, доктор искусствоведения Мария Осиповна Кнебель: «Однажды мне нужно было договориться с ним о запланированной лекции. Он жил тогда вблизи от Москвы, на станции Кучино. Была снежная зима. Подхожу к калитке. На дорожке, ведущей от калитки к даче, стоят Борис Николаевич и дворник. У дворника метла в руках. Борис Николаевич прочно держит дворника за пуговицу пальто и что-то темпераментно приводит доказательства ему. На Белом шапка и короткая драповая куртка, из-под которой виден длинный тёплый халат. Всё это обильно заснежено. Диалог, по-видимому, шёл уже давненько. Старик дворник был искренно рад моему наступлению. Приветствуя меня, Борис Николаевич должен был выпустить его, дворник использовал этот короткий промежуток и в один миг испарился. — Представьте себе, — сказал мне Белый, удивлённо ища глазами старца.

Степан Михайлович — приятнейший человек, но он никак не может понять несоответствие точки зрения на мир Платона и Аристотеля! — Может быть, это ему неинтересно? — спросила я. — Этого не может быть! — решительно ответил Белый. Единжды Борис Николаевич тяжело потерпел из-за своего отвлекавшего мышления. Где-то на Кавказе он увидел медвежонка и, пронизанный нежности к нему, бросился его гладить. Этот запал обошёлся ему недешево. С серьезным костяным переломом он долго пробыл в лечебнице. Повествуя со временем о происшедшем он озадаченно рассказывал: — Вы представляете себе, мишка такой любезный, такой бесстрастный, такой бездеятельный, мне заблагорассудилось его облакать, и вдруг!.. — и горестно разводил руками» [4, с. 125].

На творчество А. Белого значительное влияние оказали мистические идеи Ф. Ницше, В. С. Соловьева и Р. Штайнера.

В 1912 году А. Белый знакомится в Германии с основоположником теософского течения Р. Штейнером и стает его преданным другом. В антропософии видит выражение собственных внутренних идеалов, постижение желанного созвучия среди фантастического и научного постижения. В 1912—1916 гг. А. Белый выслушал свыше 30 курсов Р. Штейнера. В 1914—1916 гг. чувствует в построении антропософского храма Гетеанума в Дорнахе, Швейцария и все глубже углубляется в постижение мистической традиции.

Что бы понять суть символизма А. Белого необходимо осуществить изучение особенностей образного мышления автора, непрерывно ощущавшего собственную глубокую связь с другими мирами и выдавшего сущность искусства в познании этих миров, установке связей с ними. Особенности поэтики А. Белого состоят в соединении трех аспектов бытия (личности, внеполо-

женного материального мира и иной действительности), апокалиптическое миропонимание и настоящее чувство борьбы Христа и Антихриста, Софии и Сатаны во вселенной и в народе.

Провидчество и самоощущение в себе вещей направлений пробуждают у А. Белого особую увлеченность к синтезу «мозговых» способов с подсознательными откровениями, иррационалистическими ходами, увеличивают нелогичность (граничащий порой с бредом), сослагательность в его трудах. «Танец самоосуществляющейся мысли» А. Белый задает ритмом произведений, инициирует стабильную замену повествовательных и поэтических личин, формирует «пляску» содержаниями особенными способами применения звучаний, текстов, тирад, текста в целом.

Роман «Петербург» (1911—1913) высшее достижение прозы русского символизма, в котором А. Белый продолжает художественное освоение философии истории. В романе «Петербург» текст изложен с помощью необычайно непростой и многоуровневой организацией условных содержаниями — социальных, оккультных, философских, психологических, литературных, исторических. Любой элемент романа иллюстрирует новейшие значимости на любом из данных уровней интерпретации. Тематика романа выросла из двухсотлетней мифологии Петербурга, в ней сложно ведут взаимодействие подтексты едва ли не всей традиционной русской литературы «петербургского периода». По словам Д. С. Лихачева, Петербург в романе — «не между Востоком и Западом, а Восток и Запад одновременно, т. е. весь мир. Так ставит проблему России Андрей Белый впервые в русской литературе». «Петербург» — это основополагающий в мировой литературе «роман сознания».

В начале XX века Андрей Белый, подобно сверхновой звезде, ярко блистал на небосклоне отечественной культуры, где и без него было достаточно тесно. После Октябрьской революции его затмили собой другие писатели. Массовый читатель также стал отдавать предпочтение другим именам. А. Белый и сегодня остается писателем для узкого круга, хотя опубликование его произведений и литературы о нем не прерывалось ни на год. Как будто последняя воля потомству звучат слова Андрея Белого, прописанные им в 1905 году, наметки первого русского переворота: «Верю в Россию. Она будет. Мы — будем. Будут новые времена и новые пространства. Россия — большой зеленый луг, зацветающий цветами». Творчество А. Белого оказало влияние на многих модернистских и постмодернистских течений в литературе и искусстве XX века.

Таким образом, мы видим, что в России в 1900-х годах символизм проявлялся в двух направлениях:

— «Старшие» символисты. (На рубеже XIX и XX век)

Представителями были Д. Мережковский, В. Брюсов, З. Гиппиус, И. Анненский, К. Бальмонт, Ф. Сологуб (Ф. Терников), Н. Минский.

Они связывали искусство с богоискательскими идеями, с идеями «религиозной общественности».

— «Младшие» символисты, пришедшие в литературу в начале XX века.

Представители: А. Блок, А. Белый (Б. Бугаев), С. Соловьев, В. Иванов, Эллис (Л. Кобылинский).

Они выступали как сторонники философско-религиозного понимания мира в духе поздней философии Владимира Соловьева.

Всех представителей этих течений объединяло общее неприятие реалистического искусства.

Поэзия символистов — это поэзия для избранных, для аристократов духа. Символ — это эхо, указание, намек, он несет глубокий смысл. Символисты стремятся к созданию сложной, ассоциативной метафоры, иррациональной и абстрактной.

Когда Борис Николаевич Бугаев написал свой первый литературный опыт, Соловьев порекомендовал ему вымышленное имя «Андрей Белый», коим был подписан — его рассказ «Первая симфония».

Вымышленное имя символично, как белый цвет — гармоническое слияние всех цветов, символ полного бытия. Андрей — имя одного из 12 святых апостолов, которого Христос первым призвал в ученики. В символизме для него сливаются наука и религия, физика и эстетика, философия и музыка, поэзия и математика. Потому и кажутся архисложными его романы «Котик Лотаев», «Серебряный голубь» и в особенности «Петербург», это высшее достижение прозы русского символизма. В этом самом значимом своем романе Андрей Белый обрисовывает атмосферу Петербурга в ожидании первой русской революции — целую загадок, тревог и страхов. История, в которой задействованы члены одной семьи, заканчивается балаганной драмой.

На творчество А. Белого значительное влияние оказали мистические идеи Ф. Ницше, В. С. Соловьева и Р. Штайнера.

Н. С. Гумилев, «символизм закончил свой круг развития и теперь падает». На смену ему пришел акмеизм.

Литература:

1. Андрей Белый. Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый — М.: Республика, 1994. — 528 с.
2. Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Составитель А. В. Лавров // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988.
3. Колобаева Л. А. Русский символизм [Текст] / Л. А. Колобаева — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 296 с.
4. Пайман Аврил. История русского символизма [Текст] / Авторизованный пер. с англ. В. В. Исаакович. — М.: Республика, 2000. — 415 с.
5. Энциклопедия символизма: Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка / сост. Ж. Кассу. — М.: Республика, 1998. — 429 с.

«Праздничное пространство» и «пространство праздника»: характеристики и особенности взаимодействия

Кузнецова Анна Александровна, магистрант
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Пространственные характеристики праздника — проблема одновременно теоретическая и практическая. Для профессионального осуществления любого массового праздника (от замысла до реализации) необходимо четкое представление о таких фундаментальных понятиях, как пространство праздника и праздничное пространство. В статье предпринята попытка разделения этих понятий на основе различия их качественных, количественных, структурных, географических, временных характеристик, а также направленности развития самой праздничной культуры. Особое внимание уделяется поиску пространственных границ, которые отмечают территорию собственно праздника и одновременно вводят праздник в широкое поле культуры.

Ключевые слова: праздничная культура, праздник, праздничное пространство, пространство праздника

Разделение понятий «праздничное пространство» «пространство праздника» обусловлено поиском пространственных границ, которые, с одной стороны, обозначают территорию собственно праздника, а с другой — всё, что вводит праздник в культуру и лежит за его пределами. Стоит начать с анализа представлений о понятиях «праздничное пространство» и «пространство праздника», кото-

рые были выявлены на основе научных трудов, а также рефлексии автора данной статьи.

Когда мы говорим «пространство праздника», то имеем в виду что-то конкретное, точно очерченное: это может быть пространство городского праздника или пространство регионального праздника, пространство государственного праздника, народного или религиозного. Ни у кого

не возникнет сомнений в том, что эти пространства хоть и обладают общими характеристиками, присущими любому пространству и пространству праздника в частности, но и имеют различия, которые могут быть выражены в разной степени свободы празднующих, их вовлеченности, семиотической наполненности пространства, спецификой коммуникации его внутренних элементов. «Пространство театрализованного массового праздника — реальная местность, преобразенная фантазией постановщиков праздника в пространство праздничного бытия» [1].

С другой стороны, понятие «пространство праздника» может восприниматься как взаимодействие основополагающих элементов праздника, которые характерны только для данного феномена культуры, а значит и для конкретного вида культурного пространства. С этой точки зрения пространство праздника — это характеристики, отличающие его от пространств других феноменов культуры, но и объединяющие пространства разных праздников.

В первом случае пространство праздника — это пространство, которое имеет отношение к конкретному событию, протекающему в конкретный промежуток времени на конкретно очерченном географическом пространстве.

Во втором случае пространство праздника не имеет временных характеристик, оно описывает пространственные координаты праздника как явления культуры, отличающие, а также и связывающие его с другими культурными пространствами.

Обратим внимание на то, что о «праздничном пространстве» написано больше, чем о «пространстве праздника», но все же нельзя сказать, что границы обоих понятий четко определены и осмыслены.

С одной точки зрения, праздничное пространство — это пространство, в котором реализуется сущность праздника: праздничная свобода, отрыв от привычных норм поведения, реализуется творческое начало, и правила существования в нём особые, условные по отношению к обыденности, но связанные с ней, так как на основе представлений о неидеальности обыденности бытия создается представление об идеальном пространстве, в котором всё будет наоборот. Таким образом, праздничное пространство — это пространство в котором действуют особые законы, отличные от обыденных норм, и это представляется его сущностью. В этом случае речь идет не о конкретных географических границах праздничного пространства, а о его сущности. С. Н. Иконников, говоря о праздничном пространстве в общем и о праздничном пространстве Санкт-Петербурга, в частности, утверждал, что это «многофакторная и многомерная система, специфическое явление праздничной культуры, определяющее особую форму общественного поведения. Праздничное пространство — преобразенное пространство, оно обусловлено смыслом праздника и узнаваемо участниками праздничных действий» [2].

Другие же точки зрения напрямую постулируют, что «прежде всего это строго локализованное пространство — место, где проходит праздник» [3]. «Праздничное

пространство — это, как правило, место для совершения специальных актов, закрепленное за определенным участком местности» [4].

Подобного рода определение праздничного пространства переводит его с высоты онтологического понимания на уровень практического осмысления, сужая его временные границы до определенного периода взаимодействия географического и художественного пространства праздника. Также данный подход привязывает праздничное пространство к одному событию, будь это День Победы или любой другой праздник, в то время как определение, данное Иконниковым, вмещает в себя всё разнообразие праздничной культуры и входящих в её состав праздников, выделяя только фундаментальные константы пространства, свойственные празднику по его сути.

Нельзя не обратить внимания на то, что оба понятия имеют два основных подхода: более узкий, временно ограниченный, практически направленный, и более широкий, всеобъемлющий, обобщающий и конкретизирующий одновременно. Таким образом, мы имеем две составляющие пространственной структуры праздника.

Первая составляющая — это относительно открытое внутрипраздничное пространство, вторая — это некое пространство, несущее специфику праздника и связывающее праздник с культурой, направленное вовне. Согласно гипотезе данной статьи, первая составляющая является пространством праздника, а вторая — праздничным пространством.

«Пространственная структура любого культурного феномена, в научной литературе строится на качественно — количественном различии» [5]. Чтобы понять различие в количественной составляющей, достаточно применить оба словосочетания к городу, региону, стране или континенту. Например, понятие «праздничное пространство Санкт-Петербурга» [6], включает в себя праздничную культуру Санкт-Петербурга, её отличия от праздничных культур других городов и регионов, её специфичность по отношению к праздничной культуре России, также объекты, элементы и процессы, существующие внутри неё. В то время как понятие «пространство Санкт-Петербургского праздника» не только описывает особенности пространственной организации праздника в данном городе, но и тяготеет к конкретизации, какого именно праздника. На этом примере видно, что исследуемые понятия не равнозначны по своим масштабам — первое вбирает в себя второе.

В сущности, праздничное пространство — это явление праздничной культуры, так как вбирает в себя совокупность праздников, праздничных форм, институтов, образований и их взаимоотношений, объединенных одной ментальной общностью, а пространство праздника — это элемент праздничного пространства, единичное его проявление. Пространство праздника фиксирует конкретный праздник в процессе его функционирования, в то время как праздничное пространство, являясь видом культурного пространства, характеризует целостность и единство всех

специфических элементов и структур праздника как формы праздничной культуры. В этом заключается качественное различие двух понятий.

По аналогии с «культурным пространством» и «пространством культуры» разделение двух понятий проходит также на уровне направленности развития. Пространство праздника развивается по вертикали. Подобное развитие можно охарактеризовать повышением качественного уровня праздника, увеличением внутреннего разнообразия, обусловленного диалогом разных пространств внутри праздника. Праздник, соединяя в себя различные элементы, несущие специфику других пространств, трансформирует их в нечто новое, развивая и совершенствуя тем самым свою специфику.

Таким образом, пространство праздника выступает площадкой для взаимообмена и взаимообогащения его самого и всех, входящих в него пространств. В нём формируется своё коммуникативное пространство, которое вбирает и соединяет, находит точки соприкосновения сфер деятельности, каковые вне праздника могли бы и не найти общего языка.

Но развитие по вертикали не замыкается только на пространстве праздника; оформляясь там, качественные изменения переходят и в праздничное пространство, обеспечивая его движение по горизонтали. Праздничное пространство способно расширяться и преодолевать пределы своих границ, проникая в широкое культурное пространство и выходя на уровень общения с другими пространствами, составляющими суть культуры (социальное, религиозное, жизненное, политическое, природное и другие пространства). «Во многом благодаря пространству праздника как в его институализированных, так и неинституализированных формах, развивались такие духовные сферы, как искусство, философия и даже наука» [7].

Расширение по горизонтали происходит за счет сфер, которые находятся на стыке праздничного и других пространств, обуславливая культурную коммуникацию: сфера образования (в первую очередь, вузовские кафедры режиссуры праздника и т.п.), экономическая сфера (праздничные агентства и другие организации, тиражирующие праздник), сфера кино (фильмы, посвященные празднику или ставшие его символами), сфера журналистики (популярные печатные издания, телепередачи, включающие информацию о праздниках) и многие другие. Вследствие этого знаковая составляющая праздничного пространства объединяет в себе всё знание о празднике, все тексты настоящего, прошлого и будущего (замыслы, анонсы и т.п.) и постоянно пополняется.

Стоит обратить особое внимание на расширение границ праздничного пространства через интернет и телевидение. В современном мире человеку не обязательно находиться на площади, где проходит праздник, он может приобщиться к всеобщему празднованию через экраны в разных точках города, интернет и телевидение. Таким образом, праздничное пространство, расширяясь, проникает в пространство, в котором развивается медиакультура, системы связи и про-

текают процессы информатизации. Но в то же время оно жертвует уникальностью своих явлений, так как телевидение и интернет адаптируют праздник под свою специфику, задавая нацеленность на «телевизионную картинку» и тиражируя праздничные события [8]. Примером этому могут стать все праздничные события, существовавшие до появления телевизионных и интернет трансляций и транслирующиеся на данный момент.

По отношению к пространству праздника праздничное пространство более масштабно, оно как бы обволакивает праздник, создавая ауру, которая вводит праздник в культурное пространство. Его функцией является непосредственно воспроизводство и реализация праздника, поэтому оно не может быть отделимо от пространства праздника, как от пространства, в котором рождается праздник. Другими словами, если пространство праздника включает праздничное действие, то праздничное пространство содержит в себе и это действие, и память о нем, и его теоретическое обоснование, и его реально-материальные продукты и многое другое.

С точки зрения географических границ исследуемых понятий, пространство праздника подразумевает более локализованное место своего функционирования, как правило, оно обусловлено замыслом режиссера, может включать в себя несколько очагов симультанного действия. Географические координаты праздничного пространства зависят от того географического пространства, по отношению к которому понятие применено: они не только включают в себя предметы, явления и процессы праздничной культуры данной территории, но территории распространения всех этих составляющих вовне. То есть, по нашему мнению, изучая праздничное пространство Санкт-Петербурга, в исследовательское поле могут, к примеру, попасть научные, научно-популярные и практические издания, опубликованные и применяемые в других городах, если они так или иначе описывают специфические особенности праздничной культуры Санкт-Петербурга. Таким образом, праздничное пространство Петербурга взаимодействует с праздничными пространствами других городов, включаясь в коммуникацию на уровне праздничного пространства России. Это утверждение не относится к сугубо практическому пониманию термина «праздничное пространство города», по причине того, что в этом случае подразумеваются только внутрипространственная его организация.

Если рассматривать временные характеристики «праздничного пространства» и «пространства праздника», то и здесь нетрудно увидеть принципиальные различия. Мы уже обращали внимание на то, что пространство праздника существует в конкретных временных границах. В этом случае временные рамки больше зависят не от лежащего в основе праздника события, а от замысла режиссера, который фиксирует начало праздничных действий и их завершение в рамках установленной концепции. В этих рамках время, по мнению многих авторитетных исследователей, является праздничным, отличным от обыденного, в этих границах

концентрируются и сгущаются все основополагающие элементы праздника. Но праздник не возникает из ни от куда: ему всегда предшествуют предвкушение (на эмоциональном уровне), осведомленность и ожидание (на информационном уровне), афиши и пригласительные билеты (на материально-вещественном уровне), приготовления (на деятельном уровне) и др. Также праздник не исчезает в никуда, он оставляет после себя эмоциональный подъем и потребность в повторении (на эмоциональном уровне), предметы и постройки (на материально-вещественном уровне), отзывы, репортажи и критические статьи (на информационном уровне) и т.д. Условно, описанные системы явлений можно охарактеризовать как пред-пространство праздника и пост-пространство праздника, их нельзя однозначно отнести к обыденному времени, но и в рамки праздничного времени они не вписываются, находясь в некоей промежуточной стадии. У автора данного исследования есть все основания полагать, что пред-пространство и пост-пространство праздника являются той границей, которая соединяет пространство праздника с праздничным пространством в рамках хронологического подхода. Существование такого рода соединения обусловлено идейно-тематической актуальностью праздника. Таким образом, отдельное праздничное действие входит в структуру праздничной культуры: если не существует этого перехода, значит, праздник не актуален для данной общности и спустя недолгий промежуток времени он исчезнет.

Хронологические характеристики праздничного пространства предполагают, что оно простирается от предпосылки к первому празднику в истории исследуемой территории или общности, до прогнозирования тенденций развития праздничной культуры данной территории и общности, включая в себя всевозможные изменения в процессе её формирования.

Структуру праздничного пространства составляют пространства, без которых праздник не может осуществиться, с которыми он сосуществует. Эти пространства имеют свою самостоятельную ценность и рассматриваются без отношения к празднику, но вступая в праздничное пространство, приобретают дополнительные смыслы. Это литературное пространство (сценарная основа), эстетическое (понятие прекрасного и идеального), социальное (общественная потребность), жизненное пространство (формирование идей, взглядов, ментальности, перенос смыслов и опыта, приобретенных на празднике в реальную жизнь), пространство видов искусств (вбираются и перерабатываются в празднике), городское пространство, политическое (идеологическая направленность праздников) и т.д.

Литература:

1. Ерёмченко В. С. Театрализованный массовый праздник. Основы праздничного производства. Общая теория праздника, сценарий, организация, постановка: Учебное пособие. — Кемерово.: ООО «Антон», 2009. — 194 с.
2. Иконникова С. Н. Теория культуры. — СПб.: Питер, 2008. — 87 с.
3. Курбатов В. П. Праздничный хронотоп: понятия, типы, виды // Культура и образование. 2014. — № 2.

Особенности этих пространств, проходя через специфику праздника, образуют его как вид культурного пространства. Они не сливаются полностью с праздничным пространством, а существуют отдельно, но оказывают влияние на пространство праздника. Если бы праздник не вбирал в себя специфику некоторых из названных пространств, то имел бы иные характеристики и особенности, нежели сегодня.

Пространство праздника состоит из пространств, которые оно полностью вбирает в себя. На основе подходов Е. В. Орловой и И. М. Гуткиной, которые в своих работах исследовали взаимодействие «пространства театра» и «театрального пространства», применяя метод аналогии, мы выявляем пространства, которые в совокупности являются имманентной характеристикой пространства праздника:

- материальное пространство (площадь, улица и т.д.)
- материализованное в празднике пространство режиссерского видения, оно является надматериальным (осуществление художественного замысла, интерпретация сценария, «совмещение всех технических, музыкальных, сценографических средств, собранных режиссером воедино для дальнейшего воплощения» [9] в празднике)
- пространство праздничного действия, сиюминутное, творящееся здесь и сейчас.

Исходя из выше описанных характеристик и согласно цели данной статьи, мы формулируем определения двух исследуемых понятий.

Пространство праздника — это практическое выражение праздничной культуры, в котором оформляется и реализуется конкретная деятельность, обеспечивающая внутрипраздничную специфику. Это пространство несет в себе некую конечность, подразумевается, что когда пройдет праздник, исчезнет его пространство, являвшееся сосредоточием всех праздничных элементов в одно время в одном месте.

Праздничное пространство — это атмосфера, складывающаяся вокруг праздничной культуры и определяющая её место в культуре в целом. Праздничное пространство организует жизнедеятельность праздника, выражающуюся во всех предметах и явлениях, которые образуют праздник и являются носителями его специфики. Оно хранит память о процессах, происходящих в праздничной культуре, чем обеспечивает преемственность поколений. Праздничное пространство не ограничено временными и пространственными границами одного праздника.

4. Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования: монография. — М.: Наука, 1978. — 72 с.
5. Орлова Е. В. Сущностные характеристики театрального пространства и пространства театра // Аналитика культурологии. 2010. — № 18.
6. Келлер Е. Э. Городские светские праздники Петербурга XVIII—XX веков: историко-культурный контекст: Автореф. дис. кан-та культурологи: 24.00.02. СПб., 1997.
7. Орлов О. Л. Российский праздник как феномен культуры // Вестник СПбГУКИ. 2011. — № 1.
8. Попова В. Н. Трансформация форм праздничной культуры: игровой аспект // Динамика форм праздничной культуры. С. 25–33.
9. Гуткина И. М. Театральное пространство Саратова // Пространственность развития и метафизика Саратова. Саратов: Научная книга. 2001. С. 67–72.

ФИЛОЛОГИЯ

Дидактические принципы Абу Али Ибн Сино

Авазова Айджана Каримовна, кандидат филологических наук, доцент
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Дидактические принципы, идеи и мысли учёного — врача Ибн Сино глубоко значимы в педагогике. Он оставил миру многогранные научные исследования в «12 отраслях науки».

Первый президент Узбекистана Ислам Каримов в своих выступлениях постоянно подчёркивал «Без знания прошлого, нет настоящего и будущего». Сегодня, Ибн Сино, как и другие великие умы притягивает нас с точки зрения познания дидактики, ибо его педагогические воззрения являются для нас общечеловеческой ценностью. Глубже познавая его энциклопедизм, экспериментализм, мы убеждаемся, что перед нами «скрытый гений», имеющий свои принципы в области дидактики.

Чтобы глубже обобщить творческий подход Ибн Сино к вопросам обучения и образования детей, его глубокое понимание природы ребёнка, мы ознакомились с рекомендациями виднейших русских и зарубежных педагогов, оставивших свой след в педагогике. Казалось бы педагогические воззрения Ибн Сино уже достаточно изучены, но при внимательном рассмотрении проблемы становится ясно, что это не так.

Приоритетные концепции Ибн Сино, опередившие на целое тысячелетие педагогическую мысль прошлого и настоящего рассмотрены нами в рамках исторического времени, используя сравнения и сопоставления.

Размышляя над книгой «Тадбири манзил» («Воспитание и обучение детей в школе»), Ибн Сино определил свою мысль: «учитель должен хорошо знать свой предмет». Спустя 8 веков аналогичная мысль встречается у известного немецкого педагога XVIII века А. Дистервега: «Хороший, учитель должен в совершенстве владеть наукой, любить своих учеников». Далее, Ибн Сино пишет, что «учитель никогда не должен отступать от своих требований». А. Дистервег также придерживается такой же точки зрения: «настоящий учитель твёрдо и неуклонно проводит свои воспитательные принципы, никогда не отступает от своих требований».

Как видно, что требования дидакта А. Дистервега отчасти совпадают с требованиями, выдвинутыми Ибн Сино. К такому выводу немецкий педагог пришёл, опираясь,

на педагогическую мысль Ибн Сино, усовершенствовав, уточнив и конкретизировав её.

В XIX веке педагогическую мысль Ибн Сино в книге «Тадбири манзил» «настоящий учитель должен определить умственные способности своих учеников» пытается творчески усвоить русский педагог К. Д. Ушинский: «если педагогика хочет воспитать человека, во всех отношениях, то она должна научиться определить умственные способности учеников». Мы считаем, что авторы почти аналогичны, имеют единый взгляд на понимание «требования к учителю», кроме того, их идеи прогрессивны и бесценны, они составляют основу современного дидактического принципа — учения «Развитие критического мышления у учащихся, студентов». Данная идея великого учёного, спустя тысячелетие прослеживается и у русского педагога М. И. Пирогова. Ибн Сино пишет: «Учитель своим примером должен оказывать положительное влияние на воспитание учеников» (Ибн Сино). «Учитель не должен забывать, что воспитывает учеников не только его преподавание, но и личностные качества учителя». (М. И. Пирогов). Отмечая большое сходство мысли М. И. Пирогова с педагогической идеей Ибн Сино, мы нашли их очень близкими и актуальными и в наши дни. Сравнивая же педагогические идеи Ибн Сино с идеями российских педагогов В. П. Беспалько, Б. Т. Лихачёва о применении педагогических технологий в учебном процессе, мы отметили прежде всего их сходство. Например, «учитель в процессе обучения должен применять разнообразные методы и формы работы с детьми» (Ибн Сино). «Педагогическая технология — совокупность психологических установок, определяющих социальный набор и компоновку форм, методов, способов, приёмов обучения, воспитательных средств, она есть инструментарий педагогического процесса» (Б. Т. Лихачёв).

«Педагогическая технология — это содержательная техника реализации учебного процесса» (В. П. Беспалько).

Как видно, вышеприведённая педагогическая мысль Ибн Сино лежит в основе современного направления в образовании, применении педагогических технологий в учебном процессе. Это предусматривает умелое сочетание учителем всех методов, форм, средств обучения, направленных

на оптимизацию форм обучения. Данная идея Ибн Сино модернизирована современными педагогами в соответствии с требованиями современного образования.

Необходимо отметить и тот факт, что Ибн Сино придавал серьёзное значение коллективному обучению в школе. В книге «Тадбири манзил» в разделе «Обучение и воспитание детей в школе» Ибн Сино в первую очередь останавливается на вопросе об охвате всех детей школой. Ратуя за идею коллективности в обучении, он выступает против индивидуального обучения детей в домашних условиях. Мысль о пользе коллективного обучения заключается в следующем: «Если ученики будут учиться вместе, то у них не будет скуки, у них развивается желание соревноваться между собой. Это создаёт стремление не отставать друг от друга... в беседах между собой ученики передают друг — другу интересные рассказы, которые они почерпнули из книг и слышали от старших... когда дети учатся вместе, они начинают дружить и лучше уважать друг друга, они помогают друг другу в усвоении учебных материалов. Кроме того, они воспринимают друг у друга хорошие привычки».

Как видно, в дидактическом принципе совместного обучения детей Ибн Сино явственно ощущается его глубокое понимание детской психологии. Что касается педагогических воззрений Ибн Сино, то они получили дальнейшее развитие в трудах американского учёного 70-х годов XX века Дж. Дьюи — основоположника метода обучения сотрудничеству. Российский учёный М. В. Моисеева в своих трудах отметила превосходство педагогического метода Ибн Сино. «При обучении в сотрудничестве главной, влияющей силой на учебный процесс, становится коллектив, группа студентов, которые работают вместе над решением какой-либо проблемы. Главные черты этого процесса: участие, социализация, дискуссия, сотрудничество для саморазвития». Её же точку зрения разделяют П. Е. Полат, И. П. Савельев, В. С. Какушин. Итак, интересующая нас педагогическая идея коллективного и совместного обучения разрабаты-

вается на Западе и в России, привлекая пристальное внимание современных педагогов. Между данными дидактическими трактовками о коллективном обучении прошло более тысячи лет, возникли они в различных социально — экономических эпохах, наиболее блестящим представителем которой был Ибн Сино.

Ибн Сино, развивая мысли Аристотеля о прекрасном, разработал идею о прививании детям интереса к музыке. Отметив большие возможности музыки в эстетическом, нравственно — этическом и физическом совершенствовании человека, её способности вызывать положительные эмоции и душевное очищение — катарсис. По мнению Ибн Сино, музыка развивает эмоциональную отзывчивость у детей. Дал удивительный для своего времени ответ на вопрос: «Как действует музыка на человека?» Его идея, «что музыка является психотерапевтическим средством и воздействует на психологию человека» впоследствии разрабатывалась Европой в XVI веке, (консонанс — важнейший элемент гармонии).

Сегодня, древняя мысль Ибн Сино, только переосмысленная временем, нашла своё отражение в новой дисциплине по педагогике «Педагогическая коррекция», в программу которой, входит тема: «Музыкотерапия» — как средство психо-педагогической коррекции».

Тысячелетие отделяет нас от великого учёного Ибн Сино, но его дидактические идеи высоко подняли методику обучения в средние века, его мысли — это противоречие господствующей методике обучения того времени, основанной на зубрёжке. Вникнув в природу ребёнка, он не только лечил его, но и учил и воспитывал. Представить даже страшно, чтобы всё это кануло в забвение!

Его труд «Тадбири манзил» («Воспитание и обучение детей в школе») — это открытие истоков, улыбка седого прошлого, его рукопожатие. Мы, люди начала XXI века, тянемся к этой руке, ощущаем, заново изучаем, сопоставляем и находим то, что ищем. Ибн Сино — великое нравственное чудо человечества в современном образовании.

Литература:

1. Ибн Сино «Тадбири манзил» («Воспитание и обучение детей в школе»). Собр. соч. т. 8. — Ташкент 1986.
2. Великое наследие Абу Али Ибн Сино и современное общество. — Ташкент, 2005.
3. Дусчанов Б. А. Абу Али Ибн Сино — гениальный исток педагогической мысли // Народное слово, 2008.

Сходства соматизмов в кыргызском и турецком языках

Акалын Режеп, аспирант

Бишкекский гуманитарный университет имени К. Карасаева (Кыргызстан)

В данной статье рассмотрены сходства соматизмов в кыргызском и турецком языках. Далее, корни соматизмов в данных языках исследованы и проведен научный анализ. А также приведены все факты с примерами касающиеся соматизмов в вышеназванных родственных языках.

Ключевые слова: кыргызский язык, турецкий язык, соматизмы, сходства, лексический состав, словообразование, окончание

The similarity of the names of body parts in Kyrgyz and Turkish languages

Similarities of Somatisms in Kyrgyz and Turkish languages were examined in this article. Further, the roots of somatisms in these languages were investigated and scientific analysis were conducted. In addition, all the facts with examples concerning somatisms in the above-mentioned related languages were given.

Keywords: Kyrgyz language, Turkish language, somatisms, similarities, lexical composition, word formation, suffix

Так как кыргызский и турецкий языки являются родственными языками между ними есть много сходств. Данные сходства мы распределили на группы по их аналогиям. Рассмотрим каждую группу по отдельности:

1) Исторические сходства: Рассматриваемые нами основные причины общности соматизмов в турецких и кыргызских языках являются естественными. Во-первых, сопоставляемые языки произошли из одного древнего языка [1, с.46]. Во-вторых, соматизмы, их особенности образования новых слов одинаковы в обоих языках, так как оба являются агглютинативными тюркскими языками.

История возникновения соматизмов совпадает с начальной стадией возрождения языка. Согласно теориям возникновения языка, сперва люди называли те вещи которые видели своими глазами, позже уподобление вещей сходные по характерам и определенным функциям привело к расширению возможностей развития языка. [2, с.141].

Фонетическая структура большинство соматизмов в кыргызском и турецком языках, семантика и сходство в способности образовании новых слов дает сведение о возникновении соматизмов еще в древности. Кыргызский и турецкий языки как подчеркивалось прежде, являются родственными языками.

2) Фонетические сходства: Для данного исследования были отобраны соматизмы подходящие для словообразования, 30 слов из кыргызского и 31 из турецкого. При отборе соматизмов, обширность возможностей словообразований в обоих языках и сходства между двумя языками были взяты под руководство. [5, с.76].

Из избранных соматизмов нижеприведенные слова используются без никаких фонетических изменений в обоих языках.

В кыргызском языке:

АРКА I 1. Дененин моюндан тартып куймулчакка чейинки омурткалардан турган бөлүгү. Часть тела начиная

с шеи до репицы, состоящее из позвоночников. Ат аркасын суутуп Эки-үч күн мында туралы!! Положем парудней и заодно дадим лошадям отдохнуть. («Олжобай менен Кичимжан»). 2. Бет алып турган тарапка Карама-каршы жак, арт жак. Противоположная сторона к лицу — задняя сторона. Азыр аркада калган кызыл тоо анда көрүнгөн эмес (Сыдыкбеков); То что казалось недостижимым осталось позади. Ат кепенин аркасы аңырайып көчүп кетиптир (Касымбеков). Задняя часть конюшни развалился 3. өт. Таяныч, жөлөк, коргооч, жардам. Опора, поддержка, помощь, защита. Атаң кууп салганда, Арка болгон мен элем («Эр Табылды»). Твоей опорой стал я когда прогнал родной отец. Күрүчтүн аркасы менен күрмөк суу ичет (макал). На троих готовили — и четвертый сыт (поговорка). Кабылан Манас, жан досум, Качан көрөм арканды («Манас»). Великий Манас, друг родной, когда увижу тебя вновь? («Манас»). Алымкул арка кылган Кулбаш сыркоолоп, төшөктө жатат (Абдукаримов). Кулбаш которому Алымкул доверял, захворал. [7, 999 С.].

В турецком языке:

АРКА 1. Bir şeyin temel tutulan yüzünün tam ters yanı (противоположная сторона какого-то предмета). 2. Bir şeyin sırt durumunda olan yüzeyi (задняя поверхность чего-либо). 3. Geri kalan bölüm (оставшиеся элементы). 4. Art, peş. (зад, задняя сторона) 5. Otururken sırtın dayandığı yer (место, где спина прислоняется, когда вы сидите). 6. (insan için) Vücut, beden (тело). 7. Arkada olan, arkada bulunan (позади). 8. Koruyucu, kaıııcı, iltimasçı, piston. (охранник, поршень) 9. Geçmiş, geride kalmış zaman (Прошедшее время) [8, 1211 С.].

В кыргызском языке:

БЕЛ I 1. Дененин жамбашка жакын ичкерээк тартып кеткен арка жак бөлүгү, арканын жамбашка жакын бөлүгү. Узкая часть задней части тела ближе к бедру. Кымча бел. Бураң бел. Девушка с тонкой, гибкой талией. Айым өйдө

болуп, уюган белин кайкалатат («Ала-Тоо»). Девушка поднявшись выпячивает натруженную талию. Карьялардын таягы жоктору эки колун белине коюп баратышты (Абдукаримов). Старики, те, которые без тростей идут положив руки на бедра. 2. Бир нерсенин орто чени, орто бөлүгү. Чаканын белинен суу алып келе койчу, деп энеси баласын сууга жумшады. Чайнектин белине чейин суу куюп, чай кой. Принеси воду из ведра - сказала мать сыну. Набери пол чайник воды и положи на котел. 3. өт. Жөлөк, таяныч, тирек. Опора, поддержка. Уул жакшы өссө, атага бел (Сыдыкбеков). Хороший сын гордость отца. Бел кылабыз биз сени курдаш (Турсубеков). Станешь нашей опорой, друг. 4. Тоо кыркаларынын ашып өтүүгө ылайык келген жону, кайкыраак жери. Горный хребет, горный перевал. Ашуусу болбой, бел болбойт (Тоголок Молдо). Нету перевела без хребта. (Тоголок Молдо). Акбар ашуунун белине түшө калып, ээрин ондоду (Убукеев). Акбар спустился с коня на перевале и исправил седло. Булуңдун сырты тоо деп атанбаганы менен бийик бел (Касымбеков). Хотя внешний угол горы не считается горой - это крупный перевал. [7, 999 С.].

В турецком языке:

BEL II 1. İnsan bedeninde göğüsle karın arasında daralmış bölüm (часть тела между грудью и животом) 2. Bu bölümün, sırtın altına rastlayan bölgesi (часть тела соединяющий верхнюю часть с нижней). 3. Hayvanlarda omuz başı ile sağrı arası (часть тела животного между плечевой костью и тазом) 4. Dağ sırtlarında geçit veren çukur yer (ямы в горных хребтах) 5. Geminin orta bölümü (средняя часть корабля)

В кыргызском языке:

ИЧ I 1. Адамдын, жаныбарлардын ичеккарын орношкон бөлүгү, курсагы. Часть туловища, включающая брюшную полость, брюхо — живот. Көзүң ооруса колунду тый, ичиң ооруса тамагыңды тый (макал). Смотри в оба: не возьмет хвороба. (пословица). Эчтеме ичпей ичиңер каарылып кетти го (Жантөшев). Совсем изголодались без еды 2. Курулуштун, имараттын же башка нерселердин ички бөлүгү, ички тарабы. Внутренняя часть здания, комнаты и тд. Үйдүн ичи жымжырт (Сыдыкбеков). Полная тишина дома. Бөлмө ичи жыпжылуу, таптаза (Байтемиров). В комнате чисто и тепло. (Байтемиров). Мыскалдар ичке киришти (Сыдыкбеков). Мыскал и остальные вошли вовнутрь. 2. Кездеменин же кийимдин сыртына карама-каршы жагы, кийимдин астары. Обратная сторона одежды, материала и тд. Ичин кымбат иштеткен, Сыртаным сапар кетет деп, Жыйнап алып Кенжеке, Сан келинге тиштеткен («Эр Төштүк»). Кенжеке собрав женщин повелела аккуратно сшить одежду изнутри до приезда Эр Төштүк. 3. Элдин, көпчүлүктүн, токойдун, кандайдыр бир көп нерсенин ж. б. арасы. Среди людей, леса или большого количества. Эл ичинен көп карайт, Элдияр, Эрмек ынагын («Эр Табылды»). Среди людей полагается советникам Элдияр и Эрмек. Жылтырайт бак ичинен айдын көзү, Узарган алда кайда көлөкөсү (Шүкүрбеков). Луна блещит в саду удлиняя тени деревьев. Астынан эсеп жеткис жылкы айдатып, Ичинен тулпар тап деп кыйноо салды

(Осмонов). Прогнав табун лошадей перед ним, приказал найти скакуна. [7, 999 С.].

В турецком языке:

İÇ 1. Herhangi bir durumun, cismin veya alanın sınırları arasında bulunan bir yer, dahil, dış karşıtı (Внутренняя часть какого-то места) 2. Oyuk olan veya oyuk sayılabilen şeylerin boşluğu (Пустота выдолбленных, гравированных вещей) 3. Cisimlerin yüzeyleri arasında kalan her nokta (точки между поверхностями объектов) [8, 1211 С.].

В кыргызском языке:

КОЛ I 1. Адамдын эки ийнинен баштап, манжаларынын учуна чейинки мүчөсү. Части тела человека начиная с плеч до пястей (рука). Динар колундагы китепти чоң энеге көрсөтүп, силкилдетип койду (Сыдыкбеков). Динар показав книгу своей бабушке повертел ее в руках. Абдылданын сол колу шалкайып калды (Байтемиров). Левая рука Абдылды ослабла. 2. Малдын алдыңкы буту. Аттар колдорун солбута тарсылдатып, ташты чапчышат (Жантөшев). Лошади топчут камни передними копытами. (Жантөшев) 3. Беш манжа. Пять пальцев. Беш кол тең эмес (макал). Пять пальцев на руках не равны. (пословица) Беш колундай билет. Знает как свои пять пальцев. 4. Отличительная черта в почерке. Кат уулум тарабынан жазылганына көзүм жетти, колунан таандыым («Ала-Тоо»). Узнала письмо сына по почерку. 5. Кандайдыр бир документке, тизмеге, текстке же картинага тиешелүү адамдын өзү тарабынан жазылган фамилиясы, атыжөнү. Имя, фамилия написанная личностью имеющий прямое отношение к документу, партию, списку или картине (подпись).

В турецком языке:

KOL 1. İnsan vücudunda omuz başından parmak uçlarına kadar uzanan bölüm. Части тела человека начиная с плеч до пястей. (рука) 2. (koyun, dana, kuzu vb. için) Ön ayağın üst bölümü (Верхняя часть передних копыт овец) 3. Giysinin kolu saran bölümü (рукав). 4. Ağaçlarda gövdeden ayrılan kalın dal (толстые ветви деревьев, отделенные от ствола) 5. Makinelerde tutup çevirmeye veya çekmeye yarayan ağaç veya metal parça (винт, бурав, закручивающие детали в техниках, в машинах). 6. Bazaçalgıların elle tutulan sap bölümü (рукоятка некоторых инструментов) 7. Bir koltukta, bir divanda kol dayamaaya yarayan parça (ступни, полки для рук на диванах) 8. Bir şeyin ayrıldığı bölümlerden her biri, dal, kısım, branş (отрасль) 9. Güvenliği sağlamak amacıyla dolaşan polis, jandarma veya asker topluluğu, karakol, devriye. (Патрульная милиция) 10. İstakımı, ekip, grup. (группа) 11. Kanat kol (крылья) 12. Dizi, düzen (порядок) 13. Bir halat oluşturan bükülmüş lif demetlerinden her biri (каждый из скрученных пучков волокон, образующих канат).

3) Морфологические сходства:

Мы стали свидетелями того что, в образовании новых слов при соединении с соматизмами, производные аффиксы в кыргызском и турецком языках имеют между собой много общего.

К примеру, словообразовательный аффикс -чы:

БАШЧЫ (главарь определенной группы, командующий, возглавляющий) Башчысы Бакай дагы бар, Баатырлардын

баары бар (есть все богатыри и среди них даже возглавляющий Бакай) («Манас»). Салык жылкы фермасынын башчысы болуп иштөөчү (Салык работал заведущем лошадиной фермы) (Каимов).

В турецком языке этот аффикс при соединении со словом — *baş* образует новые слова:

BAŞÇI 1. *İşçi başı*, (возглавляющий). 2. *Çiğ veya pişmiş koyn, kuzu, siğir başı satan kimse* (продавец приготовленных голов овец, коров- блюдо), аффикс — *ka*, в кыргызском и в турецком языках, образует слова одинаковые по значению при соединении со словом *baş*.

БАШКА 1. Бөлөк, өзгө (иной, другой). Башка колхоздорго да киши жибердик (Байтемиров). Работники были отправлены и в другие колхозы. Жыйналыштын акыры башка күнгө калды (Убукеев). Итоги собрания было перенесено на другой день. || Айырмасы бар, айырмалуу, өзгөчөлүгү бар. Жумуру баш адамдын Башка-башка өнөрү (Токтогул). Особый, с отличием, отличительный. Человек с отличительными способностями. 2. Бөтөнчө, өзгөчө, айрыкча, артык. Особенный, особый, другой. Манастын уулу Семетей Адамдан башка жаралган («Манас»). Сын богатыря Манаса Семетей был особенным среди людей. Баатырдыгы башкача, Балбандыгы эң башка («Эр Төштүк»). Богатырство его особое, силе его нет равных.

BAŞKA 1. *Bilinenden ayrı, değişik, farklı, özge*. (Другой, разный, иной) 2. *Nitelik yönünden alışılmışın dışında bir üstünlüğü olan* (особенность с точки зрения качества.) 3. *Konu edilen, bilinenden ayrınesne ve kimse için teklik veya çokluk olarak başkası, başkaları biçiminde kullanılır*. Используется в форме для других, в контексте единичности и множественности. 4. «*Ayrıca üstelik bir yana*» anlamlarında -dan / -den başka biçiminde kullanılır, başka biri, diğer bir kimse. (в значениях «К тому же, отдельно» употребляется в форме -dan / -den başka. Другой, иной.)

Часто используемые аффиксы -луу/лу, в турецком и в кыргызском языках:

MURUNDU 1. Носатый. Ат эриндүү келет, эр мурундуу келет (Конь губастый, а мужчина носатый) (пословица). 2. Используется для описания особенностей носов. Например: прямой нос.

BURUNLU 1. *Herhangi bir biçimde burnu olan* (имеющий нос) 2. *Çıkıntısı olan* (имеющий выступ) 3. *Kendini beğenmiş, onurlu, kibirli* (высокомерный, надменный, самолюбивый)

4) Синтаксические сходства: словосочетание воспринимается как синтаксическое сходство между соматизмами в кыргызском и в турецком языках. Поскольку кыргызский и турецкий языки произошли из одного корня, во время исследований были обнаружены интересные материалы о устойчивых словосочетаниях связанных с соматизмами.

Сопоставлении:

В кыргызском языке:

АРКАСЫН САЛУУ Жактырбаган, көргүсү келбеген мүнөздө кош көңүл мамиле жасоо, кыртышы сүйбөө (выражает чувство нежелания говорить или видеть, недолюбие человека). Анан кала берсе, балыктан чарчап кайткан

күйөөсүн күтүп албай аркасын сала турган болду (Укаев) (даже мужа вернувшего уставший с рыбалки не встречает с любовью/с радостью) Сыртын салуу (Неодобрительно относиться). Биздин, ошондой эле сиздин кеңсе башчыңыз сыртын салып, басып кетиптир («Чалкан»). Наш, и ваш координатор ушел с неодобрением.

В турецком языке:

ARKA (VEYA SIRT) ÇEVİRMEK *Eski ilgiyi göstermez olmak, yabancı gibi davranmak* (выражает чувство нежелания говорить или видеть, недолюбие человека).

В кыргызском языке:

БАШ АЙЛАНУУ 1. Көңүлү караңгылоо, өзүн начар сезүү, башы тегеренүү, алсырап кетүү (чувствовать себя плохо, головокружение.) Башым айланып, бүпкөн боюм жанчылгандай, пырп эперге каруум жоктой сезилет (Жантөшев). Голова закружилась и все тело обессилилось. (Жантөшев). Ышкынаалы көчөгө жепкенде, башы айланып кетчүдөй сендиректей барып токтоду (Бейшеналиев). Когда Ышкынаалы дошел до улицы, его голова слегка закружилась. (Бейшеналиев). Туруп олтуруп сүйлөшсөм бат эле башым айланып кетет. Как только встаю или сажусь, голова начинает резко крутиться. (Осмоналиев). 2. Кандайдыр бир ишти аткарууда, маселени чечүүдө ж. б. учурда көпкө чейин ойлонуп, эмне кыларын билбей ыргылжың болуу, өзүнчө бир чечимге келе албай башы маң болуу. (Долго поразмышляя не решиться, запутаться). Капыстан бул маселе алдына коюлуп, торго чалып алды да, Абылкасым буйдалып, башы айланып, бир топко бул тордон чыга албай турду (Абдукаимов). Абылкасым внезапно попал в ловушку, его голова кружился и ничего не мог сделать. Внезапно появившаяся проблема запутала Абылкасыма, и он долго не мог найти выход из положения.

В турецком языке:

BAŞI DÖNMEK 1. *İnsana, eşyanın dönmesi, ayağının altından yerin çekilmesi gibi bir duygu gelmek*. Чувство головокружения, обессилие. 2. *Sıkıntı yaratan bir durum karşısında bunalmak*. Быть в затрудненной ситуации, безисходность. 3. *Görkemli bir şey karşısında şaşımak*. Удивляться чему-то. 4. *Para veya mevki sebebiyle şaşıp şımarılmak*. Удивляться деньгам или еще какому либо роскошь.

В кыргызском языке:

БАШЫ БОШ 1. Эч кимге менчиктелбеген, эч ким ээ болбогон, эч кимдин тиешеси жок. Независимый. Башы ачык оокат. Башы ачык буюм. Свободный 2. Кудалашкан, сүйлөшүп макулдашкан жери жок (кызга карата), башка күйөөгө чыгуута, кетип калууга мүмкүнчүлүгү бар, кылчактай турган, кармала турган эч нерсеси жок (күйөөдөн чыккан, же жесир калган аялдарга карата). Холостой, разведенный, без какой-либо ответственности. Арзыган теңине жете албай зарыгып башы ачык кыз тургай, күнү үстүнө барган токолдор, кайындаган күйөөсүн чанган кыздар да сүйгөнүнө баш кошо баштады. Нежели остаться одинокой, и младшие жены, и те которые не считали женихов себе равными начали выходить замуж. (Сыдыкбеков). Кантип?! Менин башым ачык эмес да? Как? Я же замужняя? (Бей-

шеналиев). Өнөрлүү келиндин башы ачык экендигин айтсам, акын токтоосуз учасың. Если скажу что та талантливая девушка без пары, улетишь от радости. (Бейшеналиев). В.: Башы бош. Эмне үчүн «башым бош эмес» дедиң, башы бош да кыз болобу? Без пары. Почему ты сказала без пары, разве бывает девушка без пары? (Убукеев).

В турецком языке:

BAŞI BOŞ 1. Bir şeye veya kimseye bağlı olmayan. Независимый. 2. Bağılanmamış, serbest bırakılmış. Свободный. 3. Yönetimsiz, baskısız, denetimsiz. Без присмотра, без правления.

В кыргызском языке:

БАШ ООРУТУУ Ойлоону, сары санаа болуу, тынчсыздануу. Думать, волноваться, беспокоиться. Ой, кайда-

гыны ойлоп башыңды оорутпачы, деп койду эжекем (Сыдыкбеков). Не стоит беспокоиться по мелочам -сказала сестра. Кудай алсын, кайсы чечилбей койчу баш ооруткан талаш иштер бар эле! (Осмоналиев). Да бог с ними, разве бывают нерешимые проблемы! Бай антип башын оорутуп көргөн жан эмес (Каимов). Бай не из тех кто себя проблемами мучает.

В турецком языке:

BAŞ AĞRITMAK Tedirgin etmek, bıkınlık vermek, can sıkımak. Думать, волноваться, беспокоиться.

В конечном итоге, несмотря на сложность выяснения сходств между турецким и кыргызским языками, определение сходств родственных языков с помощью микро языковых единиц вызывает огромный научный интерес.

Литература:

1. Базарова Д. Х. Семантика наименований частей тела и производных от них в тюркских языках: Автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 1966. — 27 с.
2. Абилгалиева М. Х. Сопоставительный анализ соматической фразеологии казахского и немецкого языков: Автореф. дис. канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1992. — 23 с.
3. Валиханова Р. Е. Сопоставительное исследование соматизмов казахского и русского языков: Дис. канд. филол. наук. — Алматы, 1995. — 171 с.
4. Жидебаев К. Анатомические названия в казахском языке: Автореф. дис. канд. наук. — Алма-Ата, 1977. 25 с.
5. Колесникова В. Д. Названия частей тела человека в алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. — Л.: Наука, 1972. — С. 71—103.
6. Aksoy Ö. A. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. — İstanbul, 1995
7. Cumakunova G. Kırgızca-Türkçe Sözlük. — Bişkek: Manas Üniversitesi Yayınları, 2005
8. Güncel Türkçe Sözlük. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 11. Baskı, 2011
9. Nişanyan S. Türkçenin Soyağacı (Etimolojik Sözlük). — İstanbul, 2005

Способы образования словообразовательных ячеек соматизмов

Акалын Режеп, аспирант

Бишкекский гуманитарный университет имени К. Карасаева (Кыргызстан)

В данной статье детально рассмотрены вопросы образования новых слов в тюркских языках. Тщательно были изучены все пути словообразования. А также приведены цитаты выдающихся тюркологов о корне и корневых изменениях. Рассмотрена роль соматизмов при образовании новых слов.

Ключевые слова: кыргызский язык, турецкий язык, лексический состав, словообразование, окончание, соматизмы

The ways of forming of the new words with the help of the body part names

In this article, the issues of the formation of new words in Turkic languages were considered in detail. All the ways of word formation were thoroughly studied. In addition, quotes of outstanding Turkologists about the root and root changes were given. Further, the role of somatisms in the formation of new words was considered.

Keywords: Kyrgyz language, Turkish language, lexical composition, word formation, suffix, somatisms

Кыргызский и турецкий языки являются одними из древних языков. Известно, что, они входят в состав богатых лексическими запасами языков. К словам формирующие лексический состав входят соматизмы, анализируемые нами на основе словопроизводных ячеек.

Ряд исследований в лингвистике посвящены направлениям такие как словопроизводные ячейки, вышеупомянутые слова, входившие в лексико-семантические группы или с определенными тематическими сходствами значений. Изучение лексического состава языка при помощи семантических микрогрупп ведет к расширению лингвистики. Многие научные исследования могут стать этому доказательством.

К примеру, С. А. Тихонов использует «Лексико-семантические группы» слов в исследовании рядов словообразований в русском языке. Г. А. Исабекова рассматривает «лексико-семантические группы» (тематическая группа, лексико-семантическая группа и так далее) среди нескольких видов семантических микрогрупп и начинает свое исследование словообразовательных ячеек на основе тех определенных групп. Р. А. Кадырбаева исследует словообразовательные ячейки на основе слов, вошедших в состав определенных «тематических групп».

Несмотря на то что, одна часть исследователей разбирает словообразовательные ячейки в одну лексико-тематическую группу, другая часть в тематическую, их общая цель заключается в определении свойственных особенностей слов и отличий между собой, а также выяснение их словообразовательных способностей.

Наша цель, выяснить общую состав производных слов в ячейке, их структуру и характеристику, а также способностей словообразований каждого слова в группе соматизмов. Другими словами, выбор производных слов вошедшие в конкретную тематическую группу, и лексико-семантический анализ данных слов выяснит их словообразовательные возможности.

Впервые в лингвистике, еще в 50-годах прошедшего столетия Ф. П. Филин исследовал вопрос о необходимости выявить и отличить лексико-семантические и тематические группы, но до сих пор не было единого вывода по этому вопросу.

В своей диссертационной работе, Г. А. Исабекова, исследовавшая лексико-семантические группы слов на основе словообразовательных ячеек, сказала: «...в современной лингвистике до сих пор нет общепризнанного определения ЛСГ, а в вопросах критерия ее выделения и дифференциации много спорного и неясного. Мы будем придерживаться точки зрения лингвистов, рассматривающих эту группу слов как объединение слов на основе лексического значения и принадлежности к одной части речи» [8, с. 189].

Из вышеуказанных определений и других научных исследований по этой теме, лексико-семантические и тематические группы слов не были одинаково определены.

По мнению исследователей, таких словообразований как в тюркских языках в других языках не встречаются.

В истории словообразовании тюркских языков, из них в кыргызском и турецком языках, слова образуются только на основе морфем.

В кыргызском и турецком языках, один из основных единиц участвующий в словообразовании, является корень. Он играет основную роль в образовании словообразовательных ячеек, так как не может быть речи об основе словообразовательных ячеек. В нашем исследовании, мы рассмотрим тематические группы соматических слов, отвечающие на требования основного корня в лингвистике на основе словообразовательных ячеек.

В начале, мы бы хотели рассмотреть мнения ученых:

В тюркологии, привлекли внимание многих ученых морфологическая структура и семантическое свойство корня. По мнению Н. А. Баскакова: «Корнем слова в тюркских языках называется не членимая часть слова, в которой заключено вещественное реальное значение слова»... [5, с. 83].

Б. Юнусалиев в своем труде о корне подчеркивает: «...корень есть исторически простейшее слово с конкретным значением... корень есть звук или звуковой комплекс, не подлежащий дальнейшему морфологическому расчленению, и служащий для обозначения конкретного понятия о предмете или действия» [14, с. 43]

По мнению исследователя А. Т. Кайдарова: «Тюркский корень есть наидревнейшая и историческая реальная единица языка, сохраняющая свою суть несмотря на постоянные фоно-морфо-семантические изменения, происходящие в процессе агглютинативного развития строя тюркских языков. Он может структурно совпадать с первообразным словом, если оно не превышает одного слога. Во всех остальных случаях, тюркский корень выступает как производная единица языка, где корень отражает в себе состояние статики, а слово — динамика» [10, с.24]

Опираясь на мнения тюркологов о корне, позже кыргызские ученые дали определения корню в своих исследованиях. По мнению ученого Т. Садыков и И. Абдувалиева: «Корнем называется морфема, носящее лексическое значение и имеющий смысл как самостоятельное слово». [2, с. 16].

По мнению И. Абдувалиева «Корень — неделимая и основная часть слова». [1, с. 18]

Корень — языковая единица с определенным предназначением и значением. Это можно увидеть через восприятие образования корней как основная морфема и предназначение слов в передаче смысла. Основа лексического значения корня и лексического значения слова является причиной становления основной единицей корня в процессе словообразования, так как в языке, одно лексическое значение делается на основе другого.

В основе лексического значения корневого слова, преобразовывается новое значение производных слов. Например: **баш+чы, баш+тык, баш+кар, баш+та** и т. д. Во всех значениях этих слов есть близость, так как, при образовании этих слов, основное слово — баш. В качестве ядра

для значений производных слов, у них есть сходства в значениях, также видно их меж семантическая связь.

Значения корневых слов и производных слов в преобразовании с помощью корневых слов, имеют между собой тесную связь. Это не внезапная явление, которое видно в стадиях словообразовательных ячеек.

Казахский ученый Ж. А. Манкеева говорит по этому поводу следующее: «Благодаря принимаемым аффиксам корень в структуре производных основ уточняется и конкретизируется, т. е. развитие аффиксальной морфемы находится в прямой зависимости от развития корневой морфемы. Этот факт можно проследить в процессе анализа корневой морфемы по гомогенному ряду, при котором наличие общности в семантике и фонетическом облике родственных слов позволяет выяснить их общий корень» [12, с.154].

Перед тем как считать соматизмы как сущность словообразовательных ячеек, более разумно будет для начала определить их исследовательское равновесие в лингвистике кыргызского и турецкого языков. Мы сможем увидеть многочисленные научные исследования и статьи о соматизмах, во время обсуждений о том, как и каким образом исследуются проблемы связанные с соматизмами.

В казахской лингвистике существуют исследования по этому вопросу следующие работы. В своем труде «Соматические названия и их лексико-семантические группы в языке «Кодекс Куманикуса», Э. С. Ташауова, разделил

слова в Кодексе Куманикусе, на 40 групп в соответствии с лексическим смыслом, и многие из этих слов составляют из соматизмов, как они есть в лексиках большинства тюркских языков. [13, с. 161].

В своей кандидатской диссертации «Анатомические названия в казахском языке», в 1977 году Чидебаев провел историческо-этимологическое и семантическое исследование казахского соматизма при сравнении с другими тюркскими языками. [7, с. 25].

Ученая Р. Е. Валиханова, исследовала соматизмы в казахском и в русском языках путем сравнения. Валиханова доказывает что, соматизмы существуют во всех языках. [6, с.171].

Вместе с тем стоит отметить труды В. С. Колесникова, исследовавший алтайскую соматизацию, Д. Х. Базарова, исследовавший семантика соматизмов, М. Х. Эбилкакалиева, проводивший исследования сравнивая соматические фразеологизмы в казахском и в немецком языках, Р. А. Кадырбаева, определившая словообразовательную производительность соматизмов русского языка, важно также сосчитать имена других исследователей. [11, С. 71–103; 3, 27 с.; 4, 23 с.].

В нашем исследовании соматизмы воспринимаются как основа словообразующей ячейки сегодняшнего кыргызского и турецкого языков, и они будут использоваться для выяснения словообразовательных способностей.

Литература:

1. Абдувалиев И. Кыргыз тилинин морфологиясы. — Бишкек, 2008. — 18-б.
2. Абдувалиев И., Садыков Т. Азыркы кыргыз тили. Морфология. — Бишкек, 1997. — 16-б.
3. Базарова Д. Х. Семантика наименований частей тела и производных от них в тюркских языках: Автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 1966. — 27 с.
4. Абилгалиева М. Х. Сопоставительный анализ соматической фразеологии казахского и немецкого языков: Автореф. дис. канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1992. — 23 с.
5. Баскаков Н. Состав лексики каракалпакского языка и структура слова // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — Т. IV. Лексика. 83-б.
6. Валиханова Р. Е. Сопоставительное исследование соматизмов казахского и русского языков: Дис. канд. филол. наук. — Алматы, 1995. — 171 с.
7. Жидебаев К. Анатомические названия в казахском языке: Автореф. дис. канд. наук. — Алма-Ата, 1977. 25 с.
8. Исабекова Г. А. Формально-семантическая структура словообразовательных гнезд глаголов говорения: Дис. канд. филол. наук. — Алматы, 1993. — 189 с.
9. Казирги казак тилинин сөзжасам жүйеси. — Алматы: Кылым, 1989. — 14- б.
10. Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. — 24-б.
11. Колесникова В. Д. Названия частей тела человека в алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии-алтайских языков. — Л.: Наука, 1972. — С. 71–103.
12. Манкеева Ж. Реконструкция первичных корней глагольных основ казахского языка. — Алма-Ата: Кылым, 1991. 154 с.
13. Ташауов Э. С. «Кодекс Куманикус» тилиндеги соматикалык атаулар және олардын лексика-семантикалык топтары: Филол. кыл. канд. дис. — Алматы, 1995. 161 б.
14. Юнусалиев Б. Киргизская лексикология. — Фрунзе, 1959. — 43-б.

О значении книги «История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.)» Сороколетова Ф. П. при изучении военной терминологии русского языка

Аллабергенов Бакварган Курамбаевич, кандидат педагогических наук, доцент, научный руководитель;

Джуманиязова Назира, студент

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Теоретическое изучение терминологии, исследование закономерностей их формирования, развития и функционирования терминосистем являются в настоящее время одним из приоритетных направлений лингвистических исследований. Это позволяет получить объективные знания о становлении лексико-семантической системы языка в целом.

Работа, посвященная исследованию терминологии какой-либо области, «дала бы, возможно, более детальные ответы на более частные вопросы, актуальность и значение которых скрадываются с точки зрения более обширной темы. Но такая более частная работа оставила бы без ответа ряд важнейших проблем, она в лучшем случае лишь наметила бы их постановку, оставляя решение открытым» [2, с. 3].

Фёдор Павлович Сороколетов — российский лингвист, лексикограф, диалектолог, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

Родился в 1924 году в деревне Выворотково Курской губернии (ныне — Курская область). В 1952 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Производственная лексика в русском языке послевоенной прозы». [3].

Книга «История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.)» стала итогом двадцатилетней работы Ф. П. Сороколетова. При исследовании военной лексики древнерусского периода им был применён системный подход к материалу, что давало возможность сопоставления двух состояний военного словаря XI–XIV вв. и XV–XVII вв., исследования семантических процессов и языковых изменений в лексике.

В книге автор одним из первых применил системный подход к историческому языковому материалу. Как известно, вопросы функционирования военной лексики как системы, ее развития и совершенствования были менее всего изучены, между тем конкретный лексический материал представлял большие возможности для интересных наблюдений и выводов, важных для решения сложных вопросов лексикологии и семасиологии (специализация слова, сужение значений, терминологизация, синонимия и т. п.) [1, с. 2].

Мы условно разделили книгу Ф. П. Сороколетова на вступительную, основную и заключительную части.

Перелистывая вступительную часть книги, можно получить сведения об истории изучения военной лексики в русском языкознании, месте военной лексики в лексической системе древнерусского языка, отличительные особенности термина от слова и т. п.

Основная часть книги состоит из шести глав. Первая глава посвящена изучению терминов, отражающих организацию вооруженных сил, в русском языке XI–XIV вв. Здесь подробно описываются наименования войска и воинов, термины, обозначающие разряды войск и воинов по профессиональному признаку, наименования отдельных частей войска по месту их в бою, походе или по функциональному признаку. Во второй главе исследуется состояние военной лексики русского языка XV–XVII вв. В данной главе анализируются наименования войска и его подразделений, отдельных представителей военных (служивых) людей, отдельных частей войска, выполняющих определенную боевую задачу, родов войск, воинов по профессиональному признаку. Третья глава посвящена изучению наименований лиц начальствующего состава в русском языке XI–XVII вв., четвертая — иноязычных заимствований в русской военной лексике XVII вв., пятая — системных отношений в истории военной лексики XI–XVII вв., и шестая — глаголов и отглагольных имен в системе военной терминологии.

История военной лексики с XI по XVII в. в книге рассматривается как единый процесс развития лексической системы одного языка, что дает возможность выделить устойчивые элементы этой терминологической системы, определить переменные черты и особенности, проследить пути и закономерности языковых изменений.

Автором подчеркивается, что слова, относящиеся к выражению системы понятий военного дела, давно уже привлекали внимание исследователей. Имеется целый ряд работ, так или иначе связанных с изучением военной лексики и фразеологии древнерусского языка, начиная от тех, которые рассматривают военную лексику в качестве вспомогательного материала для различного рода исторических, археологических и тому подобных исследований, изысканий этимологического характера, замечаний по значению и употреблению отдельных слов, до работ, специально посвященных исследованию военной лексики в тот или иной период истории русского языка [1, с. 8].

Практическая значимость работы заключается в том, что в ней подвергаются анализу около 1500 слов, входящих в систему обозначения военных понятий. Не все анализируемые слова занимают одинаковое место в этой системе. Один из них являются основными лексемами группы, составляя костяк военной лексики, другие, входя отдельными значениями в систему военной лексики, крепко связаны с общим, неспециальным словоупотреблением, третьи выступают лишь ситуативно в качестве заместителей терминов, принадлежа всей системой семантических значений к разряду неспециальной лексики.

Рассмотренные в работе слова и выражения вступали в язык и различные лексико-семантические отношения и связи. Прежде всего, обращают на себя внимание широко представленные случаи полилексии (которые включают в себя как синонимические отношения, так и отношения дублетности) и полисемии (с четко очерченными или недостаточно отчетливо дифференцированными значениями и отношениями). Изученные группы лексики характеризуются также достаточно богатым набором слов от одинаковой (одной) основы. Намечаются также другие виды отношений, например вещественная (объектная) и контекстуальная общность при наличии дифференциальных признаков у отдельных членов поля. Лексическую ценность, значимость слова в словарном составе языка можно установить только при учете всех этих характеристик: лексиче-

ского значения, стилистической квалификации, отношения с другими словами, принадлежности к определенной лексико-семантической группе и места, занимаемого словом в этой группе [1, с. 355].

В заключительной части книги автором утверждается, что основу русской военной лексики и фразеологии, по данным письменных памятников XI—XVII вв., составляют слова и словосочетания, теснейшим образом связанные с живым народным языком эпохи. Семантическая структура русской военной лексики оказалась вполне готовой к выражению новой формирующейся системы военных понятий. Это сыграло решающую роль в том, что значительная часть военной терминологии XVII в. перешла в военный язык петровской эпохи и сохранилась в современном языке.

Литература:

1. Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI—XVII вв.) / Отв. ред. Ф. П. Филин. Изд. 2-е, доп. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
2. Трубочев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. — М.: Наука, 1966.
3. https://ru.wikipedia.org/wiki/Сороколетов,_Фёдор_Павлович

Смысловые отношения между однородными определениями

Артыкова Галина Шерметовна, кандидат филологических наук, доцент;
Жуманиязова Рисалат, студент

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

В предложении однородные члены объединяются в цельный структурно-семантический блок по отношению к другим членам предложения. Синтаксическая функция всей группы однородных членов совпадает с синтаксической функцией любого из членов этой группы. Как отмечает В. В. Бабайцева, в связи с другими компонентами предложения однородные члены выступают не сами по себе, а лишь в структурно-семантическом единстве, в сочинительном ряду [1, с. 153].

Например: *... всю страшную, потрясающую тину мелочей..., всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров...* [2, с. 237].

Однородные члены, представляющие известное единство в отношении к подчиняемому слову, между собой могут находиться в разнообразных смысловых отношениях. В основном выделяются три рода отношений: соединительные, противительные и разделительные, имеющие ряд разновидностей в зависимости от употребления при них союзов и интонаций.

1. Соединительные отношения выражают объединения равноправных (равнозначных) понятий. Соединительная связь получает своё выражение в перечислении без союзов, а также при помощи соединительных союзов: *бабы с толстыми лицами и перевязанными гудями смотрели*

из окон [2, с. 20]; *Лица у них были полные и круглые* [2, с. 14]; *оборотах самых тонких и приятных он рассказал...* [2, с. 79]. Если же союз и стоит перед последним однородным определением в многочисленном ряду, то он показывает, что перечисление закончено: *Он считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим...* [2, с. 23]; *Те же стены, выкрашенные масляной краской, потемневшие сверху от трубочного дыма и залоснённые* [2, с. 9].

Соединительные отношения могут выражаться и при помощи сочинительных — соединительных союзов **и, ни — ни, да** (в значении **и**), например, *... приветливая и говорливая хозяйка славилась хлебосолецтвом* [2, с. 224].

Общее значение однотипности сочинительного рода может дополняться оттенками, среди которых выделяются следующие:

1) Отношения градации, при которой в семантическом плане выделяется один или несколько однородных членов: *Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальною своею действительностью, приближается к характерам...* [2, с. 237]; *Всю страшную, потрясающую тину мелочей...* [2, с. 237]

2) Союз-частица **ни-ни** усиливает отрицание и в то же время сохраняет своё значение усилительной частицы: ... *где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких племён* [2, с. 217].

3) Разделительные отношения показывают, что:

1. определяющие члены предложения одинаково соподчинены определяемому слову предложения, но фактически может быть осуществлена одна из двух возможных связей, исключая другую. Например: *Уже всякое выражение, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благоприятность, было ему неприятно* [2, с. 192];

2. определяющие члены предложения обозначают качества, свойства, чередующиеся или сменяющие друг друга: *Пробовалось сообщить ему множество разных выражений: то важное и степенное, то почтительное, но с некоторою улыбкой, то просто почтительное без улыбки* [2, с. 260].

Смысловая связь разделительных отношений выражается при помощи разделительных союзов **или, ли, то-то, либо-либо** и др., а также разделительной интонацией.

3. Противительные отношения обозначают разные по характеру признаки, но одинаково относящиеся к определяемому предмету: ... *или пригляделись лесному бродяге ременные твои рукавицы и тройка приземистых, но крепких коньков...* [2, с. 240].

Смысловая связь противительных отношений выражается при помощи противительных союзов **но, а, однако**, а также при помощи противительной и сопоставительной интонации.

4. Уступительные отношения, которые показывают, что однородные члены предложения по своему значению противоречат друг другу, несовместимы: *Неодолимая, хотя тихая сила увлекла меня* [2, с. 161].

5. Причинно-следственные отношения выявляются из лексических значений однородных членов, связанных союзами и интонационно: *Пустой, гулкий дом нагонял тоску* (Ср: пустой, поэтому гулкий).

Анализ семантики блока однородных членов предложения показывает, что общее языковое значение однотипности только основа, на которой с помощью разнообразных средств связи выражаются оттенки разных ступеней обобщения лексических значений словоформ [1, с. 159]. В семантике блоков однородных членов предложения обнаруживаются оттенки, которые доказывают, что существует смысловое неравноправие однородных членов, хотя эти случаи относительно редки. Разные по значению определения, но параллельно относящиеся к одному и тому же определяемому предмету отмечены нами в языке Н. В. Гоголя.

В этом случае все определения оказываются равноценными и в синтаксическом отношении, т. к. индивидуализируют каждый из признаков, представляющих ряд отдельных характеристик по адресу, например, *Рассказывать один блеск их: влажный, бархатный, сахарный* [2, с. 263].

В одном предложении может быть несколько рядов однородных членов. Например: *Счастлив путник, который*

после длинной, скучной дороги с её холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными смотрителями, бряканьем колокольчика, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами, видит наконец знакомую крышу... [2, с. 237]. В этом предложении два ряда определений: 1-й ряд — однородные согласованные определения (длинный, скучный), 2-й ряд — несогласованные определения (с холодами, слякотью, грязью и т. п.). Но и те и другие определяют одно и то же слово — дорога.

Возможно и другое построение с двумя рядами однородных членов предложения. Между членами ряда употребляется соединительный союз **и**, между однородными рядами используется разделительный союз. Например: *везде, где бы не было в жизни, среди ли чёрствых, шерховато-бледных и неопрятно-плеснеющих низменных рядов её среди обнообразно-хладных и скучно-опрятных сословий высших* [2, с. 203].

Связь в блоке однородных членов может быть выражена не только интонацией и сочинительными союзами, но и лексико-грамматическими средствами: частицами, повтором, наличием обобщающего слова, сравнением: ... *заметил он выглянувшие из окна почти в одно время два лица: женское, в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдаванские тыквы* [2, с. 204–205].

Таким образом, исследуя строение блока однородных определений, можно сделать выводы, что в языке Н. В. Гоголя наиболее употребительны блоки, состоящие из одного ряда однородных согласованных определений. Таких примеров в тексте более половины. Однако нами отмечены и более сложные построения.

Языковым значением блока однородных членов является однотипность понятий, выражаемых однородными членами. В однотипности членов предложения проявляются разные степени лексико-семантических обобщений. Однотипность может быть усилена обобщающим словом или словосочетанием.

Анализируя поэму «Мертвые души», Н. В. Гоголя мы пришли к выводу, что автор почти не использует однородные конструкции с обобщающими словами.

Известно, что обобщающие слова в более абстрактной форме обозначают семантику однородных членов. Они или открывают сочинённый ряд или закрывают его.

Например: *Пробовалось сообщить ему множество разных выражений: то важное и степенное, то почтительное, но с некоторою улыбкою, то просто почтительное без улыбки.* Между обобщающим словом и однородными членами устанавливается пояснительная связь. Однородные члены являются уточняющими по отношению к обобщающему слову.

Анализ отдельных глав поэмы показал, что Н. В. Гоголь использует и открытые и закрытые ряды с однородными определениями, а также согласованные и несогласованные определения, которые выражены:

1. однородные согласованные определения: прилагательными, причастиями, сочетанием прилагательного с наречием, прилагательными с повторением слова какой, или другим словом;

2. несогласованные однородные определения: причастием и причастным оборотом, неопределенной формой глагола, сочетанием существительного с прилагательным и количественно-именным сочетанием, причастными оборотами и количественно-именным сочетанием, причастным оборотом и прилагательными с зависимыми словами, причастным оборотом и существительным с зависимыми словами, распространенным прилагательным и сравни-

тельной степенью прилагательного, сочетанием существительного с прилагательным и существительным с зависимыми словами.

В прозе Н. В. Гоголя широко представлены конструкции однородных членов предложения, которые используются в особых стилистических целях, выступая как важнейшее средство подробного описания предметов, их свойств, явлений, картин природы, портретных и психологических характеристик и так далее. При этом однородные члены могут осложняться другими экспрессивными средствами: градацией, антитезой, синонимией, повтором и другими средствами.

Литература:

1. Бабайцева В. В. Русский язык // Синтаксис и пунктуация. — М., 1989.
2. Гоголь Н. В. Избранные сочинения в 2-х томах Т. 2. — М., 1988.

Тематическая группа «наименования предметов верхней одежды» в произведениях И. С. Тургенева

Артыкова Галина Шерметовна, кандидат филологических наук, доцент;

Тураева Гульфират, студент

Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Разыскивая в памяти нужное слово или понятие, человек движется вдоль структурных линий (линии синонимии, антонимии и других — ассоциативных или логических), пронизывающих систему лексики. Именно эти структурные линии соответствуют основным понятиям и категориям лексикологии.

Значение слова определяется, прежде всего, его отношением к другим словам, то есть его местом в лексической системе. В отличие от других систем лексическая система тесно связана с внешними, экстралингвистическими факторами и наиболее подвижна. Она непосредственно отражает изменения, происходящие в окружающей действительности, что выражается как в отмирании слов (или их значений), так и в появлении новых слов и значений или в значительном изменении последних. В силу этого словарный состав не образует, строго говоря, закрытого класса. Однако этот факт не следует преувеличивать: на каждом этапе развития лексика языка представляет все же относительно устойчивую и определенную систему.

Системность лексики обеспечивает следующие пучки слов:

- 1) семантическое поле;
- 2) лексико-семантическая группа;
- 3) тематическая группа;
- 4) ситуативная группа;
- 5) коммуникативная группа;
- 6) родовидовая группа;

- 7) синонимический ряд;
- 8) антонимическая пара;
- 9) словообразовательное гнездо;
- 10) эпидигматическая группа.

Наиболее важный вопрос — размещение лексических единиц по тематическим группам. Различные аспекты этой проблемы рассматривались в работах В. В. Виноградова, С. И. Коткова, Ф. П. Сороколетова, Ф. П. Филина, О. Н. Трубачева, М. М. Покровского и ряда других исследователей.

Дифференцированно подходит к оценке тематических групп Д. Н. Шмелев. С одной стороны, он указывает на такие тематические группы, как название растений, которые не представляют собой каких-либо лексических «микросистем» в подлинном смысле слова, так как объединение подобных слов происходит, как правило, не на общем значении слов и не на основе того или иного их противопоставления друг другу по какому — то различительному признаку, а на основе наличия у них как раз только общего родственного признака («растение») [1, с. 29]. Значения слов, входящих в эту группу, настолько насыщены индивидуальными признаками, что являются в принципе несопоставимыми по отдельным признакам друг с другом, то есть эти слова стоят вне собственно языковых системных связей.

С другой стороны, по мнению Д. Н. Шмелева, некоторые слова конкретной лексики входят в определенные лексико-семантические микросистемы, то есть в какой — то степени

системно объединены. «Значение каждого из таких слов соизмеримо в известном плане с некоторыми другими значениями, так как противопоставлено им по более или менее определенным семантическим признакам» [2, с. 150].

Анализ имеющихся точек зрения позволил нам сделать следующий вывод: деление лексики на тематические группы не только не исключает, но, наоборот, предопределяет нахождение специфики внутренних семантических взаимоотношений между номинативными средствами языка. Более того, описание слов в рамках предметно-классификационных групп создает широкие возможности для всестороннего изучения смысловых связей в языке, для детального выявления особенностей семантической структуры отдельных номинативных единиц в частности и лексико-семантической системы вообще.

Достоинство тематического принципа в том, что он сохраняет наиболее естественную для речи ситуативно-тематическую организацию языкового материала и обусловленные его связи языковых элементов.

Целью данной статьи является определение тематической группы «наименований предметов верхней одежды» в произведениях И. С. Тургенева.

Одежда является одним из существенных элементов культуры, как материальной, так и духовной, понятная зона одежды, что подтверждают рассмотренные нами примеры, обширна, наименования многочисленны, разнообразны и функционально насыщены, и все это указывает на возможность рассматривать вышеуказанную тематическую группу как существенный фрагмент русской языковой картины мира, позволяющий увидеть ряд особенностей жизни общества, описанного И. С. Тургеневым. В исследованную нами тематическую группу «наименований предметов верхней одежды» вошли следующие единицы.

Куртка — «короткая, наглухо застёгивающаяся верхняя одежда».

«Первая любовь»: Неожиданно быстрое исполнение моих тайных желаний меня и обрадовало и испугало; однако я не выказал овладевшего мною смущения — и предварительно отправился к себе в комнату, чтобы надеть новенький галстук и сюртучок: дома я еще ходил в **куртке** и в отложных воротничках, хотя очень ими тяготился [стр. 258].

Ты еще не студент, и бог знает, выдержишь ли ты экзамен. Да и давно ли тебе сшили **куртку**? Надо было покориться. Я заменил сюртучок **курткой**, но галстуха не снял [стр. 260].

Отец почтительно ей поклонился и проводил ее до двери передней. Я стоял тут же в своей куцей **куртке** и глядел на пол, словно к смерти приговоренный [стр. 261].

«Ася»: Взор мой упал на красивого молодого человека в фуражке и широкой **куртке**... [стр. 211].

«Вешние воды»:... тот тоже надевает **куртку** — и оба медленно удаляются. «Вешние воды» [стр. 314].

«Отцы и дети»:... очень похожий на Петра, одетый в серую ливрейную **куртку** с белыми гербовыми пуговицами, слуга Павла Петровича Кирсанова [стр. 7].

Пальто — «род верхней одежды длинного покроя, обычно ниже колен, надеваемой поверх платья, костюма и т. п.».

«Вешние воды»: Санин падает на ноги, отворачивается, поспешно надевает сброшенное **пальто**, говорит... [стр. 314].

«Рудин»: Она раскрыла зонтик и хотела было идти домой, как вдруг из-за угла избушки выехал, на низеньких беговых дрожках, человек лет тридцати, в старом **пальто** из серой коломянки и такой же фуражке [стр. 5]. На нем было то же серое **пальто**, и в загорелых руках он держал ту же старую фуражку [стр. 23]. Я вовсе спать не хочу. С какой стати мне спать!.. Я лучше поеду поля осмотрую, — сказал Волынцев, одергивая полы **пальто** [стр. 51].

«Отцы и дети»: Митя, такой же свежий и румяный, как и отец, подпрыгивал в одной рубашечке на его груди, цепляясь голыми ножками за большие пуговицы его деревенского **пальто** [стр. 91].

...барин лет сорока с небольшим, в запыленном **пальто** и клетчатых панталонах... [стр. 1].

— Ничего, ничего, — твердил, умиленно улыбаясь, Николай Петрович и раза два ударил рукою по воротнику сыновней шинели и по собственному **пальто**. «Отцы и дети» [стр. 3].

Его полотняное **пальто** и панталоны были запачканы в грязи... [стр. 13].

Кафтан — «Старинная мужская долгополая верхняя одежда».

«Муму»: Но вот Герасима привезли в Москву, купили ему сапоги, сшили **кафтан** на лето... [стр. 166]. Он только ждал нового **кафтана**, обещанного ему дворецким, чтоб в приличном виде явиться перед барыней, как вдруг этой самой барыне пришла в голову мысль выдать Татьяну за Капитона. «Муму» [стр. 170]. Дворецкий удалился, а Степан вскочил, натянул на себя **кафтан** и сапоги, вышел и остановился у крыльца. «Муму» [стр. 180].

Герасим глядел на всех этих людишек в немецких **кафтанах** сверху... [стр. 185]. На нем был праздничный **кафтан**; он вел Муму на веревочке [стр. 186].

«Отцы и дети»: А вот вам и прислуга, — прибавил он, указывая на вошедшего с ним коротко остриженного мальчика в синем, на локтях прорванном, **кафтани** и в чужих сапогах. — Зовут его Федькой [стр. 64].

Пиджак — «верхняя часть костюма в виде куртки с отложным воротником и застегивающимися бортами».

«Отцы и дети»:... старый штаб-лекарь предстал перед молодыми людьми, облеченный в домоделанный полотняный пиджак и с соломенной, тоже домоделанной, шляпой на голове [стр. 73].

Сюртук «род длинного (почти до колен) двубортного пиджака в талию». «Первая любовь»: Я заменил **сюртучок** курткой, но галстуха не снял [с. 260].

Плащ — «1. верхняя широкая одежда без рукавов, надеваемая внакидку и крепящаяся у подбородка или застегивающаяся на пуговицы; 2. непромокаемое пальто».

«Вешние воды»:... дряхлая старушонка в черном суконном **плаще** проковыляла через аллею [стр. 349].

Основным критерием включения слов в рассматриваемую тематическую группу является наличие семы «верхняя одежда» в словарных дефинициях семантики слова.

Литература:

1. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000.
2. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1983.

К вопросу о значениях инфинитивных предложений русского языка в сопоставлении с узбекским языком

Рузметова Зульфия Назаровна, кандидат педагогических наук, доцент;
Ахмедова Умринисо, студент
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Инфинитивные предложения (далее ИП) выражают необходимость или неизбежность осуществления действия, также они обозначают действия, которые совершаются в будущем. В инфинитивных предложениях главный член выражен неопределенной формой глагола, который не зависит ни от какого другого слова в предложении. Подобные инфинитивные предложения переводятся на узбекский язык или именем действия (с суффиксами -ш, -иш) в сочетании со словом керак, например: *завтра не придти!* — *эртага келиш керак эмас*. А иногда без слова керак: *пора спать* — *ухлашга вақт етди (ухлаш вақти булди)*. В некоторых случаях при переводе на узбекский язык ИП типа *Посмотреть выставку!* — *Кургазмани куриш керак!* теряется значение категоричности и появляется оттенок необходимости, долженствования, при этом тип предложения — имя действия. Сравним: *Эту книгу прочитать до завтра!* — *Шу китобни эртагача укиб чиқиш керак. Здесь не останавливаться!* — *Бу ерда тухташ мумкин эмас*.

Иногда в состав инфинитивных предложений включается частица *бы*, если они выражают желательность, предпочтительность действия, а иногда и опасение: *не опоздать бы к поезду...* — *поездга кечикмасак эди...* ИП русского языка при переводе становится определенно-личным.

Как уже было указано выше, важным своеобразием инфинитивных предложений является большая экспрессивность, лаконичность, напряженность; в них важную роль играет интонация. Отдельные виды этих предложений характеризуются особой интонацией, без которой они теряют своё значение. Обозначение лиц в этих предложениях отсутствует или выражается дательным падежом. Инфинитивные предложения особенно свойственны разговорной речи и часто употребляются в художественной литературе; в основном, характеризуются повышенной эмоциональ-

Приведенное в статье описание наименований предметов одежды подчеркивает значимость этого лексического множества в формировании русской языковой картины мира, а также позволяет увидеть некоторые черты национальной культуры 19 века.

Они выражают различные модальные значения. Например: ... *Быть грозе великой!* (П.); *Быть, барин, беде!* (Чехов); *Эй, Азамат, не сноси тебе головы!* (Л.); *Быть бычку на веревочке*. Они все выражают **неизбежность действия**. В переводе на узбекский язык значение передается именем действия: *Буюк бурон булиши тайин, Фалокат булиши тайин, Эй, Азамат, бошинг кетиши мумкин (кетиши тайин)*. Некоторые предложения такого значения могут переводиться как двусоставные или односоставные определенно-личные: *Нам теперь стоять в ремонте* (Твард.); *Биз энди ремонтга тура миз. Ремонтга туришимиз тайин*.

Другие значения выражают предложения: *Скоро ехать!* — *заметил Рыбин* (М. Г.); *Мне ещё коня поить* (Ф.); *Мне завтра уезжать* (Ф.); *Завтра рано вставать*. Эти предложения выражают необходимость действия. Главный член таких инфинитивных предложений имеет две структурные разновидности — полнозначный инфинитив или аналитическое сочетание инфинитива связочного глагола с именем: *Дочке в город уезжать* (А. Твардовский). На узбекский язык такие предложения переводятся не только именем действия, но и двусоставными, и односоставными определенно-личными: *Тез кетишимиз керак. Хали отимни сугоришим керак. Эртага кетишим тайин. Эртага сахар туриш керак. Кизим шахарга кетиши керак*. Предложение *Не всем казакам в атаманах быть* (пословица) может переводиться по-разному: *Хамма казаклар хам атаман булим билмайди* или *Хамма казаклар атаман булиши шарт эмас*. При переводе первое предложение выражает значение невозможности действия, а второе — необязательности действия.

Значение невозможности действия выражают следующие предложения: *Не расти траве после осени, не цве-*

сти цветам зимой по снегу (Кольц.); Тучам солнца не скрыть, войне мир не победить (посл.); Судьбы не миновать. Упущенного не наверстать. Той мне ночи не забыть.

Примечательно то, что ИП таких типов при переводе на узбекский язык превращаются в двусоставные: *Куздан кейин ут усмас, кишда корда гул булмас. Куёшни булит хам ёполмас, тинчликни уруш хам ютолмас.*

Наши наблюдения показали, что отрицательные инфинитивные предложения с глаголом совершенного вида выражают невозможность осуществления действия, сравним: *Молодости не вернуть*; на узбекском языке: *Ёшлик кайтмас. Ёшликни кайтариб булмас. Мне не сдать этот экзамен*; на узбекском языке: *Бу экзаменни мен топшира олмайман. Бу экзаменни мен топшира олмасам керак.* А в сочетании с глаголом несовершенного вида — категорическое запрещение или отсутствие необходимости его выполнять, сравним: *По газонам не ходить. Не прислоняться!* — на узбекском языке: *Гулдонлардан юрмангиз! Суянмангиз! Не курить! Не сорить!* — на узбекском языке: *Чекилмасин! Ифлос килинмасин!* На узбекском языке это глаголы повелительного наклонения и ИП в переводе приобрело структуру односоставного определенно-личного предложения.

Инфинитивные предложения, особенно отрицательные, могут сближаться по смыслу с другими типами односоставных предложений: определенно-личными; сравним: *Его не переспорить* — *Уни бахсда ютиб булмайди* (имя действия) — *Его не переспоришь* — *Уни бахсда ютиб бил-*

майсан (односоставное определенно-личное); безличными; сравним: *Не спешить с ответом* — *жавоб бермангиз* (односоставное определенно-личное) — *Не надо спешить с ответом* — *жавоб беришга шошилмайиш керак* (имя действия); *Этого не скрыть* — *буни ёширмангиз* (односоставное определенно-личное) — *Нельзя этого скрыть* — *буни ёшириш мумкин эмас* (имя действия); неопределенно-личными; сравним: *Не курить в помещении* — *Хонада чекилмасин* (односоставное определенно-личное) — *Хонада чекиш ман килинган* (двусоставное) — *В помещении не курят* — *Хонада чекмайдилар* (односоставное неопределенно-личное).

Инфинитивные предложения с вопросительными местоимениями и наречиями и вопросительной интонацией ставят вопрос о возможности или обязательности, позволении; они близки по значению к личным предложениям с глаголом *может* или безличным с *можно, нужно, следует*:

К кому мне обратиться? О чем вам рассказать? Что с ним делать? Такие предложения передаются в узбекском языке односоставными определенно-личными предложениями: *Кимга мурожат килсам экан? Сизга нима хакида айтиб берсам экан? Уни нима килсам экан?*

Итак, ИП русского языка богаты своими модальными значениями. Все эти значения есть и в узбекском языке, однако, в связи с тем, что ИП отсутствуют в синтаксической системе указанного языка, то они представляются именем действия и как двусоставные, односоставные безличные, определенно-личные, неопределенно-личные.

Литература:

1. Ахмедов И. Р. Контрастивная лингвистика. (Сопоставительная фонетика, лексика и грамматика русского и узбекского языков). — Ташкент: Фан, 2010.
2. Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке. — М.: Наука, 2004.
3. Галкина-Федорук Е. М. Безличные инфинитивные предложения в современном русском языке. — М.: Просвещение, 2013.
4. Юсупов У. К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. — Ташкент: Фан, 2007.

Современность и речевая культура будущего юриста

Васильева Елена Николаевна, зам. директора, преподаватель русского языка и литературы;
Карпова Светлана Евгеньевна, методист, преподаватель русского языка и литературы;
Кондратьев Александр Яковлевич, преподаватель юридических дисциплин;
Королев Владимир Олегович, студент

Старорусский политехнический колледж (филиал) Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого

В данной статье рассмотрена проблема речевой культуры будущего юриста. Рассматривается роль виртуального дискурса в развитии современной коммуникации, а также в развитии информационных и компьютерных технологий.

Ключевые слова: виртуальная реальность, виртуальный дискурс, коммуникативная компетенция, жанры виртуального дискурса

Понимание особенностей современной языковой ситуации, речевого поведения современного юриста необходимо для полноценного межличностного, в том числе профессионального общения.

Языковая среда является важнейшей составляющей гуманитарной образовательной среды, и ориентация в ней требует специальной профессиональной подготовки. Эффективная коммуникация, умение воздействовать на собеседника или на аудиторию, не манипулируя ими, умение предотвращать конфликты, формулировать и отстаивать свою точку зрения предполагают особое внимание к языковой составляющей общения будущего юриста.

Совершенствование языковой и коммуникативной компетенций на основе системно-деятельностного подхода в гуманитарной сфере составляют главную цель курса «Русский язык и культура речи» для специальности Право и организация социального обеспечения.

В докладе мы рассмотрим вопросы, связанные с особенностями проявления речевой культуры в интерактивной среде. Данная проблема является актуальной в профессиональной подготовке будущих юристов.

В конце XX — начале XXI в. развитие информационных технологий способствовало не только созданию принципиально новых способов хранения, поиска и представления информации, но и возникновению новой культурной и языковой среды, новой лингвистической реальности, которая формируется и стремительно развивается с расширением сферы действия современных средств коммуникации, Интернета в частности. Сегодня следует особо подчеркнуть, что Интернет обладает не только информационной функцией, но и коммуникативной. Этот особый, виртуальный тип коммуникации лежит вне временных и пространственных рамок и является одной из характерных особенностей виртуального пространства. Ввиду всеобщей распространенности этого явления исследование различных видов коммуникации и коммуникативного пространства в сети Интернет становится актуальной проблемой. Кроме того, следует особо отметить, что на сегодняшний день общение в сети занимает значимое место в сфере речевой коммуникации современного человека и молодого поколения в частности.

Одной из форм общения современного человека является *виртуальный дискурс*.

В современной науке *дискурс* понимается как сложное явление, состоящее из участников коммуникации, ситуации общения и самого текста. В свете теории речевой деятельности различаются два аспекта:

- 1) создание или порождение дискурса (обдумывание, планирование, говорение, оформление в письменном виде);
- 2) понимание дискурса (слушание, восприятие письменного текста, анализ, интерпретация).

Под дискурсом понимается особое использование языка для выражения особой ментальности, а также особой идеологии. Это вызывает активизацию некоторых параметров

языка и, в конечном счете, требует особой грамматики и особых правил лексики. Весь этот языковой материал также можно назвать дискурсом. Примером дискурса может служить и сумма высказываний какого-либо персонажа художественного произведения, который выступает в этом случае как модель реальной языковой личности.

На сегодняшний день виртуальный дискурс исследован недостаточно глубоко, что связано в первую очередь с не так давно начавшимся развитием области коммуникации через Интернет и социальные сети в частности.

На основе ключевых утверждений А. Е. Войскунского, занимающегося проблемами психологии Интернет использования и человеко-взаимодействия, Интернет «превратился в своеобразную лабораторию испытаний над естественным языком» [4].

Проблемы общения в социальных сетях весьма интересуют современную молодежь, в том числе и студентов специальности Право и организация социального обеспечения. Поэтому для наиболее успешного решения злободневных вопросов мы предлагаем студентам всех специальностей такую интерактивную форму изучения данного вопроса как *управляемая учебная дискуссия* (далее — *дискуссия*).

Задачи дискуссии условно можно разделить на 3 блока:

- 1) задачи конкретно-содержательного плана;
- 2) задачи организации взаимодействия в группе, подгруппах;
- 3) задачи, направленные на освоение конкретных коммуникативных и дискуссионных мыслительных умений:

Планируемый результат дискуссии: использование технологии образовательной дискуссии будет способствовать формированию таких ключевых компетенций, как: *информационная* (умение проводить отбор и структурировать необходимую информацию); *коммуникативная* (опыт публичного выступления, ведение спора, совместной работы); *социокультурная* (умение строить речевое поведение в соответствии со спецификой исследуемой проблемы и квазипрофессиональной ситуацией).

Непосредственно организация данного учебного занятия предполагает поиск решения главной проблемы, сформулированной в виде вопроса: «Общение в сети Интернет — ЗА или ПРОТИВ».

Все студенты являются по ходу занятия активными участниками дискуссии. Каждый из них вправе представить аргументы как «за», так и «против», при этом обосновывать свои мысли, предположения, аргументы, умозаключения, подкрепляя их примерами.

Преподаватель как ведущий обеспечивает письменное оформление результатов аналитических выводов участников дискуссии на доске в виде таблицы (обозначение аргументов «ЗА» и «ПРОТИВ»). Допустимо, на наш взгляд, чтобы в роли ведущего выступал активный студент, в таком случае преподаватель может стать непосредственным участником дискуссии.

Понятие виртуального дискурса и его особенностей осваивается путём рассмотрения в ходе дискуссии различных его жанров, таких как *электронное письмо, форум, чат, блог, многопользовательская ролевая игра онлайн, переписка в социальных сетях (vkontakte и т. п.), флейм, виртуальный роман, флуд, спам*. Жанры виртуального дискурса являются, таким образом, отправными точками при организации дискуссии.

Ход дискуссии организуется таким образом, чтобы соблюдалась очерёдность выступления оппонентов со стороны «ЗА» и со стороны «ПРОТИВ». При этом выступающий с одной стороны вправе рассчитывать на подкрепление аргументов своей позиции другими участниками, сидящими за одним с ним столом. После выдвижения аргументов с одной стороны, участникам оппонентам также предоставляется возможность опровергнуть изложенный тезис. Итогом управляемой учебной дискуссии является вывод, сформулированный самими её участниками.

Литература:

1. Синцов Е. В. Русский язык и культура речи [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Е. В. Синцов. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 160 с. — Режим доступа: <http://www.medcollegelib.ru>.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 136–137.
3. Источник: <http://refleader.ru/bewmerrnaotr.html>
4. Войсунский 2001 <http://psynet.carfax.ru/texts/voysk6.htm>

Политический текст в период выборной кампании: функциональные возможности и реальность

Гремин Александр Евгеньевич, магистрант
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В статье определяется сущность понятия «политический текст» и его функциональные возможности. Представлены результаты анализа публикаций политической проблематики в местных СМИ в период выборной кампании осенью 2016 года. На основании данного анализа сделаны выводы о фактической реализации функциональных возможностей политического текста в СМИ.

Ключевые слова: политический текст, функции политического текста, политическая проблематика в СМИ, выборная кампания

Политическая сфера деятельности характеризуется способностью проникать во все другие сферы общественной жизни в силу особых возможностей своего влияния на ход любых процессов в жизни общества. По определению А. С. Панарина политика — это «вид человеческой практики, посредством которой люди воздействуют на окружающую среду, свою судьбу и меняют свой статус в обществе...; это действия, направленные на изменение судьбы» [1. С.25].

Одним из инструментов политического влияния является политический текст, поскольку практически любая

Для формирования лингвистически компетентной языковой личности важное значение имеет как «живое» общение, так и общение в виртуальной реальности, а профессия юриста требует не только профессионального мастерства, но и широкого общего образования, в том числе и в сфере информационных технологий. Особенно это важно в век развития информационных технологий. Не секрет, что в настоящее время при выполнении профессиональных обязанностей государственные органы и должностные лица, в частности, суды, судьи, прокуроры и т. д. общаются с гражданами с использованием информационных технологий. В отдельных случаях судебные заседания в различных судебных инстанциях осуществляются с использованием информационных средств коммуникации, что не подрывает такие основополагающие принципы права, как законность, публичность, состязательность и гласность и др.

Решению задач по усвоению норм общения в двух этих сферах и служит рассмотренная нами интерактивная форма учебного занятия.

политическая деятельность не обходится без его создания. Тексты появляются в различном виде и на самых разнообразных носителях. Политический текст — явление многомерное. Уже в силу самой дефиниции, очевидно, что оно требует междисциплинарного изучения. С одной стороны — это лингвистический феномен, с другой в связи со сферой его функционирования он рассматривается как феномен политической реальности, изучаемой политологией, а в силу своей аналитической природы — политическим анализом как научной дисциплиной. Кроме того, будучи опубликованным в СМИ, он становится продуктом журна-

листской деятельности и может быть рассмотрен в свете ее профессиональных задач. Проблемы его восприятия и понимания становятся предметом изучения герменевтики, а порождаемые им эффекты интересуют социопсихологию и дискуртологию. Автор политического текста так или иначе сталкивается со всеми ипостасями данного феномена и потому нуждается в знакомстве с научными исследованиями, проводимыми в связи объектом его творчества. Уровень его теоретических познаний существенно сказывается на практическом результате, дополняя интуитивное ощущение и практический опыт.

Возникает необходимость дать определение понятию, которое могло бы отражать по сути всю совокупность этой продукции, имеющей определенные цели и задачи, отражающей деятельность тех или иных субъектов, определенную проблематику и направленную на определенную аудиторию.

А. Г. Алтунян предлагает обобщающее определение понятия: **политический текст** — «такой текст, в котором речь идет об актуальных политических проблемах и который обращен к массовой аудитории» [2. С. 11].

Таким образом, он указывает на два взаимосвязанных признака политического текста: политическую проблематику и обращенность текста к потенциальной массовой аудитории. В качестве таковой нас в данном исследовании интересует аудитория средств массовой информации. А, следовательно, политический текст, опубликованный в СМИ. Политический характер журналистики как таковой подчеркивает Е. П. Прохоров: «Поскольку журналистика — один из социальных институтов, деятельность которого затрагивает все составляющие общества, то участие в ней носит политический характер» [3. С. 139].

Интересно также замечание Алтуняна о том, что текст становится политическим, если таковым его считает аудитория, в число которой входит и сама власть с ее институтами. Так подчеркивается роль аудитории в определении сущности понятия. Если текст призван и способен повлиять на политические процессы, по мнению реципиентов, то он будет отнесен ими к разряду политических.

Текст политической проблематики, ориентированный на массовую аудиторию, обладает особенно яркой коммуникативной и организаторской сущностью, чем и привлекает к себе повышенное внимание, а внимание аудитории в свою очередь обеспечивает его эффективную функциональность.

Такие тексты при их общей целевой направленности на изменение или стабилизацию политической ситуации могут решать стратегические и тактические задачи. Стратегические выходят на первый план во время избирательных кампаний или протестных акций. Тактические акцентируют внимание на текущих вопросах политической жизни.

Целевые установки политических текстов определяют их функциональные возможности. Исследователи в различных терминах, как правило, отмечают функции информирования (привлечения внимания), идеологическую функцию, функции убеждения и мобилизации с активным привлече-

нием для реализации последней не только логических построений, но и чувственных реакций аудитории.

Выборные кампании являются таким периодом в политической жизни общества, когда политические акторы проявляют особую активность, политические процессы приобретают динамичность и очевидную остроту, а дискурс-эффекты проявляются ярко и результативно. При этом основным инструментом в выборных баталиях является, безусловно, политический текст. А средства массовой информации, как правило, являются его носителем.

Анализ политического текста в свете дискурсивных практик СМИ во время выборной кампании может представлять интерес как с точки зрения реализации требований междисциплинарного характера к журналистскому тексту, так и с точки зрения проблемно-тематического анализа текстов, позволяющего определить информационную политику СМИ в данный период и ее адресную направленность, а следовательно и потенциальную эффективность влияния на политические процессы, что так или иначе неизбежно для политического текста. Важно понимать, действительно ли реальная проблематика политического процесса выборной кампании отражает, как это и должно быть в соответствии с миссией журналистики, потребности избирателя в получении объективной, необходимой и достаточной информации для осуществления сознательного и ответственного выбора представительной власти региона и страны и не свидетельствует о демократическом развитии страны.

Для ответа на этот вопрос мы произвели анализ публикаций всех тольяттинских печатных СМИ в предвыборный период, с 1 июня по 17 сентября 2016 года. Нами было проанализировано по 16 номеров газет «Площадь свободы» [4] и «Вольный город» [5] и 13 номеров газеты «Понедельник» [6].

В «Площади свободы» за этот период было опубликовано 29 текстов, посвященных выборной тематике, в «Вольном городе» и «Понедельнике» — по 7 текстов. И если количественное различие очевидно, то этого нельзя сказать о тематике и проблематике этих СМИ. Практически все опубликованные тексты посвящены технологии выборного процесса: избирательные округа, регистрация кандидатов, списки партий и кандидатов, проверки, организация прямой телефонной линии для избирателей и т. п. В «Площади свободы» этим темам посвящены 19 из 29 публикаций. Еще по 2 текста обсуждают в общем-то далекие от нужд избирателей темы: доходы кандидатов в депутаты; охват районов агитационными листовками, причастность мэра к листовкам против одного из кандидатов, недобросовестная работа приемной одного из кандидатов. И лишь 2 публикации затрагивают содержание программ двух кандидатов и оценку довыборной деятельности одного из них.

Аналогичная картина наблюдалась и в «Вольном городе»: два открытых письма кандидатов, новости о подготовке выборов, мнение экс-мэра о потенциале грядущих выборов. В двух текстах читатель анализирует предвыбор-

ные программы нескольких кандидатов. Однако назвать анализ беспристрастным трудно, потому что в материалах без достаточных обоснований порочатся те или иные кандидаты.

Газета «Понедельник» пишет об иерархии единороссов, работе избирательной комиссии, процессе выдвижения некоторых кандидатов, общественном контроле над выборами, об акции «Лидеры избирательной гонки-2016», о влиянии результатов выборов-2016 в Самарской области на назначение губернатора, а также ставит вопрос «Верите ли вы в выборы?», предлагая пять ответов от пяти респондентов.

Представленная тематическая палитра не дает возможности избирателям обсудить волнующие их проблемы с будущими избранниками. Да и авторами почти всегда выступают журналисты. Аналитические тексты встретились

лишь по три раза в каждом СМИ. Модальность публикаций за редким исключением везде была нейтральной, поскольку наблюдалось в основном освещение «технических» процессов выборных кампаний. А там, где встречалась позитивная или критическая оценка, как правило, не было достаточного ее обоснования.

Таким образом, ни одно из изданий за весь период не представило аналитических публикаций, посвященных обсуждению проблем горожан, предвыборных программ кандидатов и не создало ни одного прогноза предстоящих выборов. Аудитория не имела возможности получить достаточное количество информации, чтобы составить себе представление о том, кто из кандидатов лучше сможет помочь избирателям решать их актуальные проблемы. Очевидно, что функциональные возможности политической журналистики оказались не реализованными.

Литература:

1. Панарин А. С. Политология: учебник / А. С. Панарин. — М.: Проспект, 1998. — С. 25.
2. Алтунян, А. Г. Анализ политических текстов: учебное пособие / А. Г. Алтунян. — М.: Логос, 2014. — С. 11.
3. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров. — М.: Аспект Пресс, 2011. — С. 139.
4. Площадь свободы: городская газета / учредитель ООО «Медиа-Тольятти». — 1994, март. — Тольятти. — 32–40 полос. — еженед., 12000 экз.; июнь-сент. 2016.
5. Вольный город: городская газета / учредитель ИД «Вольный город». — 2003, нояб. — Тольятти. — 8–16 полос. — еженед., 7000 экз.; июнь-сент. 2016.
6. Понедельник: деловой еженедельник / ООО «Деловая газета Понедельник». — 2000, дек. — Тольятти. — 8 полос. — еженед., 7000 экз.; июнь-сент. 2016.

Реализация эмотивных значений сослагательного наклонения и модальных глаголов обязанности и необходимости (на материале романа С. Мозма «Луна и грош»)

Деревянко Алина Александровна, старший преподаватель;
Иванова Валентина Николаевна, старший преподаватель;
Цыганова Анастасия Александровна, студент
Севастопольский государственный университет

Модальность считается одним из основополагающих признаков любого текста, в особенности — художественного текста. Исследователи предлагают различные определения данной категории, но любое определение указывает на отношение говорящего к действительности. «...Под категорией модальности в целом понимается выражение отношения высказывания к действительности. Такое общее определение модальности не вызывает разногласий у лингвистов, но некоторые авторы включают в число модальных значений только интеллектуальные (рациональные), а другие — рациональные и эмоциональные значения» [8, с. 201].

Выступая, по мнению многих исследователей, универсальной семантической категорией, модальность подразделяется на два типа: объективную и субъективную. Объективная модальность является обязательным атрибутом любого текста, поскольку сообщает факт реальности, соотнося высказывание с тем, к чему это высказывание обращено. Субъективная модальность предполагает субъективную оценочность, т. е. видение реальности с точки зрения говорящего, его оценку, которая зависит от индивидуальных мотивов и особенностей восприятия действительности. Именно поэтому субъективная модальность неразрывно связана с любым художественным текстом как обязатель-

ным носителем категории субъективной экспрессивно-эмоциональной оценки. «Очень богат экспрессивно-модальными оттенками высказываний или предложений язык художественной литературы» [1, с. 58–59].

Художественный текст всегда характеризуется оценочностью и субъективностью восприятия, всегда содержит эмоциональное отношение к тому или иному предмету или явлению окружающей действительности. Как следствие в условиях художественного текста слова семантически преобразуются, включая дополнительный смысл и расширяя содержание текста. «Выражение эмоционального состояния — одна из главных черт, отличающих художественную литературу от прочих литературных направлений. Затрагивая область нерационального восприятия, эмотивность текста нацеливается в первую очередь на то, чтобы вызвать у реципиента определенную эмоциональную реакцию, психологический резонанс, и посредством чувственного сообщения предоставить ему более яркую, отчетливую картину рациональной стороны художественного произведения, преподнести концептуальный, идеологический, эстетический замысел автора в живой и органичной форме. Таким образом осуществляется прагматическое воздействие на читателя, одна из основных функций категории эмотивности» [6, с. 1]. В связи с этим многие исследователи соединяют понятие модальности (и особенно — субъективной модальности) с эмотивными языковыми средствами. «Качественными характеристиками эмоций следует считать знак (положительный или отрицательный) и субъективную модальность (удивление, радость, отвращение и др.)» [3, с. 2]. Эмотивная лексика активно участвует в создании субъективной реальности произведения, и модальные глаголы непосредственно связаны с источником эмотивности текста. Как следствие, модальный глагол неразрывно связан с понятиями реальности и ирреальности, поскольку соотносит реальность с целым комплексом ее субъективных восприятий. Открытым остается вопрос, можно ли утверждать, что субъективная модальность связана исключительно с понятием ирреальности, так же как объективная — с понятием реальности.

Модальные глаголы являются одним из способов выражения «эмоциональной реакции», экспрессивно-эмоциональной оценки в английском языке, носителями модально-эмотивного значения. Согласно общей точке зрения, модальные глаголы выражают не само действие, а отношение к нему: «Modal verbs are used to show the speaker's attitude toward the action or state indicated by the infinitive, i. e. they show that the action indicated by the infinitive is considered as possible, impossible, probable, improbable, obligatory, necessary, advisable, doubtful or uncertain, etc.» [2, с. 145]. Именно инфинитив выражает само действие, которое необходимо, желательно или возможно.

В зависимости от своего значения модальные глаголы делятся на три основные группы:

- 1) способность, возможность, разрешение;
- 2) обязанность, необходимость;

3) предположение, воля, доверие [10, с. 52–58].

Есть предположение, что в современном английском языке модальные глаголы постепенно занимают место сослагательного наклонения. Есть и такая точка зрения, согласно которой вместо сослагательного наклонения все чаще используются его эквивалентные формы. Такую замену легко понять, ведь, например, модальные глаголы способны передавать те же семантические значения, которые присущи сослагательному наклонению. Достаточно сравнить следующие два рассуждения в отношении модальных глаголов и сослагательного наклонения: «The use of modal verbs is in most cases independent of the structure of the sentence: the use of this or that modal verb is determined by the attitude of the speaker towards the facts contained in the sentence» [4, с. 103]; «The Subjunctive Mood shows that the action or state expressed by the verb is presented as a non-fact, as something imaginary or desired. The Subjunctive Mood is also used to express an emotional attitude of the speaker to real facts' [2, с. 167]. Очевидным становится общее свойство данных грамматических категорий, а именно: зависимость от отношения говорящего к действительности.

Модально-эмотивное значение представляет дополнительный интерес не только с точки зрения его принадлежности к той или иной языковой категории, но и с точки зрения реализации в текстах перевода. Проблема заключается в отсутствии точного переводческого механизма передачи эмотивного значения. «... Филологи единогласно отмечают отсутствие способа адекватной передачи эмотивного содержания высказывания и текста на иностранный язык. Последнее обстоятельство во многом объясняет тот факт, что перевод художественной литературы всегда считался одним из самых сложных, наиболее подверженных «потерям» видов переводческой деятельности» [6, с. 1–2].

Для получения более наглядного представления о реализации эмотивного значения в художественном тексте рассмотрим особенности функционирования некоторых модальных глаголов, выражающих обязанность и необходимость, а также примеры реализации эмотивного значения в сослагательном наклонении в романе С. Моэма «Луна и грош». Кроме того, мы сравним, насколько успешно сохраняется эмотивное значение в тексте перевода на русский язык.

Значение обязанности или необходимости связывается в английском языке с модальными глаголами «must», «should», «need», «ought to», «have to», «have got to» и «be to». При этом следует отметить, что само понятие должностования понимается и как субъективное, и как объективное, и границы между реальностью и ирреальностью здесь размыты, поскольку весьма неоднозначно можно трактовать, реально или нереально представленное должностование. Многоаспектность и комплексность понятия модальности проявляется в романе наиболее ярко: должностование выражается модальными глаголами и, семантически взаимодействуя с другими лексико-грамматическими единицами, дающими эмоционально-качественную

оценку явлению, получает воплощение как в грамматических, так и в лексико-номинативных категориях. Рассмотрим несколько наиболее ярких примеров.

В главе XLVI автор описывает семейную жизнь капитана Николса. Смелый и сильный, этот человек смертельно боится жены, поэтому начинает беспокоиться при ее появлении и, глядя на часы, говорит:

*“Well, I **must** be off”, he said [9, с. 134].*

Выбор модального глагола «must» здесь может показаться очевидным: известное устойчивое словосочетание, используемое в повседневной речи как одна из форм прощения, аналогичная русскому варианту «мне пора идти». План объективной реальности в данном примере кажется преобладающим и исключает реализацию эмотивной функции модального глагола. В варианте перевода Н. Ман находим соответствующее ситуации переводческое решение:

*— Ну, **мне пора**, — говорил он, наконец [5, с. 152].*

Но формально-грамматическая аспектность реализации модального глагола «must» здесь не ограничивается необходимостью связать значение высказывания с действительностью с точки зрения говорящего (который использует привычную ситуации фразу). Стоит отметить, что это единственный случай в романе, когда автор приводит формулу прощения с данным модальным глаголом в частности и с модальным глаголом вообще, ограничиваясь в остальных случаях либо общим описанием прощения без прямой речи, либо используя немодальные сочетания:

*When, **saying I was tired**, I rose to go, Mrs. Strickland made no attempt to detain me [9, с. 48].*

*“**Good-bye**, my dear. I’m grateful for all the happiness you gave me in the past” [9, с. 85].*

Лишь в этом случае мы наблюдаем проявление модальности со значением необходимости: говорящий указывает на долг, выражая отношение к сообщаемому. Модальное значение необходимости получает переосмысление в контексте романа: это единственный случай употребления модального глагола в сцене прощения, где сам глагол выполняет эмотивную функцию — выражение покорности и страха.

Рассмотрим другой пример употребления модального глагола «must» со значением обязанности. Измученный, подавленный Стрев рассуждает о мудрости жизни:

*We **must** be very humble. We **must** see the beauty of quietness. We **must** go through life so inconspicuously that Fate does not notice us. And let us seek the love of simple, ignorant people... Let us be silent, content in our little corner, meek and gentle like them. That is the wisdom of life [9, с. 108].*

В данных предложениях преобладает индивидуальная оценочность ситуации, сближающая план реальности с планом ирреальности, и выбранный модальный глагол выполняет эмотивную функцию, имея целью выразить отчаяние героя, который настаивает на обязанности жить скромно и непритязательно потому, что сам он когда-то пренебрег этой обязанностью и был жестоко наказан судьбой. По-

втор глагола «must» делает реализацию эмотивного значения более успешной, поскольку усиливает впечатление отчаянья, с которым Стрев настаивает на выполнении обязанности. Именно с целью усилить указанное эмотивное значение в переводе слова со значением обязанности повторяются пять раз:

*Смирение **подоба**ет нам. Мы **должны** ценить красоту покоя. **Должны** идти по жизни смиренно и тихо, чтобы судьба не заметила нас. И любви мы **должны** искать у простых, немудрящих людей... Нам **надо** жить тихо, довольствоваться скромным своим уголком, быть кроткими и добрыми, как они. Вот и вся мудрость жизни [5, с. 120].*

Примечательно, что усиление значения осуществляется также через переход от наречия с модальным значением предположения «perhaps», которое можно найти в рассуждении Стрева выше и которое является аналогом модального глагола «may» [7, с. 214–215]: *Perhaps that is the wisdom of life, to tread in your father’s steps, and look neither to the right nor to the left [9, с. 107].*

Следовательно, модальные глаголы в предложениях расставлены таким образом, чтобы план эмотивности (сомнение — отчаяние) повлиял на план ирреальности: усиление эмотивного значения способствует развитию ирреальной модальности высказывания. Далее в романе находим замечание рассказчика, подтверждающее впечатление субъективной оценочности в предложениях с «must»:

To me it was his broken spirit that expressed itself, and I rebelled against his renunciation [9, с. 108].

В отношении других модальных глаголов со значениями обязанности и необходимости категории ирреальности и эмотивности реализуются еще ярче, причем эмотивный план шире там, где глагол употребляется в прямой речи и взаимодействует с другими модальными глаголами из разных групп, т. е. выявляется тесное семантическое взаимодействие модальных глаголов в границах нескольких предложений. Рассмотрим следующий пример:

*...I **can’t** live without him. I’d sooner kill myself. Talk to him about the past, and all we’ve gone through together. What **am I to** say to the children when they ask for him? His room is exactly as it was when he left it. It’s waiting for him. We’re all waiting for him”.*

*Now she told me exactly what I **should** say. She gave me elaborate answers to every possible observation of his.*

*“You will do everything you **can** for me?” she said pitifully. “Tell him what a state I’m in”.*

*I saw that she wished me to appeal to his sympathies by every means in my power. She was weeping freely. I was extraordinarily touched. I felt indignant at Strickland’s cold cruelty, and I promised to do all I **could** to bring him back [9, с. 29].*

Приведенные в примере модальные глаголы выражают два основных значения — долженствования («be to» и «should») и способности («can» и «could»). Противостояние способности и неспособности реализуется через

отрицательные и утвердительные формы модальных глаголов, а также через употребление сначала вопросительных, а потом утвердительных форм предложений: миссис Стрикленд в беседе с рассказчиком раскрывает свою растерянность и отчаяние. Поэтому все модальные глаголы в ее речи представлены или в отрицательных, или в вопросительных формах: она отрицает возможность жить без мужа и не уверена, сможет ли собеседник ей помочь. Оба модальных глагола в предложениях с подлежащим «стоят в утвердительной форме: рассказчик выражает большую, чем у миссис Стрикленд, уверенность, что он сможет сделать необходимое. Чередование вопросительных и утвердительных форм модальных глаголов, которые синтаксически или контекстуально относятся к миссис Стрикленд, имплицитно указывают на ее притворство в отношении эмоций: до определенной степени эта женщина пытается воздействовать на собеседника, выражая свою беспомощность и в то же время указывая ему, как он должен поступить. Все это подтверждается дальнейшей оценкой ее возможностей в полумодале «be able»:

...*She was able to make a show of her unhappiness* [9, с. 30].

Контекстуальное воздействие на значение модального глагола таково, что категория реальности, выражаемая им, становится второстепенной, уступая место категории ирреальности, поскольку в данном случае значение способности переосмысливается: отрицательное значение понимается как утвердительное («... I **can't** live without him», но читатель переосмысливает предложение и понимает наоборот: героиня сможет прожить без мужа), вопросительная форма как утвердительная («What **am** I to say to the children?».. — вопрос риторический, поскольку миссис Стрикленд притворяется беспомощной).

В эмоциональной сцене расставания с любимой женой, которая решила уйти от него к Стрикленду, Стрев также приводит целый набор модальных глаголов со значением способности и обязанности:

*“Oh, don't go, my darling. I **can't** live without you; I shall kill myself... Where are you going?” he said hastily. “You don't know what Strickland's place is like. You **can't** live there. It would be awful”.*

*“If I don't care, I don't see why you **should**”.*

*“Stay a minute longer. I **must** speak. After all, you **can't** grudge me that”.*

*“What is the good? I've made up my mind. Nothing that you **can** say will make me alter it...”*

*“You **must** be a little reasonable. You **can't** live on air, you know. Strickland hasn't got a penny” [9, с. 84–85].*

Противопоставление отрицательных и утвердительных форм модального глагола «can» со значением способности отражает противостояние двух героев: Стрев отрицает способность жить в разлуке, его жена — утверждает эту способность. Все глаголы со значениями обязанности («must») и запрета, т. е. отсутствия разрешения («can't grudge») принадлежат Стреву. Эмотивный план

высказываний здесь очевиден: Стрев пытается остановить жену и выдвигает обязательства и запреты, продиктованные отчаянием, ведь он по-прежнему любит Бланш. Глагол «should» в ответной реплике Бланш относится к категории эмоционального («emotional should») [4, с. 128] и имеет значения обязанности и предположения: она не видит причины для беспокойств с его стороны и потому подвергает сомнению его обязанность заботиться о ее счастье. В подобных случаях обращает на себя внимание тот факт, что реальность описываемой ситуации уступает ее ирреальности, которая, таким образом, является доминирующей, ведь почти каждая реплика героев содержит модальный глагол с четко выраженной эмотивной функцией: каждый из героев представляет ситуацию со своей позиции, которая не совпадает с позицией другого персонажа. Ирреальность также выражена в предложении с сослагательным наклонением «It would be awful», то есть модальность высказываний формирует определенное семантическое поле, которое влияет на выбор как лексических единиц, так и грамматических форм, способных семантически точно передать смысл и реализовать эмотивную функцию высказывания. Причем, в данном случае сослагательное наклонение служит усилителем эмотивного значения: семантически связывая все высказывание с воображаемой реальностью, предложение с сослагательным наклонением выводит на первый план значение сомнения — герой не верит в правильность решения Бланш.

Употребление эмоционального глагола «should» является еще одной особенностью данного произведения, что вполне закономерно, поскольку экспрессивно-эмоциональная оценка реальности осуществляется наилучшим образом именно в диалогах персонажей, в процессе их коммуникативного взаимодействия:

1) *“Why **should** I give him his freedom?”*

*“I don't think he wants it. He merely thought it **might** be more convenient to you” [9, с. 47];*

2) *“Will you let me see your pictures?”*

*“Why **should** I?”*

*“I **might** feel inclined to buy one”.*

*“I **might** not feel inclined to sell one” [9, с. 59];*

3) *Who am I that I **should** seek to unravel the mysterious intricacies of sex? [9, с. 90];*

4) *“As a mere matter of curiosity I wish you'd tell me, have you felt the smallest twinge of remorse for Blanche Stroeve's death?” ..*

*“Why **should** I?” he asked [9, с. 116];*

5) *“I think it's terrible that she **should** have been deprived of it in that cruel way, and I am ashamed because I do not really care” [9, с. 119].*

Все вышеуказанные примеры глагола «should» объединены смысловой и грамматической общностью: случаи с диалогической речью — риторические вопросы, контекстуально связанные с другими предложениями в сослагательном наклонении и выражающие широкий спектр эмоций, которые легко расшифровываются в контексте:

сомнение, пренебрежение, обида и пр. Вне диалогической речи это слова рассказчика, и модальный глагол здесь имеет целью передать его эмоциональное состояние и выразить отношение к ситуации. В данном случае следует отметить, что эмоциональный глагол «should» всегда сообщается с ирреальностью, выражая отношение говорящего к действительности и его попытку контролировать ситуацию: эмоциональная оценка говорящего с его эксплицитной позицией преобладает здесь настолько, что категория реальности второстепенна и сводится к отображению эмоционального плана без какого-либо плана фактического свершения действия.

Полисемантичесность модального глагола «should» ярче всего проявляется именно здесь и, при максимально развернутом плане ирреальности, поддается расшифровке только в контексте предлагаемой ситуации. Точная расшифровка семантики модального глагола способствует верному пониманию его эмотивного значения в процессе перевода. Даже имея общее семантическое значение обязанности или необходимости, два глагола «should», употребленные в разных контекстах, имеют разное эмотивное значение. Сравним примеры № № 1 и 4, оба — риторические вопросы в диалогической речи. В первом случае жена Стрикленда высказывает сомнение в необходимости давать мужу свободу, пылая злостью и жадной мести. В четвертом примере Стрикленд исполнен равнодушия к судьбе Бланш. Модальный глагол в этом случае предлагает сомнение в необходимости испытывать угрызения совести. Оба случая объединяют в себе значения необходимости и воли: говорящий подчеркивает нежелание выполнять то, что ему предлагается (волю невыполнения) и даже, своего рода, сомнение, стоит ли доверять собеседнику (значения необходимости, воли и доверия):

“Why **should** I give him his freedom?” [9, с. 47];

– Зачем мне давать ему свободу? [5, с. 56].

“Why **should** I?” he asked [9, с. 116];

– Чего мне, собственно, угрызаться? [5, с. 130].

Реализация эмотивной функции данного глагола в романе всегда осуществляется в тесном грамматическом и семантическом взаимодействии с другими центральными модальными глаголами, прежде всего с «may» / «might» и «will» / «would». В частности, в вышеуказанном примере № 1 модальный глагол «might» в значении предположения является реакцией на глагол «should», чей эмотивный план в субъективной реализации модальности смещается: риторический вопрос получает ненужный ответ, но тоже с сослагательным наклонением, тем самым оставляя все высказывания в ирреальной плоскости и утверждая семантическое значение невозможности предполагаемых действий. Жена Стрикленда не намерена уступать, а рассказчик и сам уже понимает, что уговоры отпустить мужа не имеют смысла: *I think I was a little disappointed in her. I expected then people to be more of a piece than I do now, and I was distressed to find so much vindictiveness in so charming a creature* [9, с. 47].

В примере № 4 модальный глагол «should», наоборот, сам является реакцией на модальный глагол «could» в значении способности. Употребленный в сослагательном наклонении глагол «could» субъективируется благодаря сослагательному наклонению и семантической связи с глаголом «wish»: план ирреальности разворачивает сразу целый спектр модальных значений — способности, предположения, воли. Рассказчик хочет добиться от Стрикленда выражение раскаяния, хотя, отчасти постигнув натуру собеседника, не верит в такую способность, и не без оснований: *I watched his face for some change of expression, but it remained impassive* [9, с. 116]. Риторический вопрос с эмоциональным «should» актуализирует субъективную модальность с отрицательной коннотацией: Стрикленд совершенно равнодушен к смерти Бланш, и эта актуализация выражена в переводе вводным словом «собственно».

Использование вышеуказанных модальных глаголов в сослагательном наклонении также является одной из особенностей анализируемого произведения. Поскольку процесс передачи языковых единиц с модально-эмотивными значениями может поставить переводчика перед необходимостью выбрать приоритетную категорию высказывания, здесь возникает вопрос: что первично определяет реализацию эмотивной функции на уровне предложения — модальный глагол или сослагательное наклонение? Приведем некоторые наиболее типичные примеры употребления модальных глаголов в сослагательном наклонении:

1) *I wanted no one to take notice of me, so that I **might** observe these famous creatures at my ease and listen to the clever things they said* [9, с. 8];

2) *For a fortnight it was necessary that someone **should** stay with him all night...* [9, с. 78];

3) *I think he **might** have learnt from them something that would be very useful to him* [9, с. 112];

4) *I wish I **could** say that I recognised at once their beauty and their great originality* [9, с. 121].

Если обратиться к переводу, то увидим, что не всегда значение оригинального предложения передается сослагательным наклонением:

1) Мне **хотелось** остаться незамеченным, **чтобы** спокойно **наблюдать** за этими великими людьми, спокойно **слушать** их умные речи [5, с. 13] (значение возможности);

2) В течение двух недель его даже ночью **нельзя** было оставлять одного [5, с. 91] (значение обязанности и необходимости);

3) Думаю, он **мог бы** научиться у них чему-то полезному [5, с. 129] (значение возможности);

4) Мне **бы** очень **хотелось** сказать, что я сразу распознал их красоту и необычайное своеобразие [5, с. 136] (значение воли).

В двух случаях из четырех сослагательное наклонение заменено изъявительным, при этом в последнем слу-

чае хотя сохранено сослагательное наклонение, но значение физической возможности модального глагола «could» («мог бы») уступило преобладающему значению воли говорящего, семантически предопределенному глаголом «wish» в оригинальном варианте. В ходе сопоставительного анализа текстов перевода и оригинала мы обратили внимание на тот факт, что сослагательное наклонение заменяется в тексте перевода на изъявительное в том случае, если желаемое действие было впоследствии реализовано, т. е. план ирреальности перешел в план реальности и реализация категории эмотивности, о которой шла речь выше, сводится к минимальной, поскольку говорящий констатирует факт реальности: в первом примере рассказчик, действительно, оказался в кругу лиц, считавшихся представителями высшего общества и которые считали себя выше большинства людей по многим параметрам, а во втором примере Бланш усердно ухаживала за больным Стриклендом, оставаясь при нем днем и ночью. Реализация эмотивного значения осуществляется через отношение говорящего к плану будущего действия: в первом случае рассказчик иронизирует, подвергая сомнению возможность общения с умными людьми, во втором — выделяется чувство необходимости, которое остро переживал рассказчик, врач по образованию, поэтому вариант перевода предлагает обострение значения необходимости: замена «следует» на «нельзя».

Говоря о приоритетной роли категории модальности или наклонения в реализации эмотивного значения, следует отметить, что, тесно взаимодействуя, эти две категории, несомненно, дополняют друг друга. Однако, на наш взгляд, сослагательное наклонение имеет здесь большее значение: предложение с сослагательным наклонением выводит общаемую информацию в план нереальности, тем самым выполняя задачу ирреальной модальности, т. е. говорящий заявляет о гипотетической возможности или интенции или оптативном действии с точки зрения своего эмоционального настроения. Говорящий сомневается или настаивает или страстно желает, и весь этот спектр эмоций реализуется через сослагательное наклонение и должен максимально точно пониматься переводчиком. Попробуем представить первый пример без сослагательного наклонения:

I wanted no one to take notice of me. I might observe these famous creatures at my ease and listen to the clever things they said.

Литература:

1. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике: избранные труды. — М., 1975. — С. 53–87 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader DC. Доступ для зарегистрированных пользователей. — Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/948161/>
2. Грамматика английского языка. Пособие для студентов педагогических институтов / В. Л. Каушанская [и др.]. — 7-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2014. — 384 с.
3. Ириолова А. Д. Лингвистическая реализация эмоций и чувств, связанных с любовью (на материале произведений У. С. Моэма) / А. Д. Ириолова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусство

Модальный глагол имеет то же значение возможности (*Я мог спокойно наблюдать за этими великими людьми, спокойно слушать их умные речи*), но семантика предложения изменилась: значение цели, которую имел ввиду рассказчик и которая выражалась в плане ирреальности, здесь полностью аннулируется, и эмотивная функция получает меньшую нагрузку для реализации иронии, чем в оригинальном варианте. В созданном нами предложении с модальным глаголом «might» эмотивное значение редуцировано: здесь отношение к действительности более серьезное, рассказчик больше верит в реальность общения с умными людьми. Отсутствие сослагательного наклонения в переводе отчасти компенсируется иронией, которая, как отмечалось выше, уже по своей семантической природе «ирреальна» («великие и умные» люди в результате оказываются отнюдь не великими и не умными), отчасти может объясняться тем, что по сюжету рассказчик в то время был молод и неопытен и верил в то, что может встретить «великих и умных» людей в том обществе, куда его приглашали.

Представим теперь последний пример без сослагательного наклонения в переводе:

I wish I could say that I recognised at once their beauty and their great originality.

Жаль, я не могу сказать, что сразу распознал их красоту и необычайное своеобразие.

Значение способности, которая оценивается говорящим совершенно объективно, в контексте реальной модальности теряет эмоциональную нагрузку: категоричность высказывания может восприниматься как выражение претензии или досады, но в этом случае однозначно приводит к искажению смысла. Модально-эмотивное значение глагола «could» здесь второстепенно, поскольку рассказчик именно «хотел бы» понять всю гениальность работ Стрикленда с первого взгляда, он сожалеет об упущенном шансе купить его картину. Физически он не сумел понять всю ценность картин, но главное не факт реальности, а именно сожаление, желание сделать наоборот — купить хотя бы одну картину: «...and the fact remains, always to reproach me, that I never even thought of buying any. I missed a wonderful chance» [9, с. 121]. Таким образом, правильное понимание приоритетной роли той или иной языковой категории в реализации эмотивного значения может повлиять на переводческое решение.

- ствование. Выпуск № 1. 2012. — С. 1–4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-realizatsiya-emotsiy-i-chuvstv-svyazannyh-s-lyubovyu-na-materiale-proizvedeniy-u-s-moema>
4. Крылова И. П. Грамматика современного английского языка: учебник / И. П. Крылова, Е. М. Гордон. — 12 изд. — М.: КДУ, 2008. — 448 с.
 5. Моэм С. Луна и грош. Театр. Рассказы. / С. Моэм. — Баку: Язычы, 1989. — 576 с.
 6. Стрельницкая Е. В. Эмотивность и перевод: Особенности языковой передачи эмоций при художественном переводе с английского языка на русский: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04, 10.02.20 / Е. В. Стрельницкая; ГОУ ВПО Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М., 2010. — 27 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2010/strelnitskaya.pdf>
 7. Утевская Н. Л. English Grammar Book. Version 2.0 = Грамматика английского языка. Версия 2.0 / Н. Л. Утевская. — СПб.: Антология, 2012. — 480 с.
 8. Ширияева О. В. Объективная и субъективная модальность в медиадискурсе: семантика и прагматика / О. В. Ширияева // Гуманитарные и социальные науки. — 2013. — № 1. — С. 198–206 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.hses-online.ru/2013/01/10_02_19/21.pdf
 9. Maugham S. The Moon and Sixpence / S. Maugham. — 2011. — [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. — Режим доступа: <http://www.limpidsoft.com/A4/moonsixpence.pdf>
 10. Quirk R. A University Grammar Of English / R. Quirk, S. Greenbaum // Longman [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader DC. Доступ для зарегистрированных пользователей. — Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/427064/>

Реклама и журналистика: общее и различное

Егорова Евгения Сергеевна, студент

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Сотворчество аудитории и журналистики является важнейшим фактором эффективного будущего издания. Самоизоляция является бедой монологической прессы. В качестве узкого круга ранее выступали партийные функционеры. Так, если их устраивала газета, то редактор свою миссию считал выполненной. Истинное мнение читателя же игнорировали, кроме этого, имелась обязательная подписка, которая поддерживала искусственным образом многотысячные тиражи.

Постоянный контакт с аудиторией сегодня является основой коммерческого и профессионального успеха. Рейтинг издания преобразовался в коммерческое качество, а независимость позиции стала коммерческим аргументом. Эффективность и правда не могут являться нерентабельным, так как Капиталу необходимы не только СМИ, а такие, которые будут пользоваться у народных масс доверием.

Реклама в современном обществе является многогранным понятием. Для того чтобы рекламные программы могли дать определенный эффект, они должны соответствовать в точности поставленным задачам, отвечая на запросы аудитории и осуществляясь соответствующими средствами. Совместно с большим количеством эффектов воздействия, реклама также способствует выполнению многих задач. При этом задачи рекламы и журналистики довольно часто пересекаются, как и сами виды деятельности.

Журналистика, главным образом, представляет собой актуализацию мировоззрения определенной социальной

группы, будь то нации или общины, посредством комментариев, оценок, подбора факторов, которые в данное время значительны и злободневны. Журналистика является полисистемой СМИ, то есть, включены в многофункциональные общественные институты, такие, как интернет, печатная продукция, радио и телевидение.

Можно говорить о том, что при изучении эффективности журналистской деятельности необходимо различать два типа результатов в деятельности СМИ, которые имеют прямую связь с такими задачами, решаемыми журналистикой. К таким задачам относят целенаправленное и последовательное достижение результатов, отвечающих общественным потребностям в области формирования сознания человека с его жизненными позициями, а также в области «принятия решений». Весьма сложно установить, какой результат будет иметь наибольшую важность, но ясно то, что смешивать их нельзя. Так, следует разделять понятие эффективности и действенности. Требование повышать эффективность и действенность журналистики говорят о том, что ученые-исследователи, как и работники СМИ, должны основываться на том, что задачи, которые стоят перед журналистикой, нужно решать согласованно и системно. Но высокая эффективность будет способствовать повышению действенности, а сама высокая действенность будет повышать эффективность, так как авторитет будет увеличивать доверие аудитории. Практика говорит о том, что большая часть материалом СМИ обращается

в оба «адреса», обладая различным уровнем эффективности и действенности [1, с. 187].

Важно понимать то, что единственная функция журналистики сводится к актуализации мировоззрения определенной социальной группы средством внесения тех оценок и фактов действительности в массовое сознание, которое приближено в наибольшей степени к современному обществу. В идеале же, с позиции общественных интересов, журналистика способна адаптировать научно-практическое знание этой группы для того, чтобы массовое сознание могло их воспринять для принятия способов развития и моделей поведения.

Во всем мире СМИ выступают в роле ведущих носителей рекламы. Первостепенная роль среди них отводится печатным СМИ, на долю которых приходится наибольший процент от общего объема рекламы. В процентном отношении телевизионной рекламе отводится второе место. Наружная же реклама имеет большое количество рекламодателей, таких, как указатели, световые тумбы, брендмауэры, транспаранты, щиты, вывески, в том числе на всех видах общественного транспорта. Также имеется прямая почтовая рассылка в качестве каталогов, посылок с листовками и прочей рекламной продукцией. Этим предполагается целенаправленное обращение к потенциальным клиентам по существующим адресам. Радио, в настоящее время, отстает от наружной рекламы и телевидения. Аудитория радиорекламы представлена автолюбителями, пенсионерами, школьниками и т. п. При этом реклама на радио дает возможность создавать настроение посредством тембра голоса, музыки, звука.

Реклама представляет собой вид деятельности или продукцию, произведенную в ее результате, цель которых состоит в реализации сбытовых или иных задач промышленности, общественных организаций, сервисных предприятий через распространение оплаченной информации, сформированной так, чтобы оказывать уси-

ленное влияние на индивидуальное или массовое сознание, вызывая заданную реакцию выбранной потребительской аудиторией.

Реклама передает не только информацию о товарах, изделиях, услугах, рынках, но и об общественных, политических и других типах отношений в обществе, в том числе и межличностных взаимоотношениях мужчин и женщин, в которых последние, как правило, не только стереотипизированы, но и упрощены, сведены до уровня «ритуальных идиом». Иными словами, непосредственные предложения о товарах и услугах обычно представляются в рекламе в контексте других образов, рассказывающих об устройстве общества, его культурных конструкциях и о взаимоотношениях в нем [2, с. 87–88].

Но реклама, в любом случае, эффективна только тогда, когда она удовлетворяет следующим требованиям:

- формулирует четко позицию товара, то есть содержит информацию о специфике использования товара и его отличий от товаров конкурентов;
- потребителю обещает существенные выгоды при приобретении товара, для чего показываются его достоинства, и создается положительный образ;
- содержит оригинальную рекламную идею;
- создает и внедряет в сознание продуманный до деталей и ясный образ товара;
- подчеркивает высокое качество предлагаемого товара;
- концентрирует внимание на достоинствах товара, не является усложненной.

Начинается раздел сфер воздействия журналистики и пиара с понимания целей. Так, у журналистики это объективный анализ проблем и отражение событийной картины мира, а у рекламы — увеличение спроса на услуги и товары, а также работа с коммерческими брендами. В целом, специфика таких видов деятельности можно представить в качестве таблицы.

Таблица 1. Сходства и различия журналистики и рекламы

	Журналистика	Реклама
Цель	Объективный анализ общественных проблем, а также отражение событийной картины мира для их последующего разрешения	Формирование коммерческих брендов, стимулирование сбыта товаров и услуг, а также управление ими
Объект	Различные факторы текущей деятельности и общественно важная информация	Бренд, услуга, товар
Функция	Психологическая, организаторская, ценностно-ориентирующая, информационная, коммуникативная	Рекреативная, культурно-образовательная, стимулирующая, ориентирующая, коммуникативная
Основные методы	Убеждение	Формирование позитивных образов брендов в сознании, убеждение и внушение
Типовые каналы	Интернет, ТВ, радио, журналы и газеты	Интернет, многие виды рекламы: почтовая, сувенирная, наружная и т. д.
Заказчик	Учредитель, издатель, общественность, общество. Оплата производится посредством подписки, налогов, розницы	Подразделения предприятий, которые отвечают за реализацию товара являются заказчиками, а организации-рекламы и предприятия ее оплачивают

	Журналистика	Реклама
Ключевые профессии	Верстальщик, дизайнер, оператор, фотограф, редактор, корреспондент	Арт-директор, режиссер, копирайтер, оператор, креатор и т. д.
Характер труда	Производственно-творческий и индивидуально-коллективный	
Жанры и произведения	Художественно-публицистические, аналитические, информационные	Баннер в интернете, рекламная статья, телеролик, модульная реклама
Аудитория	Систематическое информирование массовой аудитории, посредством ориентации на читательское ядро	Доставка коммерческой информации для массовой аудитории посредством СМИ, а также через специальные рекламные каналы, которые ориентируются на целевую аудиторию

Сотворчество аудитории и журналистики представляет собой важный фактор эффективности будущих изданий. Сегодня постоянный контакт с аудиторией является основой коммерческого и профессионального успеха [3, с. 144–146].

Личная продажа и стимулирование в журналистике обладают некоторыми особенностями, хотя цель все равно будет заключаться в том, чтобы ознакомить читателя с газетой, подвигая на регулярное приобретение номеров в рознице или же на оформление подписок.

Газетами первый месяц объявляется временем для льготной подписки:

- по ценам прошлого полугодия или года;
- из стоимости подписки исключается цена доставки в том случае, если читатель будет получать газету непосредственно в специальных пунктах или редакции;
- будет уменьшаться стоимость подписки в том случае, если читатель также будет выбирать приложение помимо основной газеты;
- для отдельных категорий граждан будут объявляться льготные подписки.

Возможным подлинным менеджмент будет лишь в той редакции, которая принимает маркетинг в качестве философии бизнеса. Эффективной будет только системный редакционный менеджмент. Редакция будет получать качества целостного организма в том случае, если сотрудниками, к примеру, будут не просто управлять, а подбирать умело в команду, который отличается единодушием. Связаны просчеты различных редакций российских газет именно с тем, что они будут разрушать каждый из ее элементов, если не будут следовать системе. Возможно, что коренные функции менеджмента, такие, как организация, планирование, контроль. Руководство, не будут реализовываться стопроцентно, или же управленцы не будут иметь полный набор обязательных качеств для них, в числе которых находится техническое, коммуникационное, аналитическое мастерство. Очень часто случаются ошибки во время отбора журналистов, как и при использовании и определении их интересов и возможностей, распределении ответственности, между управленцами высшего и среднего звена.

В большинстве случаев, журналистика будет осведомлять и информировать население о происходящих проблемах, явлениях, событиях современно жизни.

Развитие и создание положительных мнений. Реклама будет поощрять позитивное отношение к услуг или товару. Некоторые журналистские материалы могут быть направлены на позитив, будут стремиться поднимать читателям настроение легкими и приятными материалами.

Придание марке индивидуальности. Товару реклама может придавать особый имидж, выделяя с выгодной позиции его некоторые характеристики. Отличительная черта рекламы сводится к позиционированию на рынке труда продукта [4, с. 69–71].

Так, реклама на сегментированном рынке оказывает помощь в позиционировании продукта в установленном сегменте, осуществляя идентификацию таким образом. Реклама считается также и средством постоянного укрепления и построения отношений между потребителем и производителем. Реклама будет формировать ситуацию, в который предлагаемый продукт будет для потребителя весьма эффективным. Очень часто такой прием используется в журналистике для того, чтобы привлечь аудиторию.

Рекламу можно назвать особым пластом журналистики, который имеет тесную связь с ее инфраструктурой. Именно поэтому она подчинена тем же закономерностям и правилам, что и прочие пласты. Из этого следует, что здесь также понятие результативности возможно раскрыть в качестве сочетания действенности и эффективности. Действенность представляет собой воздействие рекламы на состояние дел рекламодателя. Что же относительно эффективности, то под этим следует понимать воздействие на радиослушателя, телезрителя и читателя рекламного материала.

С эффективностью рекламы имеет тесную связь также проблема рекламных обращений. СМИ еще несколько лет назад рекламировала широко услуги финансовых пирамид. Но и реклама на современном этапе также имеет большое количество различных выгод. Редакциями газет предусматривается указывание внизу рекламных страниц то, что редакция не несет ответственности за содержание рекламных обращений, а это говорит о том, что газета имеет право публиковать все.

Журналистику и рекламу возможно представить в качестве важной составляющей современной жизни. Она находится в постоянном взаимодействии, чем обуславливается их специфика, то есть то, что и журналистика, и ре-

клама будут «снабжать» людей информацией о происходящем в мире.

Результативность журналистики находится в полной зависимости от применения маркетинговых коммуникаций СМИ. Основу общественной системы общества представляют коммуникации, а в качестве носителя связей могут выступать деньги, товары, правила, законы, духовные ценности, льготы и блага.

СМИ, если будет не в состоянии возместить на производство журналисткой информации расходы лишь посредством массовой ее продажи аудитории, вынуждена осуществлять использование в своих целях, главным образом, в качестве маркетинговых коммуникаций, когда в центре внимания будет потребитель с его интересами, рыночная ситуация и потребительская психология. Важно помнить о том, что маркетинг представляет собой искусство движения товаров от производителя к потребителю, что будет реализовываться также в общественной сфере, когда электорат под воздействием политической рекламы будет покупать товар, то есть кандидата на выборную должность.

Во многом, реклама и журналистика имеет общие цели, которые, главным образом, состоят в информации и оказании помощи человеку при выборе товаров и услуг. Вопрос лишь сводится к тому, как это сделать. Профессиональная качественная реклама будет осуществлять рекламу товара ненавязчиво, а текст будет составлен с осознанием всей ситуации. Но рекламу нельзя перехваливать. Так, от нее потенциальные рекламодатели могут ожидать немедленного результата, но их постигнет разочарование, если рекламой не будут принесены результаты. Многие же рекламу про-

сто читают, так как очень часто рекламные тексты представляют собой занимательные публикации.

Можно говорить о том, что взаимодействие рекламы и журналистики — весьма положительное взаимодействие по той причине, что журналистский текст рекламного характера всегда будет аргументированным. Он будет способен объяснить то, каков смысл в приобретении определенного товара. Человек будет покупать что-то по той причине, что ему это и правда нужно, не потому, что увидел рекламу.

Важно отметить то, что некоторыми редакциями слишком часто привлекается «имиджевая» реклама. Газеты осуществляют публикацию объемных интервью, фоторепортажей, очерков, которые посвящены руководителям организаций и предприятий. Заказной характер таких текстов является очевидным по той причине, что они будут удовлетворять наверняка тщеславных спонсоров, но вряд ли будут восприняты позитивно массовой аудиторией. Пока еще прессой используются преимущества «скифской стадии» рыночных отношений, удовлетворяя желание богатых фирм, желающих заявлять о себе, тратя неэффективную в целом рекламу большие средства [5, с. 139–142].

Нынешнему поколению пока еще неизвестна качественная журналистика, так как они считают, что все, что предлагается им в настоящее время, считается журналистикой. Получается некий замкнутый круг по той причине, что «новые» журналисты думают о том, что именно это читателям и нужно. Можно, конечно, уповать на свободу выбора, но такой выбор уже весьма затруднен, так как сейчас можно встретить проблему с покупкой серьезных изданий в розницу, а подписки стоят весьма больших денег.

Литература:

1. Березин, В. М. Фотожурналистика: Учебник / В. М. Березин. — Люберцы: Юрайт, 2016.
2. Конюкова, М. Журналистика для всех / М. Конюкова. — СПб.: Азбука-Аттикус, Азбука, 2012.
3. Колесниченко, А. В. Практическая журналистика: 15 мастер-классов. Учебное пособие / А. В. Колесниченко. — М.: Аспект-Пресс, 2016.
4. Стровский, Д. Л. Отечественная журналистика новейшего периода: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика» / Д. Л. Стровский. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.
5. Федотова, Л. Н. Общественное мнение и журналистика: Учебное пособие / Л. Н. Федотова. — М.: Изд. Моск. ун-та, 2015.

Semantische Analyse der sanskritischen Entlehnung “bandh” im Usbekischen

Jumaniyazova Dilnoza Alimboyevna, Deutschlehrerin
Urgentscher Staatliche Universität (Usbekistan)

Жуманиязова Дилноза Алимбоевна, преподаватель
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Es sei mit Recht gesagt, dass es im Wortbestand der Usbekischen Sprache einige Wörter aus Sanskrit anzutreffen sind. Der größte Teil der Wörter wurden durch

das Persische vermittelt. Unten ist ein Beispiel und seine Analyse im Usbekischen gegeben. Die Entlehnung “bandh” ist in Sanskrit polysem. Es hat folgende Bedeutungen [2].

Bandh:

1. binden, anbinden, fesseln;
2. rit. schlachten;
3. verbinden, zusammenfügen;
4. verfassen;
5. veranlassen, bewirken;
6. verschließen, hemmen;
7. gefangen nehmen, festhalten;
8. Blick, Gedanken richten;
9. ansetzen (Frucht), Wurzel schlagen.

Bandha (als Nomen):

1. das Binden, das Fesseln;
2. die Fessel;
3. die Gefangenschaft;
4. die Verbindung, die Verknüpfung;
5. die Errichtung;
6. die Überblickung;
7. das Richten;
8. das Äußern;
9. das Bekommen, das Besitzen;
10. die Bindung an die Weltlichkeit;
11. das Pfand;
12. Positio in Cohabitatione.

Fast dieselben Bedeutungen wurden auch ins Persische übernommen. Bloß sind im Persischen einige andere Bedeutungsveränderungen zu kennzeichnen:

1. der Damm, der Deich
2. das Päckchen, das Paket, der Stoß
3. der Abschnitt, der Teil, der Paragraph
4. die Strophe, der Anzug

Durch das Persische als Vermittlersprache sind diese Bedeutungen auch ins Usbekische eingedrungen. Bemerkenswert ist aber dabei, dass das Usbekische den Sachverhalt (im Zusammenhang mit dem umreißenden Stand der Dinge) in vielen Fällen aufs Neue festgelegt hat. Wir versuchen im Folgenden das Obengesagte zu argumentieren. Im Usbekischen wird heutzutage unter dem Wort “bandh (bandha)” folgendes verstanden [4, S. 5]:

1. Als Nomen: etwas festhaltendes bzw. leicht anzufassendes
 - a) *choynak bandi* (Henkel der Teekanne)
 - b) *deraza bandi* (Griff des Fensters)
 - c) *chelak bandi* (Henkel des Eimers)
 - d) *sirg'a bandi* (Ohrringstutzen)
 - e) *savat bandi* (Korbhenkel)
 - f) *loy bandi* (das Lehmstück, das die ganze Lehmwand festhält, beschwert)

Die Beispiele zeigen, dass sich der Stoff aus F e l l, B a u m o l l e in Sanskrit (*Schnur, Seil*) und L e d e r im Persischen (*Reimen, Gürtel*), jetzt im Usbekischen völlig auf andere Materialien (*Ton, Keramik, Farfor, Holz, Eisen, Silber, Gold*) bezieht.

2. In der Bedeutung besetzt, beschäftigt, geschlossen:

- a) *Telefon band* — *Das Telefon ist besetzt*
- b) *Men bandman* — *Ich bin beschäftigt*

c) *Eshik band* — *Die Tür ist geschlossen*

3. Nicht erreichbar, nicht zu erlangen, nicht zu leihen, unmöglich zu gebrauchen:

- a) *Arava band* — *Der Wagen ist im Besitz*
- b) *Xalta band* — *Der Sack ist voll*
- c) *Lug'at band* — *Das Wörterbuch ist im Gebrauch*
- d) *Uy band* — *Man bewohnt das Haus*

3. Absatz im Text von Gesetzbüchern, Abschnitt der Gliederung eines Textes:

- a) *Qaror bandi* — *Gesetzpunkt*
- b) *Bayonnoma bandi* — *Paragraph des Protokolls*

4. Abschnitt eines Liedes, Strophe:

- a) *she'r bandi* — *Gedichtstrophe*
5. jemand, der festgenommen, inhaftiert ist
- a. *bandi* — *der Gefangene*

6. Jemand, der in völliger wirtschaftlicher und rechtlicher Abhängigkeit von einem anderen Menschen als dessen Eigentum lebt.

- a. *banda* — *der Sklave*
- b. *xudo bandasi* — *Gottessklave*

7. Jemand, der bestimmten Ideen, einer bestimmten Weltanschauung, so überzeugt ist, dass er sich leidenschaftlich, mit blindem Eifer (und rücksichtslos) dafür einsetzt:

- a. *Kitob bandasi* — *Bücherwurm, Bücherfreund, Bibliophile*
- b. *Pul bandasi* — *Geldfanatiker*
- c. *Shaxmat bandasi* — *Schachanhänger*

Nicht uninteressant ist auch, wie das Wort “bandh” in den Werken der (mittelalterlichen) usbekischen Poeten weitere (bildliche und bildhafte) Bedeutungen erworben haben. Wir führen einige Beispiele aus den Werken des berühmten usbekischen Dichters Alischer Navoi (1441–1501). Der große Navoi gebraucht “band” in folgenden (hauptsächlich in übertragenen) Bedeutungen [2]:

1. festgezogene Verschließung von Bändern, Fäden, Schnüren, Knoten:

“*Ischqdin chun bor erdi ko'nglida band*

Band ini ko'rsa edi hojatmand” (Aus Liebe war in seiner Seele ein Knoten

Möge seine Verliebte diesen Knoten sehen!). In “*Saba'i sayor*”, 137–18

2. Bewegliche Verbindung zwischen Knochen, Gelenk:

“*Har jig'onda band — band im bir-biridin ayrilur*”. (Bei jedem Jammern zu trennen nicht meine Gelenke auseinander). In “*Xazoyinul-maoniy*”, 11 a 76

3. Band zum Fesseln:

“*Telba qulog'iga pand — qyun oyog'iga band*» (Der Dumme wird an Ohren betrogen, der Strom wird an Füßen gefesselt). In “*Mahbubul qulub*” — 157

4. Fesselung, gefesselt werden:

“*Sayid Qutb Lakadang ... band ga qaror topdi. Band din gochib holo Samarqandda*” (Sayid Qutb Lakadang... wurde gefesselt. Er ist davongelaufen und ist jetzt in Samarkand). In “*Majolisun nafa'is*”, 94

5. Seil, Strick, Leine:

“*Qaysi kamand o’lmadi hargiz kamand, ravzau firdavs g’azaliga band* «(Welche Schlinge möchte nicht um den Hals eines Rehs im Paradisgarten gebunden (gelegt) werden). In “*Hayratul-abror*”, 3–6

6. Stiel, Griff, Henkel, Bündel: “*guldasta b a n d ikim ...*” (Blumenstraußsteil sei es ...). In “*Nazmuljavohir*”, 28

7. List, Betrug, Tat; “*Band u balosining e’tibori yo’qdur*” (Ihre List wird nicht beachtet). In “*Munshaot*”, 151

In den Werken von Alischer Navoi sind noch weitere Wortverbindungen so wie *bandi azim*, *bandi zulf*, *bandi kushod*, *band bo’lmoq*, *band aylamoq*, *band etmoq*, *band qilmoq*, *bandga qaror topmoq*, *banddin chiqarmoq*, *banddin qochmoq*, *band solmoq* anzutreffen.

Literaturverzeichnis:

1. Jumaniyazov A.J., Jumaniyazova D.A. Sanskrit va oila a’zolari nomlari, in Xorijiy til davr talabi Respublika ilmiy-nazariy anjumani materiallari, Urganch. 2012, S. 72–75.
2. Alischer Nawoi asarlarining izohli lug’ati. (1983): Taschkent. In vier Bänden.
3. Klaus Mylius. (2005): Sanskrit — Deutsch/Deutsch — Sanskrit. Wörterbuch. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden.
4. O’zbek tilining izohli lug’ati. (2006): Taschkent. in fünf Bänden.

Culture and history in John Updike’s short stories

Zaripova Mukhayyo Erkinovna, teacher
Uzbekistan state worldlanguages University

John Updike is widely known as one of the dominant American literary figures of the post-war era. The high quality and diversity of his works is frequently cited as evidence of his superior literary talent and intellect. As Margaret Atwood, a Canadian literary critic and novelist, notes, *Surely no American writer has written so much, for so long, so consistently well.* [1] In fact, if we evaluate Updike’s work, it focuses on incomparable prose style that does not belong to all writers’ works. His remarkable intelligence, verbal competence and shrewd insight into the sorrows and frustrations of American life separate him from other writers of his period. In each work composed by John Updike we may observe how well he composed variety of works in which we may observe variety of cultural and historical aspects of certain society.

The collection of stories *Pigeon Feathers* by John Updike is considered a precious collection of short stories, which contain diverse themes and deep meanings. This very collection first appeared in 1962, on the author’s thirtieth birthday. Arthur Mizener, an English writer and editor, wrote in *The New York Times Book Review*: “*Updike is a romantic like all American romantics that is, he has an irresistible impulse to go in memory home again in order to find himself... The precise recollection of his own family-love, parental and marital, is vital to him; it is the matter in which the saving truth is incarnate... “Pigeon Feathers’ is not just a book of very brilliant short stories; it is a demonstration of how the most gifted writer of his generation is coming to maturity; it shows us that Mr. Updike’s fine verbal talent is no longer pirouetting,*

however gracefully, out of a simple delight in motion, but is beginning to serve his deepest insight”. [2] Undeniably, Updike’s abilities as a short story writer are best exemplified in *Pigeon Feathers*. His narratives often focus on the philosophies of the protestant middle class, in which the protagonist struggles to either accept or escape from the restraints of religion or society. Updike’s narrative voice is so strong in these stories that the reader has the feeling that each one is in a sense autobiographical. *A & P*, one of the short stories included in *Pigeon Feathers* will be analyzed in this article focusing on their historical and cultural aspects.

Throughout history, some qualities of culture in the world have altered. To be more specific, year by year they are still changing from generation to generation. Especially, in John Updike’s short story *A&P*, there is a representation of the change from severe conservatism of the 1950’s America to the more free-spirited ideology of the 1960s. This story is settled in Updike’s collection of short stories *Pigeon Feathers*. *A&P* was published in 1961 and is an early version of what would become the defining narrative of the 1960s in popular mythology — the youthful rebels taking on the soulless system. [3] In fact, the story contains the main elements of the myth, describing the conditions of postwar prosperity and the attendant consumer culture, a hint of the Cold War and the indispensable opposition of the youth and authority when there was a conflict between the girls — Lengel and Sammy — Lengel.

In the beginning of the story, the introduction of the girls reveals a wholly-developed 1960’s youth in three different ways:

They didn't even have shoes on. There was this chunky one, with the two-piece — it was bright green and the seams on the bra were still sharp and her belly was still pretty pale so I guessed she just got it (the suit) — there was this one, with one of those chubby berry-faces, the lips all bunched together under her nose, this one, and a tall one, with black hair that hadn't quite frizzed right, and one of these sunburns right across under the eyes, and a chin that was too long — you know, the kind of girl other girls think is very "striking" and "attractive" but never quite makes it, as they very well know, which is why they like her so much — and then the third one, that wasn't quite so tall. She was the queen. [4]

All three girls are almost without the parts of garments, which close their feet and other parts of body. This may be considered as an unashamed disrespect for the overly-protective nature of life in the 1950s. In addition, wearing no shoes was also in fashion among the youth at those times. From these factors we may realize that self-representation in the 50s became more important than self-consciousness. All girls described above represent many of the same qualities: they boasted their body by their open clothes, and, in general, they wanted to be looked at and to be dominant over the public. However, the last girl, who is named as *the queen* by the narrator, is described as a distinguishing one among other two girls. While the immediate information on her is merely that she is *the queen*, Updike is using her as the queen of herself, the society, the minds of Sammy and the other girls. The first statement about Queenie sets her above not only the other girls, but the entire 60's counterculture movement in the west including the US. Throughout the story, we may get more information considering Queenie, her disregard for public-image and her attitude to the older generation. In the course of our analysis about the arguments between the generations, in *A & P* may find some examples regarding that issue.

Both conflicts at the end of the story, the girls with the *A & P* manager Lengel and Sammy with Lengel, are the final discoveries in the change from the old ways to the new ways. Queenie explains that her mother wanted her to pick up some herring snacks. This made Sammy's mind think about a very 50's party environment in which the adults enjoy bland snacks

in their old-fashioned environment. Indeed, according to the history, it was traditional for the 50's US public to have bland snacks in their parties.

When Lengel insists that the girls come into the store *decent*, the girls argued in this way: "*We are decent*", "*Queenie says suddenly, her lower lip pushing, getting sore now that she remembers her place, a place from which the crowd that runs the "A & P" must look pretty crummy*". [4] Queenie's obstinate action was either the push or connection for Sammy, as he acts in deliberate disobedience to Lengel by ringing the herring up and sending the girls on their way. With the final interaction between Sammy and Lengel, we get the message of the story concluded in a short space:

"I don't think you know what you're saying", — Lengel said.

Lengel, the elder, behaves as not understanding what is going on while Sammy, the youth, is in complete control being too confident for the sake of girls, in particular *the queen*. The customers knocking into one another shows the ripple-effect destruction such a disposition creates amongst the older generation. Before Sammy leaves the store, we are left with one final image: Lengel, Sammy's parents, and the rest of that era tired and defeated, their regime conservative ideals laid to rest. [1] Though *A & P* came in the very early 60s (1961), it shows the beginning of the shift in desirable qualities of a culture. This new generation, as represented through Sammy and the three girls, especially Queenie, are appropriate examples of the shift from 1950's America to the 1960s. The basic symbol of the generational conflict of the 1960s was the contrast between long-haired, freewheeling hippies (those who were young people in the 1960s and 1970s who rejected conventional ways of living, dressing, and behaving, and tried to live a life based on peace and love; hippies often had long hair and many took drugs) and their parents in traditional suits and dresses. The arrogance of the girls walking around the *A&P* with bathing suits is an indication of the many oppositions over public propriety that was going to come in the following decade. In the case of *A & P* the final consequence of Sammy's act of disobedience cannot be named a superb release or success, but it shows a young man at loose ends although he was sure for his right actions.

References:

1. Gale Cengage. (2001). Contemporary Literary Criticism. Cambridge: CUP
2. Arthur Mizener. (2003). The New York Times Book Review. Retrieved September 30, 2012 from <http://www.americanliterature.com>
3. Ryan Werner. (2009). Generation Shift in Updike's Short Story "A & P". From The Sunday Times.
4. John Updike. *A & P*. Retrieved December 17, 2012 from <http://www.tiger-town.com/whatnot/updike/>

John Cheever's depictions of life in suburbia and the use of satire in his short stories

Zaripova Muhayyo Erkinovna, teacher
Uzbekistan state worldlanguages University

John Cheever is regarded as a master of a short story form by almost all critics of the 20th century American literature. He is named as *the Dante of suburbia* and *the Chekhov of the exurbs* for his ability to record the events in chronological order with impressiveness stating the actions taken from the lives of upper middle-class Americans. Besides, Cheever is considered as the one who built a bridge, which linked the eras between the great modernist writers of the first half of the 20th century including Hemingway, Faulkner, Fitzgerald and many others and the simultaneously tough and unhappy period following the World War II. To understand Cheever is to understand many of the central concerns of American life during the middle of the 20th century. His works included the themes of the growth of suburban life, the banal torments of the postwar business world, the troubled fabric of the bourgeois family, the tension between the urban and suburban worlds, the pressures of consumerist society, the trivial dramas of the home and others. Many of the settings for Cheever's works were chosen from the cocktail parties, swimming pools, barbecues, and commuter trains that are typical places of suburbia. Reading his stories, we may find out that no other writer could give complete, emotional and lightly comic depiction of a certain moment in American culture. Some critics have called Cheever *the Chekhov* of American literature due to the fact that Cheever's stories precisely reveal the cracks in families, marriages and friendships. Cheever started gaining his popularity for his early stories such as *The Swimmer*, *The Enormous Radio* and *The Housebreaker of Shady Hill*.

Through his stories it becomes apparent that John Cheever was capable of representing the American suburbanite at mid-twentieth century. Characters in Cheever's suburban stories sustain a constant balance between hope and anxiety. This aptitude to capture this human dilemma and to combine it with one of the newest and most overlooked indicators of the American suburbia reveals the strong power and vision of Cheever's art. In these three stories which are *The Housebreaker of Shady Hill*, *The Sorrows of Gin* and *Just Tell Me Who It Was*, Cheever refers to the questions of human activities in the American suburbs of the mid-twentieth century describing suburbanites as indecisive between two opposites of control and confusion and between the dream of what the suburban lifestyle suggests and the reality itself. This approach in the stories may be considered as a satiric attack on the American Dream. Cheever satires the suburbs, and by observing this method, we find that his critical view sometimes becomes challenging to understand. Characters in *The Housebreaker of Shady Hill*, *The Sorrows of Gin* and *Just Tell Me Who It Was* show an awareness of themselves and their environment that is congruent with two of the major ideological traditions of American literature, the New England,

or Puritan, conscience and pastoralism. [1] The reason of Cheever's choice to use these ideological traditions in his stories is that he intends to demonstrate how they coincide with modern suburban life. By two approaches he tries to prove this phenomenon: by showing how essential these traditions are and by relating how misleading they might be when they are applied to suburbia. In the stories suburbs are described as immoral places where people tend to ignore each other. As a result, the characters often feel lonely in their moral problems. Subsequently, the actions they take to ease their sufferings are often careless of others, and for this reason these actions generally do more harm than good. The characters regard suburbia as essentially good, as a safe place from the evils of the city; nevertheless, they forget that they cannot avoid all the desires within themselves that might tarnish their community. The stories we mentioned above were collected in a collection of stories *The Housebreaker of Shady Hill and Other Stories* which was published in 1958. All stories are set in the fictional town of Shady Hill, an affluent suburb somewhere between Albany and Westchester County. Shady Hill is linked by commuter train to New York City. Its inhabitants are Waspish who are educated homeowners. Social life in Shady Hill circles around cocktail parties, each other's houses and the country club.

What connects these three stories is the focus on the basic unit of Shady Hill, the family. *The Housebreaker of Shady Hill* is about the worker, *The Sorrows of Gin* is about the child, and *Just Tell Me Who It Was* is about the husband and wife.

The climactic moments in the three stories are in the characters' actions. Each is a seemingly accidental, physical action whose spontaneity is confusing; therefore, they are set for analysis. To illustrate, once Hake suddenly wakes up, and decides to burglarize his neighbor's house; Amy pours her father's gin down the drain without missing a beat and other factors. By putting emphasis on the surface of the characters' actions and by revealing the automatic quality of the character's movements during these episodes the author tries to raise the reader's curiosity to the stories.

Although Cheever's suburbanites are sometimes spiritually alone, at least they try to enjoy their individualism placing themselves in a better living. According to John Dyer, *Cheever introduces his suburban settings with allusions to the Jeffersonian "middle-state", the term for the moderate, wholesome, and salubrious lifestyle of the early American yeoman farmer who knows and feels comfortable with his sense of place.* [1] In fact, in the story *Just Tell Me Who It Was* Will is described as the person who loves his Dutch Colonial house and is very proud of his ascendancy into Shady Hill.

Cheever in his stories criticizes the conservative idealism that the suburbs grew out of, but at the same time he admits

that idealism is a respectable position. Thus, he approached this idealism through ridiculing the suburban myth and promoting it. By ridiculing, he opposes its unreality; by promoting, he appreciates the power of mankind’s imaginary vision. For Cheever, the basic aim is to effectively function while living between these two extremes. To prove these ideas, a number of examples can be mentioned. The characters usually attempt to make their lives better based on an imagined way of life. For instance, Hake burglarizes to stay in crime-free suburbia. In addition, each character acts out of a sense of sentimentality, which is a crucial aspect of the pastoral: Hake wants to keep his house and way of life though he sees it collapsing; and Pym’s objective is to get what he perceives to be his old wife back. ...Nevertheless, it is possible to note that solutions to the problems are given in the story. Hake, to some point, may be dissembler who hides real intentions or emotions; on the other hand, through that money he improves his financial condition and preserves his family. What is most important is that in the end he put his neighbor’s money back admitting the fault he did. It was mentioned that *Pym never thinks of Maria as anything but a trophy-wife, even after he attacks her supposed paramour*. Indeed, Maria is a very attractive woman, and Pym’s suspicions will never end as he strongly loves his wife. It is common with couples who get married with strong love. [2]

Although in these stories fun brings to a dilemma, anyway the celebrations still keep the air of pleasant entertainment.

References:

1. John Dyer. (2000). John Cheever: Parody and The Suburban Aesthetic. John Murray Publishers Ltd.
2. M. P. Baumgartner. (1997). The Moral Order of a Suburb. John Wilson Croker. Ed.
3. John Cheever. (1943). Saturday Review. Retrieved February 2, 2013 from <http://www.ebay.co.uk>

The utmost satire of these stories is that the social order doesn’t change considerably in spite of confusions or uncertainties the characters come across. Nevertheless, despite its affirmed social similarity and stagnation, the suburbia presented in these tales relates to a type of festival; through alcoholism, theft and violence, Cheever at least hints at impeaching *the organization*. It means that Cheever, to some extent, approached his stories politically. In addition, Cheever satirizes the false hopes and peculiar, but understandable, rationalizations of his characters: their anxieties and wishes are outrageous and excessive, but their madness is kept within its right place, in the family and community, and within the restrictions of the travel and the cocktail party. Through the stories Cheever suggests a sympathetic picture of the transgressions that support a suburban community. Shady Hill’s vague spaces and uncertain characters invite us to reevaluate transgression as fundamental to Cheever’s embrace of suburbia as a literary site within, which to explore our essential human weakness. Here at the end of the article, it is crucial to mention what the author himself wrote about his stories and suburbia: *There’s been too much criticism of the middle-class way of life. Life can be as good and rich there as anyplace else. I am not out to be a social critic, however, nor a defender of suburbia. It goes without saying that the people in my stories and the things that happen to them could take place anywhere*. [3]

Применение «метода моделей» при обучении неродному языку (на примере русского языка)

Каландаров Уктам Сатубалдиевич, преподаватель;

Эгамов Рустам Аминович, преподаватель

Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

В методике обучения второму языку широко используется «метод моделей». Он имеет различные названия, но его сущность в том, что обучаемый получает некую готовую конструкцию и имеет возможность заполнения её различным лексическим материалом. Так, модель «пять рублей» может быть заполнена в первой части таким материалом, как слова «десять, тысяча, миллион» и т. д., а во второй части — словами книга, стакан, мешок и т. д. Для того чтобы свободно владеть русским языком, надо уметь пользоваться большим количеством моделей. Невозможно запомнить полный набор таких моделей

вне взаимной связи их друг с другом. Поэтому целесообразно использовать правила преобразования моделей. Так, для приведенной конструкции «пять рублей» можно было бы сформулировать правила преобразования в случаях, когда первое слово употреблено в дательном, творительном, предложном падежах, тогда первое слово числительное ниже пяти или заканчивается на «два, три, четыре» (ср.: пять портфелей, но два портфеля, или двадцать четыре портфеля).

Таким образом, в грамматику для обучающегося вводятся некоторые основные модели и правила их преобра-

зования. Но этого мало. При образовании текстов нельзя обойтись без сочетания моделей. К примеру, может возникнуть необходимость сочетать модель «пять книг» с моделью «новая книга», чтобы получить конструкцию «пять новых книг». Эту конструкцию понадобится соединить с конструкцией «купить книгу», чтобы получить выражение «купить пять книг». Разумеется, вместо правил сочетания моделей можно рассматривать некоторые, более сложные модели. Но совершенно ясно, что рано или поздно необходимо давать сведения о сочетании моделей. Это объясняется тем, что тексты будут строиться для огромного количества разнообразных ситуаций, которые не могут быть запрограммированы в отдельности.

Признав, что грамматика совершенно необходима для овладения языком, следует выяснить некоторые особенности такой грамматики. Она должна базироваться, с одной стороны, на некотором количестве самых главных, основных моделей, которые могут быть использованы как самостоятельно, путём наполнения их некоторым лексическим материалом, так и путём преобразования и сочетания моделей. Правила сочетания и преобразования моделей, должны наряду с основными моделями, входить в состав обучающей конструктивной грамматики.

Конструктивная грамматика предполагает, что на каждом данном этапе обучения обучающийся должен овладеть относительно замкнутым языковым материалом, который позволял бы ему строить некоторые тексты. Ещё одно важное положение такой грамматики: обучаемый на каждом этапе должен приучаться к построению текста. Поэтому на начальном этапе нельзя ограничиваться заучиванием готовых конструкций. Это ведёт потом к трудности преодоления барьера между готовыми заученными шаблонами и реальной необходимостью использовать в процессе общения и другие формулы. У обучаемого должны выработаться навыки производить тексты, а не выдавать готовые формулировки. Эти навыки должны вырабатываться постепенно, в том числе и в процессе создания моделей. Учебный материал конструктивной грамматики включает в себя морфологосинтаксические схемы построения текстовых единиц, набор речевых задач. Некоторые методисты проводят различие между языковой моделью и её речевым воплощением — речевыми моделями. Речевые модели — это не что иное, как коммуникативная и ситуативная реализация языковой модели в конкретной ситуации речевого общения. Именно в конкретной речевой ситуации или ре-

чевом контексте языковая модель становится речевой моделью или речевым образцом. Поскольку речь всегда ситуативна, она в отличие от языковой модели всегда логически и интонационно определена. Речевая модель отличается поэтому от языковой модели:

1. Конкретным ситуативно-контекстуальным обусловленным лексическим наполнением;
2. Логическим ударением и ритмом, интонацией, обусловленной типом предложения (повествовательное, побудительное);
3. Конкретным морфологическим оформлением членов предложения в соответствии с нормами данного языка.

Речевой образец есть типичный отрезок речи, построенный на основе отобранной для изучения структурной схемы и выполняющий конкретное речевое задание. Языковая модель и речевой образец относятся друг к другу как инвариант и конкретный вариант. Методическая ценность речевого образца состоит в том, что он органически объединяет различные аспекты языка, грамматический, лексический, фонетический (в устной речи) или графический (в письменной речи) — в готовое.

Обучающая конструктивная грамматика должна учитывать особенности родного языка учащихся. Общая модель обучения иностранной речи группируется вокруг следующих проблем:

- 1) сходство и различие между процессами овладения русским и родным языком;
- 2) виды учебной активности, с опорой на которые осуществляется овладение чужой речью;
- 3) отношения между родным и иностранным языком. Конечная цель процесса обучения — овладение неродным языком как средством общения — диктует необходимость выделения трёх этапов обучения: сначала обучаемый овладевает единицами фонетической, грамматической и лексической подсистем языка, затем их сочетаниями в речевых действиях и, наконец, использует их в естественных актах общения. На первом этапе опора на соответствующий материал родного языка неизбежна, на втором — отработка языкового материала должна производиться без опоры на родной язык. Ведь здесь он отрабатывается на уровне речевых действий, а речевые действия на неродном языке чаще всего не имеют соответствия в родном языке. Наконец, на третьем этапе завершается изоляция иноязычного материала от родного.

Литература:

1. Алхазисвили А. А. Основы овладения устной иностранной речью. — М.: Просвещение, 1988.
2. Леонтьев А. А. Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских. — М.: Русский язык, 1997.

Stylistic factors in the expression comparativeness

Kalandarov Aybek Ruzimbaevich, teacher
Urgench state University (Uzbekistan)

As we know from linguistics, stylistics is separate branch of linguistics, which studies the language elements of sensitivity and emotionality. If we connect the comparativeness with the stylistic devices, we shall come across such kind of fact that the comparativeness is closely related to such stylistic devices as simile and metaphore from semantic and functional view points. These two stylistic devices are compared with the comparativeness in the micro area of similarity, because they are based on likening objects, persons, actions and situations to each other. Below we shall observe the common and different features between comparativeness and stylistic devices — simile and metaphore in the process of relating them.

Our scientist of stylistics L. T. Bobokhonova brought the following ideas about simile among the ideas of famous scientists of stylistics as I. V. Arnold and I. R. Galperin [1, 82; 4, 138] about the differences between the comparativeness and stylistic devices (simile and metaphore). "Simile creates comparativeness between two different objects expressing the main feature of a person or an object. The formal elements like "as, like, such as, as if, seem" participate in expressing simile and comparativeness. We cannot put the simple comparativeness on the same line with a stylistic device like simile. In comparativeness two objects are compared which belong to one class. Its aim is to reveal similar features of these two objects. For example two persons are compared in the following sentence".

If he is like his mother he must be a good — looking boy. [3, 66]

The rule of simile is to compare two or more objects belonging to different classes. Simile expresses one or more common features of the compared objects. For example:

The voice was familiar, cold and clear, as mountain ice.

A situation, action can be compared in simile either.

He'd gone down like a tree under the ax.

Our backs were cold like the potatoes.

She was as pleased as punch.

One more generality between comparativeness and simile is that they express the comparison between two — compared object and sample object (etalon).

In the example "He'd gone down like a tree under the ax", "he" is a compared object, "a tree" is a sample object, and "like" is an element expressing comparativeness and simile.

If we have a glance to the essence of the word "simile" it came from the word "simile — similar". So, we can render simile into Uzbek with one word like likening. Simile is considered as a stylistic device which is used to compare the nature of a person and an object with the nature of another person or thing. We can think that simile is fully related to comparing. The reason is that it is very easy to notice the

expression of comparativeness in the statement in which simile is expressed.

It's worth paying attention that when simile was spoken about it was always related with metaphor and the differences and similarities between these two stylistic devices were shown in all sources. Linguists often come across difficulties in differentiating simile and metaphor. Because, they both are different forms of comparativeness.

The main difference between them is that in metaphor we use another one word or concept to express one concept in speech.

She is an early beard.

This can be an example for metaphor. In order to change it into simile we can put this sentence on the following transformation:

She feels like an early beard.

It's necessary to pay attention that in the first example two objects are directly compared with each other, and in the second the connector "like" is used to compare.

The conjunction "as ... as" is also considered as the main conjunction in expressing simile. We can give the following example to it:

— as lonely as a cloud, — as white as snow,

— as black as ink, — as sick as a dog.

Simile is a form of speech which compares two dissimilar objects often with the help of the conjunctions "like" and "as". Although simile and metaphor are connected with the comparativeness, the formation of simile and comparativeness is the same but the formation of metaphor differs from theirs. Because, the conjunctions "like" and "as" are not used in the expression of metaphor. For example:

Simile — I'm as blue as the devil.

Metaphor — I'm her blood

Let's try to illustrate the difference between simile and metaphor shortly. If simile is considered as a stylistic device, which likens one thing to another with the help of the conjunctions "like", and "as", metaphor is a stylistic device, which likens one thing to another using another word or phrase i. e. if simile says one thing like the other, metaphor calls one thing with the name of another thing.

As we are talking about simile, we prefer to come to such conclusion like the following. If simile compares two objects, which belong to different classes in order to increase the emotionality of speech, comparativeness compares objects belonging to one class. By this idea we cannot say that there is no comparativeness expressed in the sentence in which simile is expressed. But simile cannot be expressed in the sentence in which pure comparativeness is expressed. For example:

He stood as silent as the rest — pure comparativeness;

He stood as silent as a stone — simile and comparativeness.

And below we'll talk about the stylistic device — metaphor. Looking through the information taken from scientific literatures and the internet, we can see that metaphor is different from comparativeness and simile and owns its own particular area which. The reason of this is that although the three phenomena — comparativeness, simile and metaphor are based on the comparing and likening two objects, the structure of metaphor is fully different.

Metaphor is shorter than simple comparativeness. Comparativeness enlarges the speech but metaphor shortens it. The structural difference between them is suitable to the difference between their meanings. Comparativeness considers permanent and temporary likenesses. For example:

The floor was polished like a mirror.

And metaphor identifies only permanent and deep likeness.

Life is a battle, dear.

The below situation cannot be an example to metaphor. Because the permanency doesn't exist in the likeness expressed in it.

Yesterday life was a battle. [2]

Metaphor puts closer the objects which belong to different classes. Metaphor takes the object away from the class to

which it belongs and includes it to another class, which is not categorically unsuitable. It can also make objects opposite to each other comparing them. For example:

You are a brick (not a man).

It is possible to show the substantial conception and difference between various shapes of it with the help of the example “Jennie is our treasure” from the view point of comparison. At first, one can catch the meaning like “Jennie is dear”, from this example. At the second time close ideas like “Jennie is like treasure”, (in being dear) will be proved. In the first and second views, metaphor is not used but its equivalents are used in them.

On the basis of above theories about metaphor we come to such conclusion. The possibility of comparativeness's expression is limited in the example in which metaphor is expressed. And we have observed that metaphor is expressed at the result of comparativeness.

But it is necessary to highlight that metaphor squeezes out comparativeness from a sentence in which it is expressed. We can show the former sentence as an example.

Jennie is dear like treasure, → Jennie is like treasure, → Jennie is our treasure.

References:

1. Арнольд И. В. Стилистика английского языка. — Москва: Флинта, 2005. — 283 с.
2. Блэк М. Метафора // Авторский материал, Филология, — Москва, 2008. — 18 с.
3. Бобохонова Л. Т. Инглиз тили стилистикаси. — Тошкент: Ўқитувчи, 1995. — 144 б.
4. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. Учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва: Высшая школа, 1977. — 332 с.

English syllable and its structural properties

Qosimova Madina Zaynobiddinovna

Andijan state university, Uzbekistan

This article is devoted to the problems of the syllabic structure of English words, to the analysis of one of its internal substructures — codas, their combinabilities and permissible combinations of phonemes (phonotactic rules) in codas in English.

If we have a look at **the structural properties of syllable** we observe that syllable consists of a central peak of sonority and the consonants that cluster around this central peak. According to one of the oldest conceptions the syllable consists of a vowel, surrounded by consonants. If the function of the vowel in the syllable is to serve as its nucleus or peak, then the function of the consonants is to be the margins of the syllable. Syllables have the following formal internal structure: onset (initial consonant cluster), nucleus and coda (final consonant cluster) and the structural formula for the English syllable can be drawn as:

So a syllable is a unit of sound composed of a central peak of sonority (usually a vowel) and the consonants that cluster around this central peak and these clusters consist of combinations of allowable segments and typical sound sequences. If we analyse **the structural properties of the syllable** we observe that syllables require a nucleus, which is usually a vowel, and optionally onset or coda, which are usually consonants or consonant clusters:

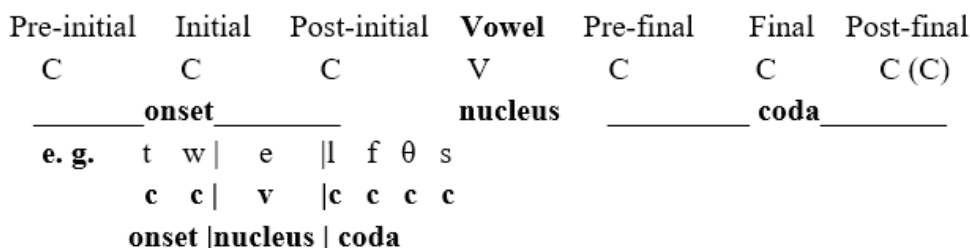
- **Onset**-Initial segment of a syllable, Optional
- **Nucleus**-Central segment of a syllable, Obligatory
- **Coda**-Closing segment of a syllable, Optional

In case when the syllables have an onset (the **initial segment** of the syllable) in English words they may start with 1, 2 or 3 consonants and its presence is **optional**.

The central segment of the syllable which is the peak of sonority is called the “nucleus” and usually the nucleus

is a vowel, although the sonorants [l, m and n] can also be the nucleus of a syllable in English, but this property of the above mentioned sonorants is not investigated in our research, consequently such consonant combinations as

C+S (sonorant) in the following words are not taken into account- [(r)iðm], [(s)i:zn], [(p)ensl]. The nucleus, as the term suggests, is the core or essential part of a syllable and its presence in a syllable is **obligatory**.

As it has already been mentioned the consonant or the consonant cluster, which follows the peak of sonority, is called the “coda” (**closing segment** of the syllable) and its presence is **optional**.

A coda-less syllable of the form CV [ti:], CCV [traɪ], CCCV [strɔ:] is called an open syllable (or covered), while a syllable that has a coda (VC [it], VCC [a: sk], VCCC, [a: sks] etc.) is called a closed syllable (or covered).

Thus, syllable can be abstracted as a consonant-vowel-consonant syllable, abbreviated as CVC. Languages vary greatly in the restrictions on the sounds making up the onset, nucleus and coda of a syllable. These are restrictions on the number and type of segments that can combine to form syllables and words and they vary greatly from one language to another.

The syllabic structure of a language like its phonemic structure is patterned which means that sounds of the language can be grouped into syllables according to certain rules (phonotactic rules). Phonotactic possibilities of a language determine the rules of syllable division and the capability of consonant and vowel phonemes to be combined. In our research we tried to investigate the nature of the coda substructures of the syllable — VC (coda 1), VCC (coda 2), VCCC (coda 3), VCCCC (coda 4) and all the possible variants of codas with maximal allowable components in the syllable and their combinability with the nucleus. The investigations are based on the materials taken from “English pronouncing dictionary” 15th ed. by D. Jones, ed. by P. Roach, I. Hartman-Cambridge, 1997.

The analysis of the internal structure of syllables in English words has shown that in the position of the nucleus we may find all the English vowel phonemes and they combine with the elements of the coda (consonants) according to phonotactic rules of the language.

The analysis of the nature of nucleus in English syllables gives us grounds to affirm that all the 20 vowel phonemes of English may perform the functions of syllable nucleus in English words.

The analysis of codas in words has shown that the English language allows syllable codas with one, two, three and four consonants. So in English the syllable is formed by any vowel

alone or in combination with one or more consonants — not more than four in codas. The analysis of English codas of the type VC [i: t], VCC [i: ts], VCCC [a: sks], VCCCC [(t) eksts] and the distribution of phonemes in these subtypes give us the ground to speak about the following results.

According to the number of participating segments in a syllable the following types may be distinguished- light, heavy and super-heavy.

English syllable codas with one consonant (coda 1) may form 20 combinations with the nucleus out of possible 24 combinations. Among all the 24 consonant phonemes of English, the phonemes [h, w, j, and r] cannot be combined with any type of nucleus.

The number of consonants which can be found in the final position of the codas with three consonants (coda 3) is 4, i. e. the consonants [t, s, z and θ].

In codas with four consonants in the final position (coda 4) the only consonant phoneme [s] is found.

It is often assumed that the beginning of a syllable is similar to the beginning of a word, and the ending of a syllable is similar to the end of a word. If so, a syllable in English can contain up to three consonants at the beginning, as in *strike*, and up to four consonants at the end, as in *texts*. If so, the maximal English syllable onset can be CCCV [strɔ:] and the maximal English syllable coda is VCCCC [(t) eksts].

Investigations made in the nature of codas in English syllables allow us to make the following conclusions:

- The English language allows close syllables (codas).
- In English phonotactic rules determine which sounds are allowed or disallowed in each part of the syllable. English allows very complicated syllables- syllables may begin with up to three consonants (as in *string* or *splash*), and occasionally end with as many as four (as in *prompts*).
- Every subsequence contained within a sequence of consonants must obey all the phonotactic rules.
- The glottal fricative [h] and sonorants [r, j, w] never occur in the coda of a syllable.
- When a syllable coda has more than one consonant, the more sonorous sounds tend to be first, followed by less sonorant sounds. In other words, sonorant sounds tend to be closer to the syllable nucleus.

Table 1

Nucleus	Coda 1 v+c	Coda 2 v+c+c	Coda 3 v+c+c+c	Coda 4 v+c+c+c+c	English consonants
E N G L I S H	[ʌp]	[(l)æmp]	-	-	P
	[(l)æb]	[(b)ʌlb]	-	-	B
	[it]	[i:st]	[(t)ekst]	-	T
	[ɔd]	[(t)end]	-	-	D
	[(k)uk]	[(t)a:sk]	-	-	K
	[(l)ɔg]	-	-	-	G
	[i:tʃ]	[(l)ʌntʃ]	-	-	tʃ
	[edʒ]	[(r)eindʒ]	-	-	dʒ
V O W E L	[if]	[elf]	-	-	F
	[ɔv]	[(tw)elv]	-	-	V
	[(t)u:ə]	[(t)enə]	[(s)iksə]	-	ə
	[(w)ið]	-	-	-	ð
	[ʌs]	[i:ts]	[a:sks]	[(t)eksts]	S
	[iz]	[(b)edz]	[(b)ɔndz]	-	Z
	[(w)ɔ]	[(w)elʃ]	-	-	ʃ
	[(r)u:ʒ]	-	-	-	ʒ
P H O N E M E S	-	-	-	-	H
	[il]	-	-	-	L
	-	-	-	-	R
	-	-	-	-	J
	-	-	-	-	W
	[(d)u:m]	-	-	-	M
	[ɔn]	-	-	-	N
	[(t)ʌŋ]	-	-	-	ŋ

— The second consonant in a two-consonant coda cannot be [g, ʒ, ð, h, l, r, j, w, ŋ].

— If the second consonant in a complex coda is voiced, the first consonant in the coda must also be voiced.

— Only the consonants [t, s, z and θ] can be found in the three-consonant codas.

— In the position of the final element of the four-consonant coda only the following consonant is found — [s].

References:

1. Абдуазизов А. А. Об основных проблемах системной фонологии. Хорижий филология №3, 2011й., Самарканд.
2. Abduazizov A. A. English phonetics. A theoretical course. 3-revised edition. Tashkent, 2007.
3. Alimardanov R. A. — Pronunciation theory of English, Tashkent, 2009.
4. Торсуев Г. П. — Вопросы фонетической структуры слова. М. — Л., 1962.

Особенности ведения переговоров с китайскими предпринимателями

Кулантаева Лия Ильдаровна, магистрант
Оренбургский государственный университет (г. Оренбург)

Благородный человек ищет справедливость, а низкий — выгоды
Конфуций (551–479 до н. э.)

Этика деловых отношений в Китае основана на 2500-летней конфуцианской философии. Современный конфуцианский бизнесмен применяет конфуцианские принципы доброжелательности, правильности (yi),

приличия (li), мудрости (zhi) и надежности (xin) к своей деловой практике. Конфуцианское мышление в течение нескольких тысячелетий формировало этическую практику ведения бизнеса в Китае, предоставляя «доморощенные»

решения, которые могли бы работать не только в Китае, но и на Западе.

Безусловно, культура ведения деловых переговоров в Китае существенно отличается от ведения переговоров в России. Понимание/знание особенностей китайского бизнес-этикета важно для успеха, это позволит избежать смущения и сосредоточиться на важных вопросах в критических ситуациях.

Бизнес-менталитет.

Китайские предприниматели будут ожидать от Вас быть хорошо подготовленными к встрече. Для мужчин является нормой классический костюм нейтральных оттенков, а женщинам следует избегать высоких каблуков и блуз с открытыми рукавами. Язык тела и движения — это то, что нужно постоянно контролировать при ведении бизнеса в Китае. Необходимо сохранять спокойствие и собранность. Поза тела должна быть формальной и внимательной, поскольку она демонстрирует самообладание и уважение.

Собираясь на переговоры с китайскими бизнесменами, следует помнить о пунктуальности, ведь она жизненно важна. Опоздание — серьезное нарушение китайской этики деловых отношений. Представители китайских предприятий предпочитают ездить большими делегациями, поэтому для встреч и переговоров следует подготовить как минимум 20 экземпляров всех письменных документов, а весь презентационный материал оформить в черно-белой цветовой гамме.

Общепринятыми приветствиями являются поклон, кивание, рукопожатия, но следует дожидаться, когда китайцы протянут руки. Что касается правил вежливости, к большинству людей следует обращаться по должности, следующей за фамилией. Часто китайцы используют прозвища, чтобы помочь западным коллегам.

Разговор ни о чем, или так называемый «small talk» считается особенно важным в начале встречи, именно он задает тон предстоящим переговорам. Прежде чем заключить сделку/подписать контракт, китайцы предпочитают установить прочные отношения, поэтому порой необходимо встретиться несколько раз, чтобы достичь своих целей. Непосредственно во время встреч весьма важно сохранять хладнокровие, так как слишком бурное проявление эмоций может негативно сказаться на исход переговоров. Часто можно заметить, что китайцы задают вопросы, касающиеся семейного положения, семьи и возраста. Это делается для того, чтобы быстро найти общий язык с теми, с кем они работают.

Этика деловых отношений Китая включает в себя принцип максимальной информативности. Партнеры собирают подробную и детальную информацию о Ваших предложениях и никогда не примут поспешных решений без изучения всех нюансов. Что касается принятия решений, то китайцы стремятся расширить переговоры сверх согласованных сроков, чтобы получить некоторое преимущество. Многие китайцы захотят проконсультироваться со звездами или дождаться счастливого дня, прежде чем они примут решение.

Ваше терпение будет высоко оценено, если Вы с пониманием отнесетесь к их проволочкам и не будете загонять своих партнеров в «жесткие» сроки.

Обычно в Китае бизнесмены входят в зал заседаний в иерархическом порядке. Будьте внимательны — тот, кто первым зайдет в комнату, и будет считаться главой делегации.

Наиболее благоприятными периодами проведения переговоров являются промежутки с апреля по июнь и с сентября по октябрь. Рабочее время китайцев с 8:00 до 17:00, с понедельника по пятницу. Но многие китайские работники делают перерыв между 12:00 и 14:00, в течение которого перестает работать практически все — от лифтов до телефонных услуг.

Искусство беседы.

Китайцы оценят, если Вы сможете использовать несколько слов по-китайски, но нужно быть твердо уверенными в значении и соответствующих случаях применения. В китайской культуре, вопросы «Вы ели?» или «Где вы были?» являются признаком любезности и эквивалентными традиционным «Как дела?» в западной культуре. Поэтому не нужно принимать это буквально и вникать в ответ. Лучше просто ответить «Да», если Вы уже поели, либо просто улыбнуться и сказать «Спасибо!».

Популярными темами для разговоров являются темы о Китае: искусство, достопримечательности, климат и география. Также можно упомянуть о своих путешествиях в другие страны и, конечно же, положительных эмоциях / впечатлениях о Китае. Но следует избегать политических дискуссий, таких как Культурная революция, Мао Цзэдун, права человека, обращение с животными и вопросы Тибета и Тайваня.

Китайцы очень осторожны в отношении негативных высказываний. Например, отрицательные ответы считаются невежливыми, поэтому предпочтительно найти альтернативы («Я подумаю об этом», «Возможно», «Посмотрим») вместо категоричного «Нет». Соответственно, если Ваши китайские коллеги говорят «Небольшая проблема» или «Проблема не является серьезной», это означает, что все еще есть проблемы, возможно серьезные.

Язык тела.

За языком тела и движениями необходимо постоянно осознавать при ведении переговоров. Как упоминалось выше, нужно сохранять спокойствие, собранность и контроль. Поза тела всегда должна быть официальной и внимательной, поскольку она демонстрирует самообладание и уважение. Следует внимательно следить за движениями своих рук, ни в коем случае нельзя прикладывать руки ко рту, кусать ногти, удалять пищу из зубов — все это считается грубым поведением.

Визитные карточки.

Одним из важных пунктов деловых переговоров в Китае является обмен визитными карточками, это обычная практика, поэтому не забудьте взять с собой достаточное количество.

Целесообразно оформить одну сторону на английском языке, а другую — на упрощенном или традиционном китайском языке, в зависимости от региона. Обязательным условием является указание своего профессионального статуса, именно так Ваши коллеги определяют, кого приглашать на собрания, порядок выступлений и даже Ваше месторасположение за столом заседаний. Кроме того, если ваш бизнес является самым старым, самым крупным или имеет какое-то другое престижное различие, также укажите об этом. Золото — цвет престижа и процветания, поэтому, если вы напечатаете визитные карточки в золотых чернилах, у них будет именно такая интерпретация.

В первую очередь карточки раздают высокопоставленным должностным лицам. В Китае карту подают и принимают двумя руками, необходимо убедиться, в том, что китайская сторона обращена к получателю. Найдите минуту, чтобы внимательно изучить карту и только после этого ее можно отложить в сторону.

К последнему десятилетию двадцатого столетия скандалы, связанные с дорогими подарками, стали настолько распространены в деловых и политических кругах Китая, что правительство издало указы, запрещающие такую практику. Поэтому на официальные деловые встречи не рекомендуется приносить подарки. На данный момент в китайском деловом этикете приемлемыми считаются личные подарки при рождении ребенка, повышении в звании, а корпоративные — на Новый Год.

Деловые и официальные банкеты.

Чаще всего официальные банкеты для иностранных делегаций проводятся в отелях международных гостиниц. Необходимо следовать указаниям принимающей стороны и приступать к трапезе рекомендуется только после хозяев, на тот момент на столах Вас уже будут ожидать холодные блюда.

На официальных банкетах и в элитных ресторанах обслуживающий персонал осуществляет постоянную смену блюд. Вначале это может отвлекать, но вскоре Вы перестанете замечать. Во время банкета обычно подается от 20 до 30 блюд (мясо различных сортов, рыба, рис, пельмени, лапша и т. д.), главное попробовать немного каждого блюда.

Также важно знать, сколько есть. Оставлять пустую тарелку означает, что Вам было предложено недостаточное

количество пищи, если не касаться вашей еды, то это может быть принято как знак неуважения.

Если вас приглашают на выпивку — не нужно отказываться, поскольку построение личных отношений («гуаньси — 关系») во время вашего бизнеса очень важно. К сожалению или нет, часто это подразумевает участие в культуре питья, существующей в стране.

Хозяева начинают банкет с тостами за Ваше присутствие / дружбу / сотрудничество / знакомство друг с другом / заключение сделки. Вы можете ответить взаимностью, Ваши слова должны быть теплыми и искренними, а ваш тост не должен быть длиннее тоста хозяина банкета.

Банкет, как правило, является общественным событием в формальном контексте. Дискуссия, вероятно, будет сосредоточена вокруг любезностей, общей информации об этом регионе или компании, но это не время для переговоров.

Чаще всего банкеты не затягиваются. Официальные обеды, как правило, заканчиваются внезапно, когда старший член принимающей стороны встает (за ним быстро следуют сотрудники и подчиненные), вкратце благодарит гостей за посещение и выходит из зала. Это может показаться внезапным в первый раз, но это просто способ завершить это событие.

Числа.

При ведении переговоров необходимо всегда обращать внимание на цифры и их значимость. Например, 8 — самое удачное число в китайской культуре; 6 считается благословением для прогресса, а 4 — это число табу, потому что оно звучит как слово «смерть» и считается несчастливым.

Проведя статистический анализ деловых переговоров с Китаем, можно сделать выводы о том, что 70% выгодных контрактов не были заключены именно из-за незнания основ делового этикета КНР. Знание тонкостей этикета Китая, особенностей мировоззрения и поведения поможет успешно проводить переговоры и заключать сделки.

«Китай не нуждается в навязывании западных рамок в качестве решения, он имеет свои собственные рамки для выработки решений проблем деловой этики, перед которыми стоят ключевые идеи, одинаково уместные и для западного контекста».

Литература:

1. Маслов А. А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. — М.: РИПОЛ классик, 2010. — 37–42 с.
2. De Mente, Boye. Chinese Etiquette & Ethics in Business. — 2nd Edition. — NTC Contemporary, 1994.
3. <https://www.todaytranslations.com/doing-business-in-china>
4. De Mente, Boye. Etiquette Guide to China — Tuttle Publishing, 2008. 45–53 с.

Категории интенсивности и деинтенсивности

Лутфуллина Альфия Ахмадфаридовна, преподаватель
 Кокандский государственный педагогический институт имени Муками (Узбекистан)

С бурным развитием нашего общества в нашу жизнь проникают все новые слова и термины. Не каждый человек встречал такие понятия, как «интенсификация» и «деинтенсификация». Каждое понятие имеет противоположное своему значению слово. Так, изучая интенсификацию, мы сталкиваемся с ее противоположным понятием деинтенсификацией, исследование которой, является одним из обсуждаемых вопросов современной лингвистики.

В целом термины интенсивность, деинтенсивность, усиление, ослабление, интенсификатор, деинтенсификатор в последнее время притягивают к себе наибольший интерес лингвистов. Проблема в том, что категории интенсивности и деинтенсивности — категории относительно новые и, помимо того, категории открытые и мало изученные. Д. Болинджер, пишет, что «слова градации нестабильны, неустойчивы по своей природе» [1]. Подобные «слова градации» склонны к стабильности своих значений усиления или ослабления. Эти лексемы имеют в словарях статус наречия. Многие слова, обладающие интенсивностью изменяют количество значения своего ключевого слова как в сторону его ослабления, так и в сторону усиления.

Лингвисты, изучая усиления значения слов, обращали своё внимание и на изучение отрицание или ослабление,

что на сегодняшний день является одной из спорных проблем языкознания. Существует немало работ посвященных этой проблеме. Как и категория интенсивности, также и категория деинтенсификации выражает соотношение языка и мышления.

Деинтенсификация — это ослабление значения слова, т. е. отклонение от нормы себе подобных. Между двумя этими противоположными категориями находится целая шкала промежуточных семантических значений, приближающих от нормы к усилению или к ослаблению значения слова.

Эти категории можно проанализировать при построении шкалы градации. **Градация** — является стилистическим приемом, способным передавать семантику интенсивности и деинтенсивности. Если признак обладает градуальностью, то образуется шкала градуальности, где за исходную точку берется норма или мера признака, а отклонение от этой нормы в возрастающую или убывающую сторону и есть определенная степень проявления признака. Стоит заметить, что лексические единицы выше нормы антонимичны единицам стоящим ниже нормы. Приведенная в пример в статье С. С. Кадысева «Категория интенсивности в системе функционально-семантических, функционально-стилистических категорий». [2]

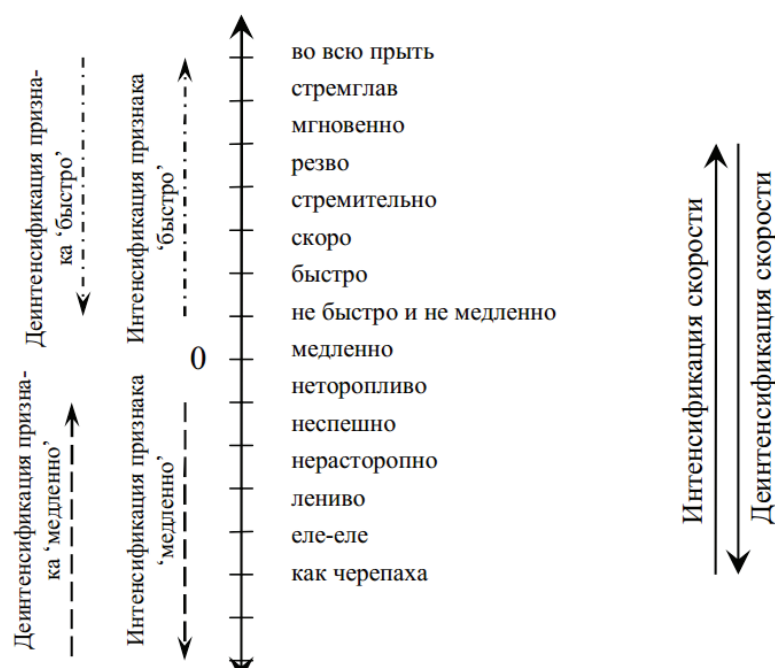

Рис. 1.

В данной шкале градуальности у признака «скорость» можно заметить два явления: движение по шкале выше нуля указывает на признак интенсификации (усиление зна-

чения признака), а ниже нуля определяет признак деинтенсификации (ослабление значения признака). Просмотрим этот же пример на английском и узбекском языках:

Like stink (as fast as one can) — lickety — split — in a trice — frisky — thick and fast — quickly — fast — **not fast not slow** — slowly — unhurriedly — sluggishly — idly — barely — as tortoise.

Shitob bilan chopmoq — oyoqni qo'lga olib (zing'illab) yugurmoq — ko'z ochib yumguncha yugurib kelmoq — chopqirlik (yugurilik) — jon — jahd bilan yugurmoq, jadallik bilan yugurmoq, tezlik bilan yugurmoq, **tez ham emas, sekin ham emas** — sekin, ohista yurish, asta — sekin qadan tashlab, sudralib, imillanib, zo'rg'a qadam bosib — toshbaqadek. [3]

Из этих примеров следует, что градационный ряд выражает усиление одного признака и ослабление другого, их различает лишь движения вверх или вниз по шкале градуирования. Взаимосвязь категорий интенсивности и гра-

дуальности выражается в использовании одинаковых лексических единиц языка, которые отражают оценку степени проявления признака.

Несхожесть заключается в том, что целью интенсивности и деинтенсивности является придание признаку значение усиления или ослабления, а для градуальности важна последовательность лексических единиц речи по порядку нарастания или убывания степени проявления качества. Категория интенсивности выражает усиления значения признака от нейтральной нормы, а категория деинтенсивности — ослабление значения признака от нормы и придает ему эмоционально — окрашенную семантику, в то время как категория градуальности указывает на определенную позицию слова на шкале градуальности.

Литература:

1. Bolinger D. Degree Words/ D. Bolinger. — The Hague. — Paris, 1972. — 18 p.
2. С. С. Кадысева «Категория интенсивности в системе функционально-семантических, функционально-стилистических категорий». Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 12, № 5, 2010. С. 197.
3. Русско-узбекский словарь. Академия наук. Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина. Ташкент. 1983.

К вопросу о понятии «язык для специальных целей» и термине, его обозначающем

Москаленко Полина Ивановна, магистрант
Московский государственный областной университет

В статье рассматривается происхождение и содержание термина «язык для специальных целей». Описываются основные исторические периоды, повлиявшие на становление современного ЯСЦ, приводятся его основные языковые характеристики. Каждый исторический период описывается с точки зрения исследователей и лингвистических школ, оказавших наибольшее влияние на развитие ЯСЦ.

Ключевые слова: язык для специальных целей, лингвистика, история понятия ЯСЦ, научная речь

Наблюдающееся в настоящее время стремительное развитие всех отраслей науки и техники, появление новых разнообразных технологий и методик с неизбежностью повлекло за собой значительное расширение многообразных международных профессиональных контактов, для осуществления которых необходимо особое внимание к выбору средства общения. Таким средством общения является *язык для специальных целей*. Следует заметить, что само понятие «язык для специальных целей» и составная лексема, служащая его вербальным обозначением, имеют разную историю своего происхождения.

Проведенный анализ научных работ, посвященных исследованию самого понятия «язык для специальных целей», позволяет выделить в истории его появления несколько периодов.

Первые попытки выделения специальной разновидности языка, обслуживающей научные отрасли, обнаруживаются в работах представителей Пражской лингвистической школы и отечественного лингвиста Л. В. Щербы.

Пражская школа (Пражская лингвистическая школа, Пражский лингвистический кружок, Пражская школа функциональной грамматики, Пражский структурализм) — особое направление в языкознании. Его представители значительное внимание уделяли изучению особенностей функционирования языковых средств в речевых ситуациях.

Из представителей Пражской лингвистической школы следует выделить Б. Гавранека, который предпринимал попытку категориально подойти к описанию функционально-стилистических свойств языковых единиц и говорил «о наличии у языковых единиц определенных свойств, присущих им в обычном речепотреблении, о возможности ограничений в проявлении этих свойств и возможности дальнейшего, более полного их развития» [Navránek 1964] (цит. по: [4, с. 16]). Как указывает А. И. Комарова, Б. Гавранек различал «язык повседневного общения», «технический подъязык», языки «науки» и «поэзии» [4, с. 16].

Необходимо заметить, что немногим ранее подобную мысль высказывал английский филолог Генри Суит (ра-

бота «The Practical Study of Languages», 1913 г.), противопоставляя разговорную (spoken) и литературную (literary) форму языка. А также «язык рассматривали как неоднородное явление в функционально-стилистическом плане» М. Уэст и Г. Пальмер [Комарова 2004; West 1960; Piaget 1937] (цит. по: [3, с. 31]).

Приблизительно в это же время (30-е годы XX века) академик Л. В. Щерба указывает на «наличие глубинных различий между разговорным языком и языком литературным» (цит. по: [4, с. 4]). Известно, что Л. В. Щерба, занимаясь решением вопросов методики русского языка, приходит к выводу о необходимости учета целей его изучения с применением различных методов для преподавания.

Следовательно, *первый период* в истории понятия «язык для специальных целей» относится к началу XX века, когда в 30-е годы подход к исследованию функционирования языка характеризуется преобладанием метода логического анализа и когда вновь умами ученых овладевает идея создания искусственного языка, способного убрать границы в общении специалистов.

Второй период можно обозначить рамками 50–60-х годов XX века, когда складывается структура самостоятельной научной отрасли, получившей название «стилистика».

По мнению А. И. Комаровой, «Функциональная стилистика 50–60 гг. не сводилась к изучению поэтического языка, как это имело место в 20-е годы в работах А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, Б. А. Ларина, В. В. Виноградова, Ю. Н. Тынянова, и не ограничивалась изучением особенностей какого-либо конкретного регистра, как это осуществлялось в отношении устной разговорной речи Л. П. Якубинским и в отношении газетной речи Г. О. Винокуром» [4, с. 5].

В процессе многочисленных дискуссий исследователи искали ответы на такие проблемные теоретические вопросы, как определение понятия «стиль», дифференциальные признаки стиля, отличительные характеристики языкового стиля и речевого, выявление принципа классификации стилей, соотношение лингвистического и экстралингвистического, культура речи и культура языка, взаимоотношения культуры речи и стилистики как языковедческих дисциплин, принципы выделения функциональных разновидностей языка и речи, связь между этими разновидностями и формой речи (устной и письменной), место художественного стиля и разговорной речи в стилистической системе национального языка и т. д.

Перечисленные вопросы обсуждались на научных конференциях и нашли свое отражение в работах таких выдающихся филологов, как О. С. Ахманова, Д. Д. Благой, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Т. Г. Винокур, Е. М. Галкина-Федорук, А. И. Ефимов, Е. А. Земская, М. Н. Кожина, В. Г. Костомаров, Э. Г. Ризель, О. Б. Сиротинина, Л. В. Скворцов, Ю. С. Сорокин, Г. В. Степанов, Ф. П. Филин, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелев и многие другие. В результате многочисленных дискуссионных обсуждений, прошедших в этот период, было сформулировано определение

понятия «стиль» и связанных с ним других основных понятий и категорий стилистики, были выявлены принципы классификации стилей, определены границы между стилистикой языка и стилистикой речи, выделена стилистика художественной литературы. И все-таки, многие проблемные вопросы так и не получили однозначного своего решения.

В 60-е годы XX века начинается *третий период* в истории формирования понятия «язык для специальных целей». Этот период характеризуется тем, что постепенно в научный обиход вводятся такие понятия (и термины, их обозначающие), как «функциональный стиль», «регистр», «жанр» научной речи. Внимание исследователей переключается на синтаксическую структуру текстов, связанных с LSP. В отечественной лингвистике формируется особое направление — теория языка для специальных целей. Но при этом следует заметить, что складывающееся новое направление в центр своего внимания ставит иностранные LSP (чаще всего — английские).

Датой рождения английского языка для профессионального общения принято считать 1962 год, когда была выдвинута теория, согласно которой английский язык различается в зависимости от содержания передаваемой информации. В конце 1960-х — начале 1970-х произошел значительный прорыв в исследовании природы различных видов английского языка: в частности, были описаны письменные научный и технический языки.

С 80–90 гг. XX века по настоящее время сформировано современное понимание понятия «язык для специальных целей» и это понятие имеет два обозначения: LSP и ЯСЦ.

Можно говорить о том, что *язык для специальных целей* рассматривается как полная совокупность языковых средств, используемых в устном и письменном текстах, признается его тесная связь с «языком для общих целей» (Language for General Purposes — LGP), или обыденным языком.

Наиболее подробное описание специфики LSP наблюдается в работе О. С. Ахмановой и Р. Ф. Идзелиса «What is the English We Use?» (1973). Важным достижением этой книги являются наблюдения, затрагивающие языковые характеристики научного регистра. О. С. Ахманова и Р. Ф. Идзелис на основе анализа научных текстов выделили основные понятийные группы, поднявшись до уровня словосочетаний.

Продолжение указанных исследований отражается в монографии «Методология и методика преподавания английского языка» В. В. Васильева и Т. Б. Назаровой, где «на материале текста книги «What is the English We Use?» проведен детальный анализ особенностей речепотребления языковых единиц в филологическом LPS» [4, с. 24].

С другой стороны, в 1977 г. была выпущена работа М. М. Глушко «Синтактика, семантика и прагматика научного текста», посвященная описанию особенностей регистра научной речи и развивающая идеи О. С. Ахмановой и Р. Ф. Идзелиса. В книге дана подробная характеристика общенаучного текста. Перечисленные работы О. С. Ахма-

новой и Р. Ф. Идзелиса, В. В. Васильева и Т. Б. Назаровой, а также достижения М. М. Глушко послужили основой для дальнейших исследований ученых, сосредоточивших свое внимание на лексико-фонетическом, морфологическом, грамматическом, морфо-синтаксическом, синтаксическом, лексико-синтаксическом, ритмико-синтаксическом, лексико-фразеологическом и других аспектах структурной и языковой организации научных текстов, а также различным проблемам терминологии [4, с. 24].

В общемировом аспекте вторая половина XX века характеризуется переходом на английский язык, получивший широкое признание в международной науке как язык глобального общения (ESP — English for Specific Purposes). Питер Стревенс, Джек Ивер, Джон Уэллс и др. стали основателями направления ESP. Изначально толчком для развития ESP послужили исследования анализа регистра, включающие грамматику научных и технических текстов.

С начала 80-х гг. среди работ отечественных лингвистов ярко выделяются исследования в области синтагматики С. Г. Тер-Минасовой, А. С. Микоян, Т. Г. Добросклонской, в области нестойкого словосложения и сложных лексических единиц Е. Б. Яковлевой, способов выражения модальности Т. А. Комовой и Л. Д. Долинской. Исследования перечисленных авторов отличает поддержание неразрывной связи языкового материала с понятийными и функциональными характеристиками текстов. Благодаря такому подходу удается «вычленивать» основные свойства языковых единиц научной речи [4, с. 28].

Как пишет А. И. Комарова, «языки для специальных целей / как и любой другой языковой материал / могут исследоваться в двух противоположных направлениях: во-первых, в топологическом плане, когда определенная языковая особенность регистра изучается на максимально большом числе текстов ради себя самой и вне связи с детальным анализом самих текстов, и, во-вторых, в плане составления максимально подробного списка языковых характеристик, присутствующих в конкретном тексте [4, с. 31].

Ко второму направлению описанных исследований (на основе сопоставления целостных текстов) можно отнести получившие свое развитие в конце 70-х гг. — в начале 80-х гг. XX века исследования жанровых характеристик функционального стиля научного текста. Термин «жанр» стал употребляться в отношении «жанров научной речи».

Помимо описанных выше этапов, через которые прошел в своем развитии термин «язык для специальных целей», следует выделить работы, посвященные преподаванию LSP, одной из которых является «Методология и методика преподавания английского языка» В. В. Васильева и Т. Б. Назаровой, выпущенная в 1987 г. Наряду с детальным описанием языковых характеристик LSP, авторы предлагают осваивать перевод словосочетаний и синтагматических последовательностей с английского языка на русский и наоборот, что позволяет подробно изучить контексты и способы их употребления в научных текстах.

В настоящее время наблюдается более гибкий подход к процессу обучения, что приводит к росту числа работ, посвященных методике обучения LSP, основанных на новых социологических, психологических и педагогических подходах.

Современные исследования языка для специальных целей переплетаются с изучением лексикологии и лексикографии, контрастивной лингвистики, социо- и психолингвистики, теории перевода и пр. При этом анализ LSP на сегодняшний день стал тщательным и многогранным, затрагивающим анализ жанра исследуемого текста, его структуры, средств связанности, развития темы, стилистических особенностей, выявление связей текста с визуальными средствами и т. д.

Существуют и другие способы анализа текста на LSP. Они включают в себя анализ различных уровней текста (слов, словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств и др.) и в зависимости от выбранной стратегии исследования относятся к интегративному или кумулятивному подходам.

Резюмируя все изложенное, можно отметить, что в отечественной лингвистике изучение LSP осуществляется в рамках научного стиля. Исследователи рассматривают LSP как одну из разновидностей языка. При рассмотрении LSP в рамках научного стиля помимо анализа морфологического состава изучаются также морфологические особенности, синтаксическая структура и многожанровость.

На сегодняшний день, как утверждает Т. Н. Хомутова, развитие теории LSP происходит в двух направлениях: лингвистическом (функциональный подход к изучению языка как системно-структурного образования) и дидактическом (методы обучения LSP) [7, с. 98]. Если в 60-е годы LSP противопоставлялся языку для общих целей, то сейчас он рассматривается как совокупность языковых средств, используемых в устных и письменных текстах.

При этом обмен научными данными или передача знаний осложняется в виду того, что ученые, специалисты и рядовые представители различных производственно-технических сфер пользуются не просто разными национальными языками, но и оперируют зачастую совершенно отличными вариантами терминологических единиц. Для удовлетворения потребностей международной коммуникации необходима терминологическая и понятийная унификация, что приводит к необходимости выделения языка для специальных целей в отличие от языка повседневного общения.

Учитывая наличие огромного количества лингвистических школ и, соответственно, точек зрения на определение, подходы и методы преподавания LSP, изучение истории понятия языка для специальных целей, его развития, объема, соотношения с понятиями «язык», «подъязык», «функциональный стиль», «жанр», обозначение его места в системе современной лингвистики представляется актуальной темой.

Научное и научно-техническое общение при помощи языка для специальных целей является необходимостью

с общественной и исторической точки зрения. Термин «язык для специальных целей» появился в процессе изучения коммуникации людей, использующих язык для общения на профессиональные темы. ЯСЦ существует в устном и письменном виде, однако его отличительной чертой является сохранение специальных (научных, узкоспециализированных) знаний.

Наиболее точными определениями языка для специальных целей в отечественной терминологии можно назвать описания, принадлежащие Комаровой А. И. и Кудашеву И. С.:

- язык для специальных целей — «особая разновидность языка, обладающая выраженными категориальными — понятийными и языковыми — свойствами» [5, с. 12]; «язык для специальных целей» представляет собой специфическую разновидность «языка в целом», которая используется при общении на ту или иную специальную тему» [4, с. 12].
- «язык для специальных целей — это совокупность естественных или естественно-искусственных языковых средств, использующаяся в какой-либо области знаний и / или деятельности главным образом для передачи предметной информации и отражающая понятийный аппарат, не являющийся достоянием большинства носителей данного национального языка» [7, с. 74].

Как в России, так и за рубежом существует множество вариаций термина «язык для специальных целей». Авербух К. Я. выделяет наличие в немецкоязычных странах наименования Fachsprachen, в англоязычных — Languages for special (specific) purposes, во франкоязычных по названию отраслей: France medicale, France chemie и т. д., что говорит о существовании собственных наименований языка научного общения в разных странах.

Однако, несмотря на неоднозначный характер терминологии, факт необходимости признания языка науки или языка для специальных целей стал очевидным. «Первый европейский симпозиум по вопросам «языка для специальных целей» — т. е. языка, используемого в различных сферах человеческой деятельности, таких, как медицина, право, образование и т. д., был созван в Вене в 1977 г». [2, с. 215].

Литература:

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. — Иваново, 2004. — 252 с.
2. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения: Вопросы методологии. — М.: ЛКИ, 2013. — 280 с.
3. Забросаева И. А., Конурбаев М. Э. От LSP до специализированного дискурса: исторический срез // <http://www.philol.msu.ru>. URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_49_04zabrosaeva.pdf (дата обращения: 30.06.2016).
4. Комарова А. И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). — М.: ЛКИ, 2010. — 192 с.
5. Комарова А. И. Язык для специальных целей (LSP): теория и метод. — М.: МАЛП, 1996. — 193 с.
6. Кудашев И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. — Helsinki: Helsinki University Translation Studies, 2007. — 444 с.

Использование термина «язык для специальных целей» в России первоначально подразумевало использование исключительно английского языка для научных коммуникаций и относилось к сфере преподавания английского как иностранного. Большое внимание (в том числе в рамках конференций) уделялось приемам и методам обучения языку для специальных целей, были разработаны методики обучения английскому языку как языку для специальных целей. Особенности ЯСЦ подробно описаны в монографиях отечественных филологов Комаровой А. И. «Язык для специальных целей (LSP): теория и метод [1996] и Гвишиани Н. Б. «Язык научного общения (вопросы методологии)» [1986].

Следует отметить, что в мире также утвердился термин «English for Special Purposes» (ESP) или более поздняя его вариация «English for Specific Purposes» (ESP). Термин «English for Specific Purposes» используется в исследованиях таких ученых, как П. Стривенс, Дж. Манби и др.

Для обозначения речевой практики (устной и письменной) людей в научной и производственно-технической сферах в настоящее время используются помимо языка для специальных целей следующие термины: *научная речь, стиль научного изложения, научный стиль, профессиональный язык, специальный язык, научно-технический стиль, научно-технический язык, научный язык, подъязык науки, профессиональная языковая подсистема, профессиональная речь, язык профессиональной коммуникации*. Однако в последние годы в русском языкознании активнее всего используется термин «язык для специальных целей» (в сокращенном варианте — ЯСЦ).

К функциям языка для специальных целей как одной из разновидностей национального языка относятся:

- 1) возможность передачи информации или **коммуникативная функция**;
- 2) способность посредством использования языка познавать мир и накапливать опыт или **когнитивная функция**;
- 3) способность сохранять и передавать накопленные знания или **информативная функция**.

Для процесса развития языка для специальных целей (ЯСЦ) характерно взаимовлияние, взаимодействие и взаимопроникновение разноязычной лексики.

7. Хомутова Т. Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // <http://lib.herzen.spb.ru>. URL: http://lib.herzen.spb.ru/text/khomutova_11_71_96_106.pdf (дата обращения: 30.06.2016).

Особенности обращения в английском и русском речевом этикете

Некоз Алексей Владимирович, студент

Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета

В статье рассматриваются некоторые сходства и различия английского и русского речевого этикета, проводится анализ форм обращения, используемых в русских и английских лингвокультурах.

Ключевые слова: *этикет, культура речи, культура речевого общения, лингвокультура, обращение, речевой этикет*

Известно, что язык является основным средством общения людей. С ним связано понятие «культура речи», которое подразумевает правильные формы общения людей.

Большой энциклопедический словарь так определяет понятие «культура речи»: «культура речи — это владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики), а также умение использовать выразительные средства языка в различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи; раздел языкознания, исследующий проблемы нормализации с целью совершенствования языка как орудия культуры» [8, с.247].

Культура речевого общения — многоаспектное понятие, важную роль в которой играет речевой этикет. Большой толковый словарь по культурологии даёт следующее определение понятию речевой этикет: (от французского. *etiquette* — ярлык, этикетка) — совокупность правил и норм поведения, регулирующих внешние проявления человеческих взаимоотношений, составная часть внешней культуры человека и общества. Включает в себя обхождение с окружающими, поведение, манеры [12].

Речевой этикет является неотъемлемой частью национальной лингвокультуры. Современный термин «лингвокультура» В. В. Красных трактует как «воплощенная и закреплённая в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых/речевых процессах культура, явленная нам в языке и через язык» [3, с. 134].

Рассмотрим понятие «обращение». В словаре Ожегова дано следующее определение:

Обращение, — я, ср. 1. см. *обратить*, — *ся* и *обращаться*. 2. Проявление отношения к кому, чему-нибудь в поведении, поступках. 3. Призыв, речь или просьба, обращённые к кому-нибудь [4, с. 434].

В Советском энциклопедическом словаре понятие «обращение» рассматривается как «слово или сочетание слов, используемые для называния лиц или предметов, к которым обращена речь» [9, с. 907].

Г. Д. Томахин выделяет единицы речевого этикета, в зависимости от тем, с которыми они связаны. Среди них

единицы обращения и привлечения внимания (*modes of address*).

Обращение и привлечение внимания по Г. Д. Томахину включает несколько групп единиц речевого этикета

- 1) обращение к незнакомому;
- 2) обращение к знакомому;
- 3) обращение в письме [6, с.74].

С классификацией Г. Д. Томахина сходна классификация Н. И. Формановской и С. В. Шевцовой, которые в книге «Речевой этикет. Русско-английские соответствия» выделяют следующую классификацию обращений.

- 1) привлечение внимания;
- 2) обращение к неизвестному адресату;
- 3) обращение к известному адресату.

Рассмотрим обращения в английском и русском речевом этикете, принимая во внимание обе классификации.

Существуют формы обращения к незнакомому человеку. Обращение к незнакомцу начинается с извинения за причиняемое беспокойство. После этого можно обратиться с просьбой, вопросом и т. д. Для этого употребляются следующие формы обращения: *Excuse me! Pardon me!* и *I beg your pardon!* Здесь наблюдается сходство с русским речевым этикетом. Если перевести, то смысловое различие наблюдается в следующем: *Excuse me!* Извините! *Pardon me!* Простите! и *I beg your pardon!* Прошу прощения! Если нужно предупредить человека, то по-русски мы говорим: «Посторонитесь пожалуйста», а англичане говорят *Pardon me!* [6, с.75].

Эти фразы используются для привлечения внимания совершенно неизвестных людей, при обращении к пожилым людям и к вышестоящим.

Excuse me является общепринятой и универсальной формулой при обращении к незнакомому человеку с просьбой объяснить, как пройти или проехать куда-либо, дать разъяснения по какому-либо вопросу и т. п. [7, с.2]

Выражение *Excuse me* не употребляют при обращении к полицейским, носильщикам и официантам. Принятые обращения: к полицейскому — *Officer!*, к носильщику — *Porter!*, а к официанту — *Waiter!*

Excuse me употребляется в повседневных ситуациях: если нужно найти магазин, спросить дорогу к музею, найти своё место в кинотеатре и т. д. Например, вам нужно пройти в банк, а вы не знаете, где он находится. Вы можете спросить проходящего рядом человека: Excuse, how can I get to the bank?

Фраза Pardon me не настолько употребительна, но она также используется как вежливая форма обращения и может быть извинением за беспокойство. Она приблизительно соответствует русскому «Извините меня». Pardon me, but those numbers aren't right. *Извините (но вы не правы). Эти цифры неправильные* [10, с.111].

Часто в русском речевом этикете при обращении к незнакомому человеку используются формулы обращения без называния: «Простите, как пройти...?», «Извините, можно вас на минутку?», «Простите, можно вас спросить?», «Будьте добры, скажите...» и т. д. Эти формулы используются как в официальных, так и в неофициальных ситуациях и носят нейтрально-вежливый характер [13].

Среди близких друзей, молодёжи используются Hi! Hey! что соответствует русскому «Эй!». В качестве привлечения внимания могут употребляться фразы Look here! I say! Say! *Послушайте! Just a minute! Минуточку/Можно вас на минутку? /Подождите* [6, с.75].

В английском речевом этикете используются такие стилистически повышенные фразы, как Excuse me, I'm sorry to trouble you, but... Для привлечения внимания также может использоваться вежливый вопрос Could you tell me, please? Can you tell me, please? Could you tell me, please? *Скажите пожалуйста... если это вас не затруднит.* Более вежливые и длинные формулы «Не затруднит ли вас сказать мне...», «Прошу прощения за беспокойство, вы мне не скажете» используются в случаях, когда собеседник никуда не торопится [5, с. 42].

Существует множество русских и английских вежливых вопросов для привлечения внимания. Н. И. Формановская даёт такие примеры обращений английского и русского речевого этикета, сходных по лексическому и грамматическому значению, как: *Извините, не могли бы вы сказать...? Excuse me, could you tell me... (please)? Простите, вы не знаете...? Excuse me, do you happen to know...? Будьте добры... Please... Будьте любезны... Would you..., (please)? Would you mind..., (please)? Можно (вас) спросить? May I ask (you) a question?* [7, с.3]

При обращении к неизвестному адресату в английской лингвокультуре используются формы Sir, Miss, Madam. Согласно сложившейся традиции Sir употребляется при обращении к мужчине, старшему по возрасту, званию, должности или социальному положению. Обычно такое обращение используют школьники к учителю, продавцы к покупателям, солдаты к офицерам, официанты к посетителям. Madam — вежливая форма обращения к женщине. Miss — возможная форма обращения к девушке, молодой женщине. Miss может быть и формой обращения покупателей к продавщицам, посетителей кафе и ресторанов к официанткам. Ms.

(Ms — написание, принятое в Великобритании) — «госпожа...» — нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах, которое ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней в том случае, если её семейное положение неизвестно или она сознательно подчёркивает своё равноправие с мужчиной. Данное обращение появилось в 1950-х годах; вошло в употребление с 1970-х годов по инициативе феминистского движения [11].

При обращении к родственникам используются такие формы, как grandmother, grandma *бабушка*, grandfather, grandpa *дедушка*, а вот аналога обращения *мать, мамаша, отец, папаша, батя* к незнакомым людям среднего и старшего возраста в английском языке нет.

В США Professor может служить обращением к преподавателю любого ранга в университете, колледже и т. д. В британских университетах Professor + фамилия или просто Professor применяется в качестве обращения к тем, кто имеет соответствующее ученое звание, заведует кафедрой [7, с.6].

При обращении к аудитории в английском речевом этикете используется фраза Ladies and gentlemen! *Дамы и господа!* Выбор формы обращения зависит от статуса мероприятия, состава аудитории и ее численности.

В американской лингвокультуре при обращении к знакомому используются общепринятые формы обращения: к мужчине Mr + фамилия (Mr Brown), к замужней женщине Mrs + фамилия (Mrs Brown). Также можно обратиться к женщине независимо от семейного положения, используя форму Ms + фамилия [6, с.75].

При обращении могут использоваться официальные титулы. Например, Doctor White при обращении к врачу, Professor Smith при обращении к профессору. Военское звание ставится перед фамилией военного — Captain Grant.

Как и в русской, так и в английской лингвокультурах существуют обращения к близким в кругу семьи. Обычно дети употребляют такие обращения к своим родителям, как dad, daddy *папа, папочка*, mummy *мама, мамочка*. Обращения sonny *сын*, sis *сестрёнка*, bro *братишка*, buddy *приятель*, кореш также используются в обращениях. Darling *дорогой, дорогая*, sweetheart *возлюбленная, возлюбленный*, baby (крошка, девочка моя) обычно используются в отношении к возлюбленным, супругам.

В качестве обращения к хорошо знакомым, близким людям чаще всего используются собственные имена и уменьшительные формообразования имён.

Например, в русской лингвокультуре в зависимости от степени знакомства и родства используются такие обращения, как Рита, Риточка; Таня, Таня, Танечка; Алёша, Лёша, Лёшенька и др.

В английском языке также имеются уменьшительные суффиксы, которые придают именам ласковое звучание и имеют фамильно-разговорную и положительную эмоциональную окраску. Например, Margaret: Meg, May, Margery, Peg, Rita, Elizabeth: Lisa, Elsie, Libby, Beth, Bet, Betty, Betsy, Bess, Bessie, William: Will, Willie, Willy,

Bill, Billy и другие. Справедливости ради следует отметить, что они далеко не так широко распространены в английском языке. Фамильно-грубых форм, аналогичных русским «Наташка», «Ленка», «Колька», «Витька» в английском языке нет, равно как отсутствуют и формы обращения «Петровна», «Ивановна», «Васильевич». Слова «тетя» и «дядя» в английском языке функционируют лишь по отношению к родственникам: Aunt Lucy, Uncle Tom.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В результате исследования были показаны особенности употребления форм обращений в английской и русской лингвокультурах. Формы обращения в английском и русском речевых этикетах сходны, но имеются и отличительные черты.

В обеих лингвокультурах используются формулы обращения без называния, например, Hey! Эй!, используются стилистически повышенные фразы Could you tell me, please? Не затруднит вас сказать мне? Русские и английские вежливые вопросы также сходны по форме: May I ask you a question? Можно вас спросить? Как и в русской, так и в английской лингвокультурах существуют обращения к близким в кругу семьи: dad, daddy *папочка*. Имеются формы обращения к незнакомым людям, не характерные для русской лингвокультуры: Sir, Miss, Madam, Mr (Mrs, Ms) плюс фамилия. Фамильно-грубых форм, аналогичных русским «Наташка», «Ленка», «Колька», «Витька», в английском языке нет.

Литература:

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы — М.: 1997. — 331 с.
2. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. — М.: Вече: АСТ, 2003. — 511 с.
3. Красных В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. — № 1. — 2013. — С. 133–141
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1989. — 924 с.
5. Стернин И. А. Русский речевой этикет — Воронеж, 1996. — 73 с.
6. Томахин Г. Д. Реалии — американизмы. Пособие по страноведению. — М.: Высшая школа, 1988. — 239 с.
7. Формановская Н. И., Шевцова С. В. Речевой этикет. Русско-английские соответствия: Справочник. — М.: Высшая школа, 1990. — 125 с.
8. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.
9. Советский Энциклопедический Словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1984. — 1600 с.
10. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. — Bloomsbury Publishing Plc, 2002. — 1029 p.
11. Миз (обращение) // Википедия. — [Электронный ресурс] — URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Миз_\(обращение\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Миз_(обращение)) (дата обращения: 7.05.2017).
12. Большой толковый словарь по культурологии // «Национальная энциклопедическая служба России». — [Электронный ресурс] — URL: <http://terme.ru/slovari/bolshoi-tolkovyi-slovar-po-kulturologii.html> (дата обращения: 7.05.2017).
13. Обращение в русском речевом этикете // Википедия. — [Электронный ресурс] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обращение_в_русском_речевом_этикете (дата обращения: 7.05.2017).

Repeated proper nouns in folklore and written literature

Olloyorov Quvondiq, teacher;
Ruzmatov Ruzmat, teacher;
Madiyorova Volida, student
Urgench State University (Uzbekistan)

It is common to come face some proper nouns which are used in one poem can be used in other poems as well. For instance, the names of the legendary mountains, giants (Qorakhan, Dogiston, Oqtosh, Anqo) and others are utilized repeatedly in different poems.

The researchers D. Abdurakhmanov and H. Bektemirov called them as “returning names” [1, p. 181].

This situation is not only observed in folklore poems, but also in written literature. It is known that the Uzbek have great written and spoken literature. Lots of research has been done in those fields, however we can't say that they are enough.

Analysing repeated proper nouns in the works of written and spoken literature gives you lots of interesting information. The main reason of this generality is that the spoken literature

played the basic role in forming the written literature. Therefore, it is ordinary for them to have some convergence and cognates.

Among the repeated nouns mostly the people's names can be come across. Most of the investigators mentioned this point. These names are called as antroponyms in scientific books. Antroponyms in written and folklore poems can be divided into 2 groups:

1. Realionim ("real") — names that really exist in life and the names that are not made up by the writer.
2. Unrealionim ("unreal") — names that don't exist in life, they are thought up by the writer.

Realionims which we meet during reading folklore and written works are particularly the names of kings, queens, poets, places, mountains and others that existed in history.

Unrealionims are the names of giants, fairies, legendary places, mountains and others.

For example:

...**Jamshid, Faridunman Zol-u Rustamzar,**
Yurtni olgan shoh **Iskandar** qolmadi...
(... **Jamshid, Faridun, Zol, Rustamzar,**
Even **Iskandar** who got the country weren't here...)

Or:

...Chun ko'rib ul **Zolni** bir **Rustame**
Bo'ldi havosida asiri g'ame...
(... When **Rustam** saw **Zol**
He became a captive of sadness...)

In this examples the specific use of the repeated names in folklore and written literature are observed. At the same time the historical names Rustam, Zol, Faridun, Jam (Jamshid) were used in "Shakhnoma" by Abulkosim Firdavsi. So we can call them as the repeated names.

The names of people (antroponyms) are the largest part of the repeated proper nouns in the system of onomastics of the proper nouns of both folklore and written literature. A great percentage of these proper nouns is associated with different points of views (Bahovaddin, Balogardon, Sulton Uvays, Dovud, Masiho and others). Most of them are historical names. The passage which was taken from the poem "The birth of Gurugli" (this poem belongs to the system of "Gurugli" poems) proves our opinions:

...Arzimni eshit yo **Jabbor,**
Bu g'amlardan qutqar mani...
(... Listen to me, **Jabbor,**
Save me from this sadness...)

References:

1. Abdurahmonov D., Bektemirov H. "The onomastics of Uzbek folklore poems". — Tashkent: Fan, 1967.
2. Alisher Navoiy. "Layli and Majnun". The editor: Botirbek Hasanov. G'ulom. — Tashkent, 1990.
3. Gurugli. The editors: S. Ro'zimboyev, X. S. Ro'zimboyev, G. O. Eshjanova. — Khorazm, 2004.
4. Hojiahmedov A. Mumtoz badiiyat malohati. — Tashkent: Sharq, 1999.

Besides them, the names of historical figures and heroes of famous works, such as Jamshid, Iskandar, Suhrob, Taxmuras, Faridun are also common as repeated proper nouns in both folklore and written literature, even lyrics.

For instance, in this passage which was taken from Navoiy's "Layli and Majnun" the proper noun "Iskandar" is used as "Skandar" depending on the poetic situation:

...Ul o'ynakim **Skandar,** etti [2, p. 52],

Po'loddan o'yla paykar etti...

(**Skandar** made a mirror,

He made it from steel).

In "Bozirgon" poem which belongs to the "Gurugli" system the proper name "Iskandar" is used repeatedly:

...Oysulton aytadur, bebaqo dunyo,

Qani mashhur bo'lgan **Iskandar,** Doro [3, p. 384] ...

(Oysulton said: "The world is unfair,

Where are famous **Iskandar** and Doro?")

In lyrics using famous people's names in history creates certain poetic arts. "In classical literature using names which point out to historical events and people known to everybody is called talmeh «[4, p. 41].

It must be admitted that women's names are also main part of repeated proper nouns in folklore and written literature. It is mostly observed in lyric parts of folklore and written literature.

As we mentioned before, women's names are used widely, including, Zulaykho, Sora, Aisha, Fotima. Apart from this, the heroines of the poems, such as Layli, Shirin, Zulaykho can be classified as the commonly used repeated proper nouns.

Toponyms (the names of places) are also repeatedly used in most cases of folklore and written literature. Among the repeated toponyms real and historical places' names, together with legendary or divine places' names are confronted. The examples for the former type are Badakhshon, Gurjiston, Mashkhad, Madina, Misr, Rum, Samarkand, Khuroson, Hindiston. The examples for the latter type are Kuhi Khof, Kavsar and other unreal names.

Among the repeated proper nouns, we can confront lots of names associated with the animals' names (zoonyms) such as the names of birds, horses, snakes and others. For example, Raxsh (a horse), Semurg (a bird), Musna (a snake) are repeatedly used in folklore and written literature.

In conclusion, we should admit that learning and analysing the repeated proper nouns in folklore and written literature make a great contribution to the progress of onomastics of the Uzbek linguistics.

Роль и значение антропонимов в русских пословицах и поговорках

Палванова Ольга Ибрагимовна, старший преподаватель;

Атаджанова Бону, студент

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

История имен тесно связана с историей, культурой, идеологией общества, в котором они создаются. Личные имена собственные обладают национальной окрашенностью в большей степени, нежели имена нарицательные. Поэтому антропонимы так активно используются в пословицах, поговорках.

В них отражается быт, нравы, обычаи, культура, менталитет русского народа. Но пословицы и поговорки — это не только памятники народной мысли, это живые единицы языка, употребляющиеся в современном русском литературном языке и подвергающиеся различным трансформациям в речи. Пословицы и поговорки с антропонимическим компонентом представляются продуктивным в изучении особенностей психического склада и поведения людей, которые определяются их этнической принадлежностью, способным выявить глубинный уровень массового сознания, лингвокультурный образ мира, присущий определённому этносу, то есть его ментальность. Пословицы и поговорки — это тот языковой материал, который позволяет дать общественную оценку прошлому и настоящему, в том числе и самооценку поведения человека в разных жизненных ситуациях.

В народных паремиях в весьма сжатой форме отражена народная мудрость, национальный менталитет, перечень имен, наиболее часто употребляемый в русском именословии. Внимание к антропонимии паремий в последние годы обострилось в связи с возрождением православных христианских устоев в самосознании русского народа.

Антропоним в пословицах и поговорках играет особую роль в раскрытии содержания той или иной лингвокультурной оценки в жизни человека. Христианские личные имена, используемые в русских пословицах и поговорках, — это составная часть православной культуры, которая неразрывно связана с русской духовной культурой.

Наиболее употребляемыми мужскими именами оказались следующие:

Николай, Иван, Егорий, Илья, Пётр, Фома, Семён, Еремей, Савва, Кузьма, Касьян, Михаил, Афанасий, Макар, Пахом, Сидор, Яков.

Наиболее популярными и любимыми женскими именами русского народа, отмеченными в пословицах, являются: Варвара, Мария, Елена, Акулина, Татьяна.

Можно выделить следующие пословицы и поговорки с антропонимическими вкраплениями:

1. Пословицы и поговорки с календарными именами-компонентами, отмеченными в месяцеслове, народных праздниках, приметах, поверьях, суеверьях: на Св. Матвея зима потеет, на Матвея земля преет; каков Платон

и Роман, такова и зима; Катерина Санница дорогу укатает; на Сильвестра окуривают курятник, заговаривают лихо-манку [3, с. 450].

2. Исторические пословицы и поговорки с христианскими и нехристианскими именами: и Мамай правды не съел; борода Минина, а совесть глиняна; тяжело голове без плеч, тяжело телу без головы, Русской земле — без Игора; дождись Юрьева дня, когда рак свистнет.

3. Пословицы и поговорки с христианскими именами библейского происхождения: кто понеделничает, возрадуется заступничеству архангела Михаила; трясётся, что Каин, что осино́вый лист; прости Христа ради за прошлое, да и напредки тож;

4. Пословицы и поговорки с патронимическим компонентом: полюби Андревну (соху), будешь с хлебом; Ерофеич часом дружок, а другим вражок (пьянство); хоть Кузьминишна, да не корыстна; и Ивановна, да нам надобна;

5. Пословицы и поговорки с личными мужскими и женскими христианскими именами в полной и гипокористической формах: горе, что муж Григорий: хоть бы болван, да Иван; у всякого Гришки свои делишки; Марфуша — покушай, Макавей — поговей; князю княгиня (мила), крестьянину Марина, а всякому своя Катерина.

Выделяются семантические группы с антропонимами, характеризующие:

1. социальное происхождение человека: князю — княгиня, боярину — Марина, а всякому — своя Катерина;

2. социальное положение человека и его оценка: в худе городе и Фома дворянин; у меня лакеи все были Мокеи; а ныне к Мокею самому пришлось в лакеи;

3. семейное положение и родственные отношения: хороша дочь Аннушка, коли хвалит мать да бабушка; достают невесту собою, а ино и Фомою;

4. черты характера, преимущественно отрицательные: до Дмитра девка хитра; а после Дмитра ещё хитрее (вышел замуж). (26 октября); крестись, Андроны едут;

5. умственные способности, внешние, физические качества и состояния человека: всяк Аксён про себя умён (смышлён); прозорлив как Аввакум; кос, как Соловей — разбойник (который одним глазом на Киев, другим на Чернигов глядел; у Тараса на плечи разыгрались три вши; один Сысой, да и тот косой; Дунька не последняя дурка.

Русская антропонимия во всей специфике её функционирования в реальной жизни, в пословицах и поговорках представляет собой автономную группу слов, как по своему назначению, так и по своей структуре.

Паремии с антропонимическим компонентом более экспрессивны, поскольку имя конкретизирует, делает героя народного выражения более реальным.

Литература:

1. Бестужев-Лада И. В. Имя человеческое его прошлое, настоящее и будущее. — М., 1998.
2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. — М., 1993.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М., 1989.

Адаптация заимствований в русском языке

Палванова Ольга Ибрагимовна, старший преподаватель;
 Ваисова Азиза Хамиджановна, студент
 Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Лексика является наиболее динамичной стороной языка в любой период времени. Она представляет собой наименьшую степень абстракций в языке, поскольку слово всегда предметно ориентировано; оно может заимствоваться, образовываться, образовываться заново или из имеющихся в языке элементов.

Время несется с такой скоростью, что не успеваешь осмыслить все новое, что появилось в буквальном смысле слова вчера и сегодня. Столь же стремительно меняется язык, вернее, его лексика, то есть его словарный состав. В процессе исторического развития человеческие языки постоянно вступали и продолжают вступать в определенные контакты друг с другом.

В настоящее время интерес лингвистов сосредоточен на русско-английском языковом контакте. Появление большого количества иноязычных слов английского происхождения, их быстрое закрепление в русском языке объясняется стремительными переменами в общественной и научной жизни.

Усиление информационных потоков, появление глобальной компьютерной системы интернета, расширение межгосударственных и международных отношений, развитие мирового рынка, экономики, информационных технологий, участие в олимпиадах, международных фестивалях, показах мод — все это не могло не привести к вхождению в русский язык новых слов.

Открытость нашего общества приводит к значительному расширению кругозора и объема знаний молодежи, к улучшению знаний в области иностранных языков.

- 1) активизировались деловые, торговые, культурные связи;
- 2) расцвел зарубежный туризм;
- 3) обычным делом стала длительная работа наших специалистов в учреждениях других стран;
- 4) функционирование совместных русско-иностранных предприятий;
- 5) возросла необходимость в интенсивном общении с людьми, которые пользуются другими языками.

А это — важные условия не только для непосредственного заимствования лексики из этих языков, но и для при-

общения носителей русского языка к интернациональным терминологическим системам.

Заимствование — неотъемлемая составляющая процесса функционирования и исторического изменения языка, один из основных источников пополнения словарного запаса.

В наше время заимствованная лексика очень популярна и употребляема. Несмотря на то, что проблема заимствования всегда привлекала к себе внимание лингвистов, сама лингвистическая природа заимствования, процесс вхождения иноязычных слов и значений в систему заимствующего языка, осмысление скрытых процессов взаимодействия двух языков: языка-источника и заимствующего языка. В словарном составе отражаются связи одного народа с другими в разные периоды его истории, так как развитие лексики происходит за счет заимствования чужих, иноязычных слов. Одни из заимствованных слов получают широкое применение в разных сферах устной и письменной речи, другие ограничены в своем употреблении.

Более широкое знакомство с иностранными языками, а также поток переводной информации делает обмен между словарями контактирующих языков более интенсивным и более разнообразным по форме. Теоретически любой язык может включать в себя неограниченное количество заимствованных слов. Вместе с тем система заимствующего языка ограничивает пополнение языка чужими элементами, причем эти ограничения отнюдь не количественные — пределом является критерий реализации иноязычных элементов, определяемый структурно-семантическими нормами заимствующего языка.

Некоторые из заимствований обнаруживают себя как еще не вполне освоенные «чужаки».

Их иностранность с большей отчетливостью видна в грамматике, например, они не склоняются: джакузи, бьеннале, дацзыбао, киви, массмедиа, мультимедиа, ню, оригами.

Это проявляется и в произношении. Например, перед «е» в них произносится не мягкий согласный, как в русских словах, а твердый: мы говорим брэнд, а не бренд или дауншифтэр, а не дауншифтер, андэграунд, а не андеграунд, дисплэй, а не дисплей. Хотя пишем эти и подобные им слова с бук-

вой «е». Нередко иноязычное слово обозначает нечто такое, что характерно для жизни и быта других стран и народов и мало известно носителю русского языка: праймериз так в США называют первичное собрание избирателей для выдвижения кандидатов на выборные государственные должности, якудза — японская мафия а также представитель этой мафии, тьютор — это слово специфически английское: в Англии оно служит для называния домашнего наставника, опекуна, но оно может употребляться и в русских текстах, например, при описании семейных обычаев англичан.

Имеются такие иностранные слова, которые заимствованы русским языком давно, но в которых за последние полвека появились новые значения. Например, мобильный — новые значения этого прилагательного реализуются в таких словосочетаниях, как мобильный телефон, мобильная телефонная связь. Слово «формат» наряду со старым значением «размер печатного издания тетради, листа» у него под влиянием английского языка появились два новых: «соответствующий определенным правилам характер, вид какого-либо действия, процесса: традиционный формат передачи телевизионных новостей и — в компьютерной

терминологии — способ расположения и представления информации в памяти компьютера или на внешнем носителе: формат данных.

Среди заимствований встречаются иностранные слова — двувидовые глаголы, которые могут употребляться как в совершенном, так и в несовершенном виде, например, конвертировать:

- 1) пересчитывать (пересчитать) стоимость единиц одной валюты в стоимость единиц другой валюты. Например, конвертировать стоимость доллара в стоимость рубля.
- 2) преобразовывать (преобразовать) информацию, содержащуюся в компьютере, из одной формы представления в другую: конвертировать полученный по электронной почте файл в другой формат.

Мы проанализировали использование некоторых заимствований в русском языке и сделали выводы, что основная масса заимствованных слов, употребляемых сегодня, в отличие от многих вводимых в русскую лексику в предшествующем столетии, освоена русским языком и является частью современной русской лексики.

Литература:

1. Лебедев В. Б. Англицизмы в русском языке. Учеб. — М.: Выш. Школа, 1990.
2. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М., 2007.
3. Медникова Э. М., Апресян Ю. Д. Новый большой англо-русский словарь. — М., 1994.

О первоначальном процессе сбора рукописей произведений Навои в Западной Европе (XVII–XVIII вв.)

Ражабов Авазбек Курбанбаевич, преподаватель
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Низамиддин Мир Алишер Навои (1441–1501) — выдающийся узбекский поэт, убежденный гуманист, мыслитель, государственный деятель.

Алишер Навои родился 9 февраля 1441 года в семье известного государственного чиновника, Гиясаддина Кичкине в Герате. Отец Алишера — выходец из известного монгольского племени Барлас, был дружен с другими тимуридскими семьями, составлявшими элиту власти в городе.

Как поэт, Навои проявил себя уже в 15 лет, причем писал он одинаково хорошо как на фарси, так и на тюркском.

Когда к власти пришел Хусейн Байкара, сам поэт и приверженец искусств, Навои был срочно призван ко двору мулазимом (приближенным) правителя, а в 1469 году получил первую должность — хранитель печати. В 1472 году Алишер получил повышение и был назначен визирем (советником), награжден титулом эмира.

На своем посту Алишер Навои оказывал большую помощь музыкантам, поэтам, художникам, каллиграфам, пользовался огромной популярностью среди народа.

Дошедшее до нас литературное наследство знаменитого поэта велико и многогранно, это около 30 сборников стихов, поэм, научных работ и поэтических трактатов, которые полностью раскрывают духовную жизнь в Средней Азии конца XV века [4].

Из достижений науки явствует, что Навои вошел в культурный мир западной Европы во второй половине XVI века, как бы «утаив» от читателей свое подлинное имя. На самом же деле в Западной Европе Навои был «открыт» публичное спустя 114 лет после своей кончины. Проведенные нами исследования показывают, что это было непосредственно связано со сбором рукописей сочинений поэта в Западной Европе.

Говоря иначе, опираясь на отдельные источники, можно сейчас определить, что история распространения экземпляров рукописей поэта (в соответствии с историческими условиями) в Западной Европе началась в первой четверти XVII века. Узбекский востоковед Х. Сулейманов, многие годы осуществлявший работу по изучению различных экземпляров рукописей сочинений Алишера Навои в библиотеках мира, внес ясность в этот вопрос. Он пришел к следующему выводу: из всех произведений Навои, дошедших до Европы, самые старинные относятся на 1625 год. В том году в Оксфордском университете в Англии зарегистрирован и инвентаризирован первый сборник стихов, то есть «Диван избранных стихов» поэта. И именно с этого момента в каталогах библиотеки университета Оксфорда появилось описание этого Дивана под именем Алишера Навои.

Кроме того, как свидетельствуют труды французского востоковеда де Эрбело «Bibliothèque orientale» (1697). В Западной Европе, точнее во Франции, того периода стали известны еще несколько рукописей произведений Навои — «Хазойин ул-маони» (состоящая из четырех книг), «Фархад и Ширин», «Лейли и Мажнун», «Сабъаи Сайер», «Садди Искандари». В общем, среди западноевропейских кругов XVII века стали известными всего девять старинных рукописей произведений Навои.

История распространения рукописей этих произведений Навои в Западной Европе в науке еще не затронута. По этому поводу даже не известны какие-либо высказывания навоиведов мира. Чтобы внести ясность в историю распространения рукописей произведений поэта в Западной Европе и иметь определенное представление об этом, следует обратиться к историческим условиям того периода, обеспечивавшим экономические и культурные связи между Западной Европой и Востоком, либо к работам ученых, обладавших познаниями в этой области. В этом отношении в востоковедческой науке Запада существуют весьма полезные работы. В частности, немецкий ученый Паул Хулч, специально изучивший эту тему, однозначно заявляет, что из-за общественного абсолютизма Западная Европа в XVII веке заметно отстала от Востока в создании духовного наследия. Восток значительно опередил Запад в вопросах нравственного совершенствования человека, что так важно для процесса социального развития и формирования нравственных устоев общества. Западная Европа с целью удовлетворить свои культурные и духовные запросы позаимствовала примеры с признанных

ценностей Востока и взялась за работу, чтобы перенести их на землю Европы.

Экскурс в историю распространения рукописей произведений Навои в Западной Европе подтверждает, что сбор и накопление рукописей произведений Навои в культурных центрах и в распоряжении частных лиц этого континента, не носили стихийный характер, а были началом с определенной просветительской целью и что творчество поэта, вернее его рукописные труды в известной мере повлияли в XVII веке на дидактическую философию Западной Европы. В тот период наряду со многими познаниями в науке не отрицается и то, что произведения Навои были собраны в Западной Европе в частных коллекциях видных просветителей.

Как свидетельствуют источники, «среди книг Жана Жака Руссо (1712–1778) имелись рукописи сочинений Навои («Диван»), Саади («Гулистан») и отдельные другие образцы восточной литературы». В этих сведениях, безусловно, есть смысл. Дело в том, что, во-первых, эпоха, в которой жил Ж. Ж. Руссо, как упоминалось в приведенных выше из диссертации П. Хулча данных, приходится на период больших возможностей в сборе драгоценных восточных рукописей благодаря открытию морского пути на Средний Восток через Испанию и караванной дороги через Москву на Среднюю Азию. Во-вторых, есть определенный смысл и в том, что в распоряжении Ж. Ж. Руссо хранились рядом с «Диван» Навои и эпическое произведение Саади «Гулистан» Ибо эти поэты прославились на Востоке с давних времен своими философско-дидактическими взглядами. Именно это может служить доказательством того, что Руссо, завоевавший популярность в Западной Европе благодаря своим педагогическим трактатам, этико-просветительским произведениям («О воспитании Эмиля», 1779, «Эмиль и Софи» 1780), возможно извлекал для себя пользу при из создании из восточной дидактики, не исключено, что содержащиеся в его названных произведениях набор дидактического учения, этико-воспитательные взгляды основаны на произведениях Саади и Навои, их нравственно-поучительных книгах, под впечатлением которых Руссо творил.

Выходит, что, быть может, Навои вместе с Саади, в определенной степени оказал творческое влияние и на развитие в Западной Европе дидактической философии и уже то, что дидактика Ж. Ж. Руссо, и нравственно-поучительные произведения Навои по своей типологии заслуживают безусловно отдельного исследования, говорит о многом.

Литература:

1. Таржима санъати. — Ташкент, 1978.
2. Herbelot B. de M. Bibliothèque Orientale. Paris, 1697; 1777–1779; 1781–1783.
3. Maestricht A. Orientalische Bibliothek oder Universallbuch Herbelot B. de. Halle, 1776; 1777–1779.
4. <http://www.asia-travel.uz/uzbekistan/outstanding-people/alisher-navoi>.

Безличные предложения и их типы в поэтическом тексте

Рузметова Зульфия Назаровна, кандидат педагогических наук, доцент;

Садуллаева Севара, студент

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Своеобразие безличных предложений создаётся взаимодействием семантических и структурных факторов и наглядно раскрывается при сопоставлении их с синонимичными двусоставными предложениями. Сравним: *Он захотел на отдых. Лес хандрит. И ему захотелось на отдых.* (Б. Пастернак). В двусоставных предложениях утверждается связь действия с деятелем, признака с носителем. В односоставном глагольном предложении действие изображается как независимое от деятеля, как происходящее само по себе, в односоставном именном предложении раскрывается не признак, а состояние.

В современном русском языке нет простой полярности личных и безличных предложений; между ними находятся промежуточные типы, которые образуются в силу разных причин. Подобные предложения ещё более обогащают синтаксические возможности русского языка.

Вопрос о путях развития безличных предложений, о соотношении личных и безличных предложений, об их смысловых функциях давно привлекал и привлекает внимание лингвистов.

Как отмечает Е. М. Галкина-Федорук, изучение всей сложной системы безличных предложений раскрывает многообразие типов этих предложений и многообразие их функций [3, с. 103].

В основе проанализированного материала нами были выделены следующие типы безличных предложений:

1. Предложения, выражающие интеллектуальное восприятие действительности. В эту группу включаются безличные предложения, обозначающие состояние природы и среды, физическое состояние живого мира, психологически — эмоциональное состояние человека. Семантика этих безличных предложений, по утверждению Е. М. Галкиной — Федорук, обуславливает и их строение. В них выражается не деятельность субъекта, а состояние. Они не связаны с деятелем. Главный член в таких предложениях выражается не только формами глагола, но и другими частями речи. Предикативный центр предложений первого типа образуют:

- а) невозвратные глаголы в 3-м лице настоящего, прошедшего и будущего времени: *дует, метёт, светает, рассвело* и т. п., например: *Рассветает. И под кузницей, Подымается дымок.* (А. Ахматова)
- б) возвратные глаголы: *мерещится, разненастилось* и других, например: *Как же можно разлучаться.* (А. Ахматова);
- в) глаголы бытия + родительный падеж существительного: не хватает сил, хватает на всех любви и другие, например: *Хлеба на всех не хватало;*

г) связка (нулевая и вещественная) + слово категории состояния: и скучно, и грустно; было тревожно. Например: *Страшно мне от звонких воплей Голоса беды.* (А. Ахматова); *И грустно мне ещё ...* (М. Цветаева); *Мне было душно от жгучего света.* (А. Ахматова).

д) краткая форма страдательных причастий, например: *сказано — сделано: Нам было суждено встретиться* (Н. Рыленков);

е) существительное + зависимый инфинитив: грех молчать, стыд сказать и т. п.

Такие примеры составили более 30% из подобранных нами для анализа. Особенно часто встречаются подобные безличные предложения у А. Ахматовой.

2. Безличные предложения, выражающие волю человека или его стремления, желания и несущие функцию воздействия на людей. Сказуемое в названных предложениях называется:

- а) безличным глаголом и инфинитивом (следовало сказать, надлежит выполнить); например: *Он почему-то чувствовал, что говорит так, как бы не следовало говорить.* (А. Толстой);
- б) безлично — предикативными словами на — о с призывающим инфинитивом (*нужно решить, необходимо работать* и другие); например: *Разве можно оставить пробелы?* (А. Ахматова); *Не надо людям с людьми на земле бороться!* (М. Цветаева).
- в) существительным и зависимым от него инфинитивом (пора идти, грех молчать и т. п.), например: *Пора лететь, пора лететь* (А. Ахматова). данные примеры составили около 25% из подобранных нами для анализа.

3. Безличные предложения, выражающие физическое и атмосферно — метеорологические явления природы, составляют небольшую группу. Это объясняется тем, по утверждению Е. М. Галкиной-Федорук, что в русском языке нет дробного лексического обозначения отдельных моментов времени дня: *светает, вечереет, меркнет* и другие. Эта группа глаголов вообще не продуктивна в современном русском языке. Так, например глаголы *меркнет, смеркается* в безличном значении почти не употребляются. Они чаще встречаются в личных конструкциях: *Звёзды меркнут и гаснут.* (И. Никитин).

В эту же группу можно включить немногочисленные безличные предложения, в которых говорится об атмосферно — метеорологических явлениях, типа: *дождит (дождило), снежит (снежило), крапает, накрапывает, парит, моросит, заморосит.* Например: *Накрапывало, но не гнулись. И травы в розовом мешке.*

(Б. Пастернак), ... *чуть брезжит* (М. Цветаева); ... *но моросило* (Б. Пастернак). Предложения с таким значением составляют более 6% из подобранных нами для анализа.

4. Также немногочисленна группа безличных предложений, выражающих психофизическое состояние живого существа. Сюда входят такие безличные предложения, в которых безличные глаголы выражают состояние, возникающее в результате действия какой — то неизвестной причины: *тошнит, болит (болело), дерёт, саднит, зудит* и т. п. иногда эти глаголы употребляются с предметным субъектом. *Что у кого болит, тот о том и говорит.* (В. Даль). В литературном языке слова подобного типа употребляются чаще всего безлично. Например: *Луга мутило жаром лиловым.* (Б. Пастернак), *Сады тошнит от вёрст затишья.* (Б. Пастернак)

При этих глаголах часто указывается место действия, что способствует переходу глагола в безличный, например: *Ухо болит — в ухе болит.* Только глагол *тошнит*, не употребляется с указанием места действия, а требует винительного падежа. Подобные предложения составляют чуть более 2% из подобранных нами для анализа.

5. Особую по значению группу безличных предложений составляют предложения, выражающие модальное значение долженствования. Эта группа представлена небольшим количеством слов: *надлежит (надлежало), следует (следовало), стоит (стоило), подобает (подобало).* Некоторые из безличных слов с данным значением устарели (*надлежит, подобает*) и используются в целях стилизации. В нашем материале для выражения долженствования обычно употребляется глагол *следует (следовало).* Очень распространён этот оборот в разговорной речи: *отдохнул в деревне как следует, сделай, как следует* и т. п.

Заболеть, как бы следует. (А. Ахматова)

Однако чаще всего эти безличные глаголы употребляются в сочетании инфинитивом: *следует сказать, надлежит выполнить* и др.: *Вам следует сказать правду.* (А. Ахматова).

Такие предложения характерны для книжной речи, в поэтической же речи они крайне редки. Такого рода предложения составляют около 2% из отмеченных нами примеров.

6. Кроме безличных глаголов, которые не могут иметь форм 1-го и 2-го лица, в тех же типах безличных предложений довольно часто встречаются личные глаголы в безличном употреблении: *Будто капнет с пихт.* (Б. Пастернак). *Акацией пахнет и окна распахнуты.* (Б. Пастернак).

Очень богата группа личных глаголов, способных переходить в безличные, в которых выражаются состояние или процессы окружающей природы (*темнеет, морозит, метёт* и т. п.) или проявление какой-то стихийной силы, не названной и часто неизвестной (*унесло, сорвало, везёт* и т. п.). Например: *Темнеет. ... В воздухе свежо.* (М. Цветаева).

Многие из этих глаголов сочетаются и с субъектом (подлежащее). Ср.: *На улице свежее и Свежее ветерок.*

Однако безличные употребления таких глаголов более распространено. Например: *А когда — когда-нибудь как в воду*

И тебя потянет — в вечный путь! (М. Цветаева)

Различие в смысловых оттенках и в способе проявления состояния или действия неназванной стихийной силы зависит от переходности и непереходности глагола. Например: *За окном рычало, топтало, царапало стену.* (М. Горький). *Страшно треснуло над головой.* (А. Толстой).

В поэтической речи с помощью таких конструкций передаётся что-то неясное, неопределённое, неназванное:

*Не сон, не явь. Вдали, вдали звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли... И умерло.* (А. Блок).

Данные предложения составили более 17% из подобранных нами примеров для анализа.

Итак, анализ поэтического текста показывает, что безличные предложения очень употребительны в речи и представлены многообразием их типов.

Литература:

1. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. — М., 1968.
2. Бабайцева В. В. Синтаксис русского языка: Монография. — М.: Флинта, 2015.
3. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. — М.: Либроком, 2012.

Different approaches to the problem of order of adjectives in the sentence

Сатимова Дилафруз Нуъмонжонова, ассистент

Андижанский государственный университет имени З. М. Бабура (Узбекистан)

The traditional grammars often began with the a statement of the “parts of speech”, which today would be called “word classes”. According to most grammars there are nine notional parts of speech. They are (with typical examples): [5]

- Noun (wolf, door, daughter, tennis)
- Pronoun (I, you, my, which)
- Adjective (unclear, gorgeous, slim, old)
- Numeral (nine, first, one)
- Verb (know, retire, smile)
- Adverb (quickly, strongly, never, extremely)
- Conjunction (and, but, because)
- Prepositions (Under, at, down)
- Modal words (probably, surely, likely)

Though grammarians have been studying parts of speech for over two thousand years, the criteria used for classifying lexemes are not yet agreed upon. [2]

Grammarians in classifying the parts of speech keep to different concepts. In some books they are given in various divisions. For instance, the theoretical positions of such renowned linguists as B. A. Khaimovich, I. P. Ivanova, B. I. Rogovskaya, Kaushnskaya, L. L. Iofick, J. Brown, N. A. Kобрina.

This article discusses the problem of order of adjectives and shows differences between them.

An “adjective” is a word to qualifying a noun and is used in front of a noun. The adjectives have the same form for singular and plural. They do not change for male and female.

Before nouns:

What a lovely colour! He's a kind man. [3]

Какой любимый цвет! Он добрый мужчина.

Adjectives are words that describe or modify other words, making our writing and speaking much more specific, and a whole lot more interesting. Words like *small*, *blue*, and *sharp* are descriptive, and they are all examples of adjectives. Because adjectives are used to identify or quantify individual people and unique things, they are usually positioned before the noun and pronoun that they modify. Some sentences contain multiple adjectives.

Adjectives are part of speech characterized by the following typical features: [2]

1. Lexico-grammatical meaning of attributes.
2. The morphological category of the degrees of comparison.
3. The characteristic combinability with nouns.
4. The stem building affixes -ful, -less, -ish, -ous, -ive, -ic, -un, -pre, in-, etc.

5. Its functions of an attribute and a predicative complement.

When several adjectives come before a noun they usually have to be put in a particular order, we say

a slim young lady, not a young slim lady. Стройная молодая дама.

a small shiny black leather handbag, not a leather shiny small handbag. [6]

Маленькая блестящая чёрная кожаная дамская сумка.

Unfortunately, the rules for adjective order are very complicated, and different grammars disagree about details. But through the comparing and searching in different linguistic points of views we can clarify it.

In Jenny Dooley and Virginia Evans's grammar book we can see following usings:

There are opinion adjectives and fact adjectives. Opinion adjectives such as a smart, bad,... show what a person thinks of somebody or something. Fact adjectives such as a short, big, old,.. give us factual information about age, size, colour, origin, material,.. We do not use a long list of adjectives before a single noun. A noun is usually described by one, two, or three adjectives at the most. [1]

An expensive Italian bag. Дорогая Итальянская сумка.

An interesting antique clock. Интересные антикварные часы.

In Michael Swan's usage adjectives (or modifying nouns) of colour, origin, material, and purpose usually goes in that order.

Colour Origin Material Purpose Noun

a red Spanish leather riding boots

a brown German beer mug

He noted that the adjectives usually go before words of colour, origin, material and purpose. It is impossible to give exact rules, but adjectives of size, length and height often come first.

A big modern brick house (NOT a modern, big brick house)

Большой современный кирпичный дом. (А не Современный большой кирпичный дом.)

Adjectives which express judgement or attitudes usually come before all others. Examples are lovely, definite, pure, absolute, extreme, perfect, wonderful.

A lovely, long, cool, drink Who's that silly fat man over there? [6]

Любимый, огромный, прохладный напиток. Кто тот глупый толстый мужчина вон там?

R. Murphy mentioned that sometimes two or more fact adjectives are used together. Usually (but not always) fact adjectives are put in this order:

1 2 3 4 5

how big? how old? what colour? where from? what is it made of?

an old white cotton shirt (2→3→5) старая белая хлопковая рубашка

a large wooden table (1→ 5) огромный деревянный стол

When there are two or more adjectives, *and* is used:

a black and white dress a red, white and green flag [4]

чёрное и белое платье красный, белый и зеленый флаг

But among all the orders of adjectives, the order Michael Vince used is very easy and clear:

Opinion *lovely, difficult*

Size *large, long*

Age *old, second — hand*

Shape *round, square*

Temperature *hot, cold*

Colour *green, blue*

Material *wooden, plastic*

Purpose (what it is for?) *swimming pool*

Final noun *swimming pool* [7]

An old leather football boot. (age, material, purpose, noun)

Старая кожаная футбольная бутса.

A lovely green silk shirt. (opinion, colour, material, noun) [7]

Любимая зеленая шелковая рубашка.

In accordance with the results of the mentioned above, a learner should learn comparing different approaches to the topic. When using a number of adjectives we should be careful with the order of adjectives and its rules.

References:

1. Jenny Dooley- Virginia Evans. Grammarway 3. Expressing Publishing.1999. p 150.
2. Khaimovich B. S. Rogovskaya B. I. Теоритическая грамматика английского языка М. "Высшая школа" — 1987 p 32, p75.
3. Nettle Mark and Hopkins Diana. Developing Grammar in Context. Cambridge University Press.
4. Murphy Raymond. English Grammar in Use. Third Edition. Cambridge University Press.2005. p 198.
5. Palmer Frank. Grammar. Penguin books.1971.p 58.
6. Swan Michael. Practical English usage.International student's edition. Second edition. Oxford University press.1996. p 8.
7. Vince Michael. English Grammar and Vocabulary. Intermediate Language Practice.Macmillan.2003. p 146.

The comparative analyze of English-Uzbek idioms with the component of "ear"

Urantayeva Nasiba Baxtiyarovna, teacher;
 Nurmatova Manzura Rahimberganovna, teacher;
 Polvanova Nafisa Muxitdinovna, student
 Urgench state University (Uzbekistan)

Nowadays, great attention is given to learning a foreign language by majority of people. Especially English language is being learned as a second language by the people of most countries. However, learning language is not just learning the words in target language but also being familiar with phrases, idioms, proverbs and phraseological units of its.

Phraseological units are considerable parts of any language. Therefore they are studied by plenty of scholars. For example, Russian scholars V. V. Vinogradov, A. I. Smidnitoski, H. N. Asomova and Uzbek scholars Sh. Rahmatullayev, A. E. Mamatov, B. Yo'ldoshev conducted a research on this sphere of linguistics. Their works and researches play significant role in the development of phraseology. Even nowadays, this field of linguistics attracts great many of scholars' attention. One of English linguists A. B. Pittman gives such definition to the phraseological units in one of his works: "A group of words in a fixed order that is different from the meaning of each word understood on its own". In fact,

idioms can never be translated into another language word for word. Otherwise, they lose their semantic meaning. For instance, if we translate the idiom "**Lend an ear**" into Uzbek word by word, it means "qulog'ini qarzga bermoq". Because, the word "lend" means to let someone borrow something that belongs to you for a short time. However, in the table below you can see that this idiom has its equivalent in Uzbek language (№ 10).

In this article we are going to discuss some phraseological units on body parts of human being. There are so many idioms on several parts of human body in English dictionary such as "Longman", "Macmillan" and "Oxford". For example, eye, ear, head, hand, leg, shoulder, knee, tongue and etc. But this article is devoted to analyze just the phraseological units with the component of "ear". In those English dictionaries we can face to more than 40 idioms which are used with the component "ear". Most of them have equivalents in Uzbek language with the same component. For example, in the table below you can see some of them:

Table 1

English idioms	Meaning	Equivalents in Uzbek language
Are your ears burning?	Said about someone who wasn't present but was the topic of discussion.	Qulog`i qizimoq
All eyes and ears	To be attentive.	Ko`z-quloq bo`lmoq
All ears	To be waiting eagerly to hear about something.	Jon qulog`i bilan tinglamoq.
Be all ears	Tolisten to carefully or eagerly; to anticipate.	Butun vujudi bilan quloqqa aylanmoq.
Cloth ears	If you don't listen to people, they may suggest you have cloth ears.	Qulog`i tom bitgan.
Easy on the ear	Something pleasant to listen to.	Qulog`iga yoqmoq.
Give ear	Tolisten: to devote one's attention to an auditory event.	Quloq tutmoq.
Go in one ear and out the other.	Said about something which is heard and then quickly forgotten.	U qulog`idan kirib bu qulog`idan chiqmoq.
Grin from ear to ear	If someone is grinning from ear to ear, they look very satisfied and happy.	Og`zi qulog`ida.
Have big ears	To be nosy and listen to other people's private conversation.	Qulog`ini ding qilmoq.
Lend an ear	Tolisten carefully and sympathetically.	Jon qulog`i bilan tinglamoq.
Music to one's ears	Some good news; a spoken expression which is pleasing;	Qulog`iga moydek yoqmoq.
Prick up your ears	If you prick up your ears, you suddenly pay attention to what is being said.	Qulog`i ding bo`lmoq.
Smile from ear to ear	A large smile.	Og`zi qulog`iga yetmoq.
Walls have ears, shoes have tongues	Be careful what you say and who you speak to.	Devorning ham qulog`i bor.

However, in English language there are some phraseological units which do not have their equivalents with the same component. But, Uzbek language offers other idioms with different components and they can give the same meaning with those English ones.

Table 2

English idioms	Meaning	Equivalents in Uzbek language
Coming out of one's ears	In great or excess quantity.	Boshidan oshiq
Wet behind the ears	Inexperienced; not seasoned; new; just beginning; immature, especially in judgment.	Ona suti og`zidan ketmagan
Make one's ears burn	If something makes your ears burn, you are embarrassed by what you hear, especially if the conversation is about you.	Hijolat tortmoq.
Ear to the ground	Pursuing the practice or having the characteristic of carefully gathering information; well-informed.	Ko`pni ko`rgan

In conclusion, we can say that phraseological units are extremely important parts of linguistics in any language. Additionally, the usage of idioms is so common in the field of translation since it has more benefits for translators and

interpreters. But, while translating them from one language into another they should be careful about their meaning and pay attention to find the most suitable equivalent of these idioms instead of translating them word for word.

References:

1. Richard A. "Spears American Idioms Dictionary".
2. Sh. Rahmatullayev. "O'zbek tilining izohli frazeologik lug'ati".
3. Kunin A. B. "English-Russian Phraseological Dictionary".

Семантическое поле зоонимов в русском языке (на материале словаря русского языка под редакцией С. И. Ожегова)

Хамраев Баходир Джаббарович, кандидат филологических наук, доцент;

Матризаева Шахида, студент

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Зоонимы — огромный пласт лексики любого языка. Они пополнялись исторически — веками. Они связаны с эволюцией самого человека.

В зоолексике ярко отражаются особенности осмысления внеязыковой реальности, когда образы животных в разных языках наделяются (с точки зрения освоения действительности человеком и воздействия его на окружающий мир), на первый взгляд, совершенно не мотивированными свойствами и иногда даже противоречащими логике вещей. Эти образы и фантазии восходят к глубинам человеческого сознания, его верованиям и мифологии.

Включение знаний о животном мире в систему образных средств характеристики человека, расширение и углубление знаний о самом человеке посредством сравнения, поиски сходства с образами реалий мира природы — закономерный этап развития человеческого знания о себе как об объектом.

Что такое зооним? Единого мнения на этот счет нет не только в языке, но его нет и в науке. Нет этого слова и в словарях. Нет этого слова ни в одном из толковых словарей русского языка, нет и в энциклопедических словарях. Поэтому к нему относят все слова обозначающих живые существа (кроме слов связанных с человеком).

Мы выписали все зоонимы из Словаря русского языка С. И. Ожегова и пришли к такому мнению, что из зоонимов необходимо исключить наименования микроорганизмов. Семантическое поле зоонимов очень обширное и разнообразное, сюда можно отнести следующие группы наименований:

1. Наименования животных;
2. Наименования зверей;
3. Наименования птиц;
4. Наименования рыб, грызунов, пресмыкающихся и т. п.

Градаций, на наш взгляд, могут быть различными, так как некоторые зоонимы можно отнести как к млекопитающим, так и к пресмыкающимся. Некоторые номинации можно отнести к микроорганизмам, они не являются ими по своим свойствам, например, куда можно отнести такие слова как *кузнечик*, *головастик*, *короед*, *мураш*, *муха*, *овод* и др.? в основном, у нас получилось семь тематических видовых групп. Это условное деление зоонимов: животные, звери, птицы, рыба и морские обитатели, грызуны, пресмыкающиеся, микроорганизмы. И эти группы можно делить на более мелкие как *дикие*, *домашние* и т. п.

К животным мы отнесли следующие: агнец, антилопы, аргмак, архар, баран, бизон, битюк, боров, бугай, буйвол, был, вепрь, верблюд, газель, джейран, единорог, жеребе-

нок, жеребец, жираф, зубр, изюбр, изюбрь, ишак, кабан, кабарга, кенгуру, кляча, кобыла, кобылка, коза, козел, козерог, козленок, козуля (косуля), конь, корова, кролик, кулан, лама I, лань, ленивец, лось, лошадь, лошак, мамонт, марал, маштак, мерин, мериносмус, носорог, овца, овцебык, олень, осел, ослик, рысак, сайгак, серна, скот, скотина, слон, телец, телка, хрюша, хряк, чушка, ягненок. Все эти слова в свою очередь можно разделить на домашние и дикие. Мы этого не делаем так как это прозрачно видно.

К зверям мы отнесли следующие: барбос, барс, барсук, беляк, белка, бирюк, бобик, боксер III, болонка, борзый волк, вурдалак, гиена, гиббон, гончие, горилла, горностай, ехидна, жучка, зверь, ибис, ирбис, йоркшир, киска, кобель, колли, колонок, котенок, кошка, кугуар, куница, котенок, чайка, лев, лемур, левретка, лиса, львенок, макака, мангуст, мартышка, медведь, мопс, морж, морской лев, муравьед, мурка, норка, обезьяна, овчарка, павиан, панда, пес, песец, пантера, леопард, пинчер, псина, рысь, самец, сеттер, собака, соболь, сука, такса II, терьер, тигр, умка, хамелеон, цербер, шавка, шакал, шиншилла, щенок, ягуар.

К тематической группе птицы, мы отнесли следующие: аист, баклан, бекас, беркут, бройлер, выхухоль, гага, гагара, галка, гоголь, горихвостка, грач, гриф I, грифон, гусак, гусь, дрозд, дрофа, дятел, зяблик, иволга, индейка, индюк, куропатка, глухарь, казарка, какаду, камышёвка, канарейка, каюк, касатка I, кенарь, клест, клуша, козлодой, колибри, кондор, коршун, кречет, кряква, кулик, кур, курица, ласточка, лебедь, марабу, нырок, овсянка, павлин, пингвин, попугай, птица, петух, рябчик, сарыч II, синица, сип, скворец, слеток, сова, сойка, сокол, соловей, сорока, страус, сыч, турман, удод, утенок, утка, фазан, филин, хохлатка, цесарка, цапля, цыпленок, чибис, чижик II, чиж, щегол.

К тематической группе рыбы и мореплавающие мы отнесли следующие: акула, амфибия, анчоус, белорыбница, белуга, белуха, вобла, вьюн, голец, горбуша, дельфин, жерех, иваси, калига, карась, карп, касатка II, кашалот, кефаль, килька, корюшка, краб, криль, крокодил, лещ, линь I, линек, лосось, макрель, малек, медуза, меч-рыба, мидия, минога, мойва, моллюск, муксун, налим, навага, нема, окунь, омар, осетр, палтус, рак, рак I, рыба, сазан, сайра, семга, сом, судак, сыч, таймень, тапир, тарань, трепанг, угорь I, форель, хариус, хек, херес, чапыга, шпроты, щука, щуренок, язь.

К грызунам мы отнесли следующие: белка, байбак, бобер, вампир, векша, выдра, дикобраз, ежик, ежиха, енот, крылак, крыса, барсук, крот, суслик, мышка, мышь, мышонок, ушак, хомяк, хорек, выдра, ондатра, горностай, шиншилла, куница и др.

К микроорганизмам мы отнесли следующие: амёба, блоха, букашка, гнида, гнус, головастик, жук, инфузория, клоп, комар, короед, кровосос, кузнечик, моль. Москит, мотылек, мошка, мошкара, мураш, муха, овод, оса, паразиты, рогащ, саранча, скорпион, слепень, слизень, стрекоза, тарантул, паук, каракурт, фаланга, таракан, термит II, тля, улитка, хрущ-жук, червь, червяк, шмель, шершень и др.

К тематической группе пресмыкающиеся мы отнесли следующие: аспид, боа, богомол, гад, гаденыш, гадюка, гидра, гусеница, гюрза, жаба, змей, змея, каракатица, квакушка, квакша, кобра, кобылка I, лягушка, питон,

саламандра, удав, хамелеон, черепаха, ящер, ящерица, ящур и др.

Наша классификация всего лишь попытка разобраться в семантическом поле зоонимов. Мы не претендуем на абсолютную последнюю инстанцию возможны и другие градации и скорее всего они будут. Мы опирались на собранный материал одного лишь словаря. Зоонимов гораздо больше в разы, возможно в десятки раз, так как не один словарь в мире не может и не в состоянии отобразить всего богатства слов, обозначающих зоонимы.

На многие наши вопросы предстоит ответить лексикографам, словообразователям, культурологам и др.

Литература:

1. Асфандияров И. У. Русский язык в Узбекистане. — Ташкент: Фан, 1982.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1990.
3. Словообразовательный словарь русского языка. Под ред. А. Н. Тихонова. — М., 1990.
4. Узбекско-русский словарь. Под редакцией А. К. Боровкова. — М., 1959.

ФИЛОСОФИЯ

Философско-теоретические основы концепта «мягкая сила»: структурный анализ

Лысенко Юлия Сергеевна, магистрант

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

В статье рассматриваются философско-теоретические основы концепта «мягкой силы», определяются его основные ресурсы и механизмы. Данная работа раскрывает специфику понятия «мягкой мощи» на основе анализа ее методологического ядра. Особое внимание в настоящей статье уделяется философскому осмыслению концепта «мягкого» могущества как сложно смысловой системы, представляющей продукт коллективного исторического преобразования.

Ключевые слова: «мягкая сила», концепт, «умная сила», дискурс, научное знание, философия науки, имиджевая привлекательность

В условиях современных реалий, характеризующихся глобальной взаимозависимостью и трансформацией внутринациональных государств, концепт «силы», как категория власти и влияния занимает особое место в философско-политическом дискурсе. Следует отметить, что применение «жесткой силы» приобретает контрпродуктивный характер, детерминированный отмеченной выше мировой тенденцией, тем самым смещая акцент в сторону «мягкой силы», идентифицируемой сегодня как неотъемлемый компонент национальной власти. При этом, на сегодняшний день, данный концепт «мягкого» могущества обладает различными коннотациями, наделяясь в зависимости от сопутствующего фона разнообразными образно-смысловыми значениями. В данном контексте, философско-теоретическое осмысление понятия «мягкая» сила становится актуальным и дезидеративным.

Концепт «мягкой» силы известный в зарубежной литературе как soft power интерпретируется как сила, могущество и влияние, присущее некой «мягкой» материи. В философско-культурологическом и политическом смысловом значении данная формулировка включает в себя гибкость, пластичность, ненавязчивость, эфемерность, хрупкость, и соблазнительность, как характерные определяющие черты рассматриваемого концепта. Антитезой «мягкой» силы выступает «жесткая» сила, главными образными характеристиками которой являются твердость, устойчивость, непоколебимость и силовое давление [1].

Многие общие руководящие идеи, лежащие в основе понятия «мягкой» силы, были впервые сформулированы перцептивной силой философской мысли. Действительно, научное осмысление концепта «силы» и «мягкого» воздействия, а также связанного с ними управление об-

ществом являлось предметом исследования известных философов с самых ранних этапов развития истории и философии науки. При этом, основные составляющие такого научного познания, в чем оно проявлялось это государство и власть. Само же понятие «власть» зародилось в Древней Греции, где впервые встал вопрос о надобности регулирования отношений между гражданами и поиска консенсуса между ними. Именно под этим влиянием власть оформляется, как насильственная деятельность, задачей которой является защита определенных кругов лиц и обладающая регулирующей функцией. Политическая философия, в свою очередь, исследования которой направлены на изучение природы, сущности и механизмов власти и влияния также свидетельствует, что процесс синтеза и последовательности применения авторитарных, жестких, демократических и гибких начал во властном воздействии является объектом пристального внимания многих философов. Так, государство по видению древнегреческого философа Платона, обладает возможностью воплотить идеи мира в социуме, где каждый житель, дабы не нарушать целостности, должен заниматься своим делом, не пытаясь вмешаться в чужие дела. В подобном государстве, которое является образцовым, нет места частной собственности, и существует равноправие полов. При этом, Платон предвещал закат тому государству, где закон не превалирует и сосредоточен во власти кого-либо. Труды Аристотеля, наряду с Платоном также занимают ключевую позицию в вопросах силы и управления обществом. Аристотель вводит классификацию власти, где существуют три правильных и три неправильных способа управления государством. В качестве первой группы можно отметить власть, переданную Богом, чем является Монархия. Среди второй группы, можно выделить тип власти,

основанный на мнении большинства, что есть демократия. Кроме того, своего рода прототипами современной «мягкой» силы выступают работы деятеля периода возрождения Макиавелли, который умело сочетал основные идеи Аристотеля, при этом, отмечая потенциал «мягкого воздействия» на людей или же вовсе отказ от них. Более поздним примером является предложенная Вальфредом Парето теория «циркуляции элит», где выделяется два типа элит — «львы» и «лисы» [3]. Для «львов» характерна решительность и применение силовых методов правления, в то время как для «лис» основа власти зиждется на пропаганде, хитрости и отсутствие силового, насильственного воздействия. Таким образом, в связи с сложившемся историческим мышлением, а также трансформацией исторического знания, понятие «мягкая сила» приобретает характер концепта. Именно концепт «мягкой силы», «власть», являясь сложно смысловой системой, представляет продукт коллективного исторического преобразования. Процесс изменения исторического мышления помогает выявить происходящие изменения в типе власти, определив истинные образно-смысловые значения.

Концепт «мягкая сила», как категория политической науки представляет собой способность государства или иного политического образования добиваться желаемого результата посредством побуждения и притягательности. Так, согласно Джозефу Наю, автору данного термина, новаторский подход которого способствовал его внедрению в политический и научный дискурс, «мягкая сила» является антитезой «жесткой» силе, которая в свою очередь основана на военном и экономическом давлении. В отличие от жесткой власти, «мягкая сила» базируется не на принуждении, а на инструментарии имиджевой привлекательности [4]. Таким образом, концепция «мягкой мощи» предполагает способность формировать предпочтения субъектов международных отношений на основе создания условий, где они (субъекты) восхищаются ценностями государства (или иного политического образования), имплементирующего «мягкую силу», подражают его примеру, стремятся к уровню его процветания и открытости, другими словами, хотят следовать за ним. Тем самым, стратегия несилового мягкого воздействия основывается на способности структурировать выбор других.

Основными ресурсами мягкой силы являются культура (которая привлекательна для других), политические ценности и внешняя политика [4]. Умелое сочетание данных компонентов, наряду с целенаправленным информационным воздействием, способствует формированию позитивного образа и привлекательности имиджа страны, формируя его «мягкую мощь».

Представленный и разработанный Дж. Наем, термин «мягкая сила» на современном этапе продемонстрировал свою географическую универсальность и гибкость. Так, если исходным назначением данного концепта являлось объяснение американского лидерства и превосходства, то на сегодняшний день понятие «мягкая сила» приме-

няется к описанию ресурсного потенциала и внешнеполитической деятельности других международных акторов. Более того, философское осмысление концепта «мягкой» мощи способствовало появлению в научном сообществе разнообразных теоретических моделей прогностического типа, где будущая общественная формация характеризуется понятием «общество знания» [5], идентифицируемым, как растущее влияние научного знания на политическую сферу жизни общества и на социальное управление. Помимо отмеченных тенденций, необходимо отметить, что сам концепт «мягкой и жесткой» силы, со времен его введения в научный оборот Дж. Наем претерпел трансформации в результате своей эволюции. Так, кроме дифференциации «силы» как категории политической науки, выделяется процесс интеграции или синтеза, характерный для концепта «силы», в результате которого появляется концепция «умной» силы или *smart power*. Методологическим ядром преобразовательного концепта «умной» силы является принцип синергии [6], предполагающий рациональное и умелое сочетание методов «жесткой» и «мягкой» силы для повышения эффективности влияния субъекта на объект воздействия.

Таким образом, на сегодняшний день, концепт «мягкой силы» занимает важное место в международно-политическом и философском дискурсе. Рассмотренные идеи и труды выдающихся ученых, философов свидетельствуют о существовании с античных времен прототипов современного концепта «мягкого» влияния, где объектом исследования являлось управление обществом, властью и государством. Безусловно, в работах данных философов заложены лишь зачатки «мягкого» воздействия государства, тем не менее, философское осмысление данного предмета исследования способствует лучшему пониманию той роли и функции социального регулятора, присущей концепту «мягкой» силы на современном этапе развития человечества. При этом, «мягкая мощь» определяется, как сила магнетизма, обладающая не просто искусством убеждения и привлекательности, а способная притягивать путем использования своего ресурсного потенциала и когнитивного воздействия на знаково-символическом и идейно-ценностном уровне. Основными инструментами ее трансляции являются коммуникационно-информационная деятельность, имиджевая политика, направленная на создания положительного образа, а также культурная дипломатия, представляющая комплекс мер в сфере культуры, науки и образования. Таким образом, стратегия «мягкой мощи» представляет собой последовательный, комплексный набор инструментов, воздействующий на различные целевые группы и направленный на получение тактической и стратегической выгоды. Анализ философско-теоретического осмысления концепта «мягкой» силы, свидетельствуют, что наука как фактор социальной регуляции представляет собой единую отрасль научного знания, где, формируя научную картину мира, происходит влияние на все сферы общественной жизни человека.

Литература:

1. Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2010. — № 10. — С. 173–192.
2. Старостин А. Ю. Концепт soft power в современной политической философии // Дискурс-Пи. — 2014. — № 1. — С. 60–62.
3. Nye Jr., Joseph S. Soft Power. The means to success in world politics. — NY: Public Affairs, 2004. — 191 с.
4. Бехманн Г. Общество знания — краткий обзор теоретических поисков // Вопросы философии. — 2010. — № 2. — С. 113–126.
5. Русакова О. Ф., Ковалева Д. М. «Мягкая сила» и «Умная власть»: концептуальный анализ // Социум и власть. — 2013. — № 3. — С. 15–19.

Смысл жизни как проблема философии

Соловьев Владимир Алексеевич, студент;
 Михайлов Алексей Леонидович, студент
 Ульяновский государственный технический университет

В данной статье сделана попытка обобщить и в тоже время рассмотреть понятие смысла жизни с разных философско-мировоззренческих позиций.

Ключевые слова: *смысл, жизнь, общество, смерть, перед лицом смерти*

In this article, an attempt is made to generalize and at the same time to consider the concept of the meaning of life from different philosophical and ideological positions.

Keywords: *Meaning, life, society, death, in the face of death*

Рано или поздно в жизни каждого человека наступает момент, когда человек задумывается о смысле своего существования, предстоящей смерти и достижения бессмертия. Эти мысли приходят в голову детям и всем юным людям, о чем говорят различные стихи и различные литературные произведения. Поэтому актуальность выбранной темы возникла со времен существования человечества.

Безусловно, многие современные философы правы, утверждая, что выбор смысла жизни зависит от многих факторов — объективных и субъективных. К объективным факторам следует отнести социально-экономические условия, сложившиеся в обществе, функционирующую в нем политико-правовую систему, господствующее в нем мировоззрение, сложившийся политический режим, состояние войны и мира и т. д. Важную роль в выборе смысла жизни играют и субъективные качества личности — воля, характер, рассудительность, практичность и т. д. [1].

В античной философии наблюдаются различные решения данного вопроса. Сократ видел смысл жизни в счастье, достижение которого связано с добродетельной жизнью, трепетным отношением к законам, принятым государством, знанием нравственных понятий; Платон — в заботах о душе; Аристотель — в стремлении стать добродетельным человеком и ответственным гражданином; Эпикур — в достижении личного счастья, покоя и блаженства; Диоген Синопский — во внутренней свободе, презрении к богатству; Стоики — в покорности судьбе [1].

У европейских философов, также имеются различные точки зрения к решению данного вопроса.

Кант видел смысл жизни в следовании принципам нравственного долга, Фейербах — в стремлении к счастью на основе всеобщей любви людей друг к другу, Маркс — в борьбе за коммунизм, Ницше — в «воле к власти», английские философы XIX века Бентам, Милль — в достижении выгоды, пользы, успеха. Смысл — это объективная наполненность, содержательный критерий жизни; осмысленность — это субъективное отношение к жизни, осознание ее смысла [1].

М. Горький писал: «Смысл жизни в красоте и силе стремления к целям, и нужно, чтобы каждый момент бытия имел свою высокую цель». Прочитав эту цитату, возникает вопрос, что понимается под высокой целью? Высокой целью можно считать цель, приводящую человека к истине. Стремление к истине вдохновляет и направляет человека, наполняет жизнь смыслом.

Жизнь индивида может иметь смысл, независимо от ее осмысления.

Смысл жизни — это личностная характеристика отношения к жизни, включающая в себя как непосредственное бытие индивида, так и его деятельное включение в социальную жизнь, соотношенное с системой ценностей и детерминированное внутренней личностной мотивацией поступка.

Смысл жизни может пониматься:
 — с рациональных позиций;

- с позиций иррациональных религиозных традиций;
- как сугубо нравственная проблема (И. Кант);
- как проблема реализации содержания некоего мирового духа, абсолютной идеи (Гегель);
- как психологическое состояние индивида и деятельное осуществление себя личностью;
- миром жизненных смыслов могут быть глубины человеческого Я, в том числе и бессознательного (К. Юнг);
- смысл жизни могут искать в монологах с самим собой (С. Кьеркегор) [2].

Можно видеть смысл жизни в том, чтобы просто жить — есть, спать, работать, растить детей, радоваться всему, что принесит удовольствие и стремиться избегать неприятностей.

Смысл жизни оказывается для человека стержнем, на котором держится «Я» и без которого он не может существовать. Всю трудность смысла жизни человек начинает осознавать тогда, когда задумывается о смерти. Чтобы найти смысл жизни, человек должен быть личностью, способной найти смысл жизни. Личность, умеющая наполнить свою жизнь смыслом — это личность, несущая любовь к людям в своем сердце [2].

Такая личность находит смысл жизни в деятельности, которая доставляет радость и ей самой, и другим

Человеку предстоит не узнать смысл жизни, а обрести его в опыте своего бытия.

Обретение подлинного, а не ложного смысла — чрезвычайно сложный процесс. Сложность проблемы состоит в том, что знать что-то о смысле жизни, определить его для себя и прожить свою жизнь со смыслом — далеко не одно и то же.

К. Маркс писал: «Время — это простор для развития способностей». Смысл жизни индивидуален, субъективен. Он создается человеком благодаря его собственным усилиям. Жизнь должна иметь смысл в себе, а не за своими пределами. Индивидуальная жизнь получает смысл как частица совместной общей жизни людей, в то время как человек, живущий только для себя, теряет смысл жизни потому, что отрывает свою индивидуальную жизнь от общей жизни [2]. Человек, живущий только для себя, боится смерти, так как смерть для него жестоким и бессмысленным концом всего.

Человек, который способен не только брать, но и отдавать, способен обрести смысл жизни. Смерть не сможет уничтожить его наследие, в котором кроются его добрые поступки, свершения, подвиги. В качестве примера, можно привести писателя, политика, инженера-строителя Транссибирской магистрали Н. Г. Гарина-Михайловского. Гарин-Михайловский являясь искусным инженером, старался сократить затраты на строительство железной дороги, сделать дорогу удобной и надежной. Благодаря его усилиям, самая длинная железная дорога в мире существует, по сей день, и функционирует, во благо каждого жителя нашей страны. Эта дорога — часть его наследия, его смысла жизни

Иными словами, смысл жизни человека — в самореализации личности, в потребности человека творить, отдавать, делиться с другими, жертвовать собой ради других.

Человек не должен бояться смерти, ведь боязнь смерти приближает смерть. Человек, осмысливший свою жизнь, знающий свое место в мире, вряд ли будет бояться смерти. Эпикур призывал не бояться смерти: если человек живет, то смерти нет, если смерть наступила, то его уже нет. А Спиноза советовал лучше думать о жизни, чем о смерти. Действительно, человек должен в первую очередь думать о жизни, ведь жизнь будет существовать и после нас. Наша жизнь — «великая» возможность вмешаться в колесо истории, повлиять на жизнь будущих поколений и их жизненный путь.

А. П. Чехов в книге «Человек в футляре» писал: «Жизнь — это миг. Ее нельзя прожить сначала на черновике, а потом переписать на беловик». В данной цитате Чехов показывает, что прошлое изменить нельзя. Не стоит заикливаться на прошлом, нужно продолжать жить.

Инженер и писатель Гарин-Михайловский писал: «Время не ждет и не прощает ни одного потерянного мгновения». Как часто мы замечаем, что человек доживает до старых лет и жалеет о своих ошибках, жалуясь на жизнь. Это заставляет задуматься: бесполезно ли наше пребывание на земном шаре? Человек, ограничивая себя, оставляя дела на будущее, живя в «футляре», тратит свое время без пользы для себя и окружающих. Время уходит человек начинает жалеть о том, что не смог или не решился сделать. В этот момент человек теряет себя и свой смысл жизни.

Цель размышлений о смысле жизни и о смерти для каждого индивидуальна. Каждый переживает этапы человеческой жизни по-своему. Человек, способный мыслить и притворять свои мысли в жизнь, обретает свой путь. Данная тема неисчерпаема и говорить о ней можно бесконечно.

Каждому человеку рано или поздно приходится подводить итог. И именно перед лицом смерти мы начинаем осознавать смысл жизни. Это происходит потому, что в этом состоянии перед лицом человека мелькает кинолента всей его жизни, и он способен узреть те моменты, где возможно все могло бы пойти иначе.

После этого, невольно, возникает вопрос: каким образом смерть может обосновать смысл жизни?

Смерть в столь малой степени является основанием, что она сама в чрезвычайной степени нуждается в том, чтобы быть обоснованной! Но для земного человека, живущего настоящим и согласно со здравым смыслом сего дня, т. е. не заглядывая в потустороннее, эта длительность обладала по крайней мере непосредственным смыслом. Смерть, если хотите, есть глубочайшая правда жизни, но эта правда не является сущностной, доходящей до самого ядра правдой, не является той постижимой позитивностью, которая способна была бы дать облеченной во плоть жизни недостающую ей консистенцию [3, с.70].

Однако найти смысл-это полдела; необходимо еще осуществить его. Человек несет ответственность за осуществ-

ление уникального смысла своей жизни. Осуществление смысла — процесс не простой и далек от того, чтобы совершаться автоматически, коль скоро смысл найден. Франкл характеризует стремление, порождаемое смыслом, в отличие от влечений, порождаемых потребностями, как то, что требует постоянного принятия индивидом решения, желает ли он осуществить его в данной ситуации или нет. Осуществление смысла является для человека императивной необходимостью по причине конечности, ограниченности и необратимости бытия человека в мире, невозможности отложить что-то на потом, неповторимости тех возможностей, которые представляет человеку каждая конкретная ситуация. Осуществляя смысл своей жизни, человек осуществляет тем самым себя; так называемая самоактуализация является лишь побочным продуктом осуществления смысла. Тем не менее человек никогда так и не знает

до самого последнего мгновения, удалось ли ему действительно осуществить смысл своей жизни [4, с. 11].

Надеяться надо только на себя, несмотря на человеческую солидарность, веру в Бога, высший Разум и т. д. Уникальность человека, неповторимость личности проявляется здесь в высочайшей степени. «... Смысл своей жизни каждый человек открывает для себя сам. Человек не должен спрашивать, в чем смысл его жизни, но скорее должен осознать, что он сам и есть тот, к кому обращен вопрос» [5, с. 118].

Вывод. Смысл жизни способен найти каждый. Это сделать не просто. Каждый человек вследствие своей индивидуальности найдет свой смысл. Жизнь, прожитая без сожалений, наполненная радостью, любовью, надеждой и трудом обретает смысл.

Литература:

1. Фролов И. Т. Введение в философию. — 2. — М.: Политиздат, 1989. — 639 с.
2. М. А. Дедюлина. Этика. — Таганрог: ТРТУ, 2005. — 100 с.
3. Янкелевич В. Смерть (Перевод с франц.) — М.: Издат-во Литературного института, 1999. 448 с.
4. Виктор Франкл в борьбе за смысл // petukhovsky.com. URL: <http://petukhovsky.com/file/books/viktor-frankl-v-borbe-za-smisl.pdf> (дата обращения: 7.05.2017).
5. Степанов С. Век психологии: имена и судьбы. 2002. — 144 с.

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал
Выходит еженедельно

№ 19 (153) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Курпаяниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)
Шуклина З. Н. (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 24.05.2017. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25